

Философия Право

№ 1 (80)

Научно-теоретический журнал
Издается с апреля 2000 года
Выходит четыре раза в год

2017

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций 30 сентября 1999 г.
Регистрационный номер ПИ 019290

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ ПРАВА

Виноградов А. И., Красова Е. М. ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ И. А. ИЛЬИНА О ЧЕЛОВЕКЕ КАК СУБЪЕКТЕ ПРАВА	7
Швандерова А. Р. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ МЕТОД В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА В ТЕОРЕТИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ М. М. КОВАЛЕВСКОГО, П. Г. ВИНОГРАДОВА И Ф. В. ТАРАНОВСКОГО	12
Моисеев А. В. ГОСУДАРСТВО И ВРЕМЯ: ПРОБЛЕМА РОЖДЕНИЯ СОВРЕМЕННОСТИ В «ФЕНОМЕНОЛОГИИ ДУХА» ГЕГЕЛЯ	18
Упорникова И. В. ЧЕЛОВЕК КАК ЧАСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЦЕЛОГО В ФИЛОСОФИИ Т. ГОББСА	24
Овчинников А. И., Бойко Н. А., Гасанова З. Г. КОНСЕРВАТИВНЫЕ ПРОЕКТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ В XX ВЕКЕ	30
Язов А. Н. ИСТОЧНИКИ ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕИ НАРОДНОГО СУВЕРЕНИТЕТА В ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПРАВОВОЙ МЫСЛИ РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА	38

ЭПИСТЕМОЛОГИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Москаленко С. Г., Борисова Е. С. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ДЕСТРУКТИВНЫМ ПОСЛЕДСТВИЯМ «ЦИФРОВОЙ» РЕВОЛЮЦИИ: ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ, ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЙ, КРЕАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ТЕХНОЛОГИИ КОМПЬЮТЕРНОЙ АНИМАЦИИ	45
Назарова В. С. СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ПРАВА В КОНТЕКСТЕ КОММУНИКАТИВНОЙ ПАРАДИГМЫ МАРТИНА ВАН ХУКА	51

ДУХОВНЫЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПРАВА

Казачанская Е. А. КАНОНИЧЕСКОЕ ПРАВО И ОСОБЕННОСТИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ БРАКА В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ В ПЕРИОД СРЕДНЕВЕКОВЬЯ	56
Оленич Т. С., Свистунов В. В. К ПРОБЛЕМЕ КУЛЬТУРНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ВОПРОСОВ ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: СВОЕВРЕМЕННОСТЬ, ПЕРСПЕКТИВЫ, РИСКИ	60
Ширикова А. В. НАЦИОНАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ В ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ	64
Аболмасова Т. Е. ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ПРАВА НА ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ В ДРЕВНЕРУССКОМ ГОСУДАРСТВЕ	69
Куликова Э. Г. СОЦИАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ИДЕЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКОЛОГИИ	76

РЕЛИГИОЗНО-ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Фетисов Т. (протоиерей) БОГОСЛОВИЕ КЕНОЗИСА В ХРИСТИАНСКОМ ПОНИМАНИИ ПРАВА	83
Фоминская М. Д. СТАНОВЛЕНИЕ ХРИСТИАНСКОЙ ИДЕИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА	90
Нефедовский Г. В. ЦЕРКОВЬ, ПРАВОСУДИЕ И СУД В ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ	96
Громов В. Г., Шонин И. Г. ВОЗНИКНОВЕНИЕ «ИСЛАМСКОГО ГОСУДАРСТВА»: ФАКТОРЫ УСПЕХА	100

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Гуляихин В. Н., Пантелеев Е. В. АРХЕТИПИЧЕСКИЙ БАЗИС ПРАВОВОГО ВОСПИТАНИЯ ЛИЧНОСТИ	105
Загутин Д. С., Самыгин П. С., Самыгин С. И. ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ	113
Шуваева О. М. РОЛЬ НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ В ПРОЦЕССАХ ТРАНСФОРМАЦИИ МИРОВОЗЗРЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА	118

Нарыков Н. В., Дементьев С. А. ЧЕЛОВЕК В ИНФОРМАЦИОННОЙ СРЕДЕ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА: АМБИВАЛЕНТНОСТЬ ПРИРОДЫ И СУЩНОСТИ ИНФОРМАЦИОННОГО ЧЕЛОВЕКА ...	123
Немчина В. И. ИДЕНТИЧНОСТЬ ИНДИВИДА В СОЦИАЛЬНЫХ ИНТЕРНЕТ-ПРАКТИКАХ	128

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА

Анохин Ю. В. ОБ ОТДЕЛЬНЫХ АСПЕКТАХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕХАНИЗМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В РОССИИ: ТЕОРИЯ КОНЦЕПЦИИ ПРАВОВОЙ ТЕХНОЛОГИИ	133
Пелевин С. И. МОЛОДЕЖНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ: ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ	139
Григоров Е. В. КОНСЕРВАТИЗМ: ВЫБОР ОНТОЛОГИИ	143
Кетова Е. В. ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ ПРИНЦИПА РОССИЙСКОГО ФЕДЕРАЛИЗМА	149

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Иванов Д. А. ОБЩЕПРАВОВОЕ ПОНЯТИЕ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЕМ, В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС И СОВРЕМЕННЫЕ ПРАВОВЫЕ РЕАЛИИ	153
Тишкин Д. Н., Напханенко И. П., Кутякин С. А. ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛИДЕРОВ КРИМИНАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ОСУЖДЕННЫХ («СМОТРЯЩИХ») В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ	159

Главный редактор: **К. А. Плясов**, канд. юрид. наук, доцент

Редакционная коллегия:

А. Ю. Терехов, канд. юрид. наук
(заместитель главного редактора);
А. С. Ханахмедов, канд. юрид. наук
(заместитель главного редактора);
П. П. Баранов, д-р юрид. наук, проф.;
И. М. Вакула, д-р филос. наук, проф.;
А. А. Конгарев, д-р филос. наук, проф.;
Е. Е. Несмеянов, д-р филос. наук, проф.;
В. Б. Рожковский, д-р филос. наук, проф.;
Е. А. Рыбалка, д-р филос. наук, проф.;
Н. Л. Бондаренко, д-р юрид. наук, проф.;
А. В. Варданян, д-р юрид. наук, проф.;
А. И. Овчинников, д-р юрид. наук, проф.;
Т. С. Паниотова, д-р филос. наук, проф.;
В. Б. Устьянцев, д-р филос. наук, проф.;
Г. Ч. Синченко, д-р филос. наук, проф.;
А. В. Лубский, д-р филос. наук, проф.

Учредитель и издатель – федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Адрес издателя: 344015, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

Адрес редакции: 344015, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83; тел.: 8 (863) 207-86-35

Электронная почта: ruiperiodika@mail.ru

Официальный сайт журнала: periodika.ruimvd.ru

Индекс по каталогу Агентства «Книга-Сервис» – 79848.

Цена по подписке по каталогу Агентства «Книга-Сервис» – 1164 рубля (2 номера).

Выпускающий редактор: И. А. Мосенцева
Компьютерный набор и верстка: Е. Е. Пелехатая

Сдано в набор 15.02.2017. Подписано к печати 28.03.2017. Выход в свет 31.03.2017.
Формат 60x84 1/8. Объем 20,5 п.л. Набор компьютерный.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл.-печ. л. 19,06. Тираж 300 экз. Заказ № .

Отпечатано в ГПиОП НИиРИО ФГКОУ ВО РЮИ МВД России.

344015, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

CONTENTS

HISTORY OF PHILOSOPHY OF LAW

Vinogradov A. I., Krasova E. M.

SPIRITUAL AND MORAL FOUNDATIONS OF IDEAS I. A. ILYIN ABOUT A PERSON AS A SUBJECT OF LAW 7

Shvanderova A. R.

COMPARATIVE METHOD IN THE STUDY OF THE HISTORY OF LAW AND STATE IN THE THEORETICAL HERITAGE OF M. M. KOVALEVSKY, P. G. VINOGRADOVA AND F. V. TARANOVSKY 12

Moiseev A. V.

STATE AND TIME: THE PROBLEM OF THE BIRTH OF MODERNITY IN THE «PHENOMENOLOGY OF THE SPIRIT» OF HEGEL 18

Upornikova I. V.

MAN AS A PART OF A POLITICAL ENTIRE IN THE PHILOSOPHY OF T. HOBBS 24

Ovchinnikov A. I., Boyko N. A., Gasanova Z. G.

CONSERVATIVE PROJECTS OF THE STATE DEVELOPMENT OF RUSSIA IN THE XX CENTURY 30

Yazov A. N.

SOURCES OF THE FORMATION OF THE IDEA OF PEOPLE'S SOVEREIGNTY IN THE LIBERAL LEGAL THOUGHT OF RUSSIA IN THE SECOND HALF OF THE XIX – EARLY XX CENTURY 38

EPISTEMOLOGY AND METHODOLOGY OF PHILOSOPHICAL AND LEGAL RESEARCH

Moskalenko S. G., Borisova E. S.

METHODOLOGICAL ASPECTS OF COUNTERACTION TO THE DESTRUCTIVE CONSEQUENCES OF THE «DIGITAL» REVOLUTION: PEDAGOGICAL, EPISTEMOLOGICAL, CREATIVE POTENTIAL OF THE EDUCATIONAL TECHNOLOGY OF COMPUTER ANIMATION 45

Nazarova V. S.

MODERN METHODOLOGICAL APPROACHES TO THE STUDY OF LAW IN THE CONTEXT OF THE COMMUNICATIVE PARADIGM OF MARTIN VAN HOOK 51

SPIRITUAL AND SOCIAL AND CULTURAL BASIS OF LAW

Kazachanskaya E. A.

CANONICAL LAW AND PECULIARITIES OF MARRIAGE IN WESTERN EUROPE DURING THE MIDDLE AGES 56

Olenich T. S., Svistunov V. V.

TO THE PROBLEM OF CULTURAL TRANSFORMATION OF ISSUES OF SPIRITUAL SECURITY: TIMELINESS, PROSPECTS, RISKS 60

Shirikova A. V.

NATIONAL MODELS OF MULTICULTURALISM AND THEIR IMPLEMENTATION IN HIGHER EDUCATION 64

Abolmasova I. E.

BACKGROUND OF THE EMERGENCE AND DEVELOPMENT OF THE RIGHT TO CONFESSION IN THE OLD RUSSIAN STATE 69

Kulikova E. G.

SOCIAL COMMUNICATION AND SOCIAL RELATIONSHIPS IN THE CONTEXT OF LINGUISTIC ECOLOGY 76

RELIGIOUS AND LEGAL STUDIES

Fetisov T. (archpriest). THEOLOGY OF THE KENOSIS IN THE CHRISTIAN CONCEPT OF LAW	83
Fominskaya M. D. THE FORMATION OF THE CHRISTIAN IDEA OF HUMAN RIGHTS	90
Nefedovsky G. V. CHURCH, JUSTICE AND COURT IN THE BYZANTINE EMPIRE	96
Gromov V. G., Shonin I. G. THE EMERGENCE OF THE «ISLAMIC STATE»: SUCCESS FACTORS	100

PHILOSOPHICAL AND LEGAL ANTHROPOLOGY

Gulyaikhin V. N., Pantelev E. V. ARCHETYPAL BASIS OF LEGAL EDUCATION OF THE INDIVIDUAL	105
Zagutin D. S., Samygin P. S., Samygin S. I. FEATURES OF LEGAL SOCIALIZATION OF MODERN RUSSIAN YOUTH IN A TRANSFORMING SOCIETY	113
Shuvaeva O. M. THE ROLE OF SCIENTIFIC FICTION IN THE PROCESS OF TRANSFORMATION OF THE MODERN MAN WORLDVIEW	118
Narykov N. V., Dementiev S. A. MAN IN THE INFORMATION FIELD OF MODERN SOCIETY: THE AMBIVALENCE OF NATURE AND THE ESSENCE OF THE INFORMATION PERSON	123
Nemchina V. I. IDENTITY OF AN INDIVIDUAL IN SOCIAL INTERNET-PRACTICES	128

PHILOSOPHICAL AND LEGAL ASPECTS OF LEGAL POLICY OF THE STATE

Anokhin Yu. V. ABOUT CERTAIN ASPECTS OF IMPROVING THE MECHANISM OF ENSURING HUMAN RIGHTS IN RUSSIA: THE THEORY OF THE CONCEPT OF LEGAL TECHNOLOGY	133
Pelevin S. I. YOUTH POLITICAL ORGANIZATIONS: HISTORY AND DEVELOPMENT PROSPECTS	139
Grigorov E. V. CONSERVATISM: CHOICE OF ONTOLOGY	143
Ketova E. V. THE CONCEPT AND ESSENCE OF THE PRINCIPLE OF RUSSIAN FEDERALISM	149

PHILOSOPHICAL AND LEGAL ASPECTS OF STRUGGLE AGAINST CRIME

Ivanov D. A. GENERAL LEGAL CONCEPT OF HARM CAUSED BY CRIME IN THE RUSSIAN LEGISLATION: HISTORICAL EXCURSION AND MODERN LEGAL REALITIES	153
Tishkin D. N., Napkhanenko I. P., Kutyaikin S. A. OPERATIVE AND INVESTIGATIVE CHARACTERISTICS OF THE ACTIVITY OF CRIMINAL ORGANIZATION LEADERS OF CONVICTED («WATCHING») IN CORRECTIONAL INSTITUTIONS	159

Виноградов Андрей Иванович
Vinogradov Andrey Ivanovich

директор Социально-гуманитарного института Мурманского арктического государственного университета
доктор философских наук, доцент.

Director of the Social-Humanity Institute, Murmansk Arctic State University, Doctor of Philosophy, Associate Professor.

Тел.: 8 (921) 035-56-65.

Красова Елена Михайловна
Krasova Elena Mikhailovna

аспирант Социально-гуманитарного института Мурманского арктического государственного университета.

Postgraduate Student, Social-Humanity Institute, Murmansk Arctic State University.

Тел.: 8 (911) 331-36-44.

ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ
И. А. ИЛЬИНА О ЧЕЛОВЕКЕ КАК СУБЪЕКТЕ ПРАВА

Spiritual and moral foundations of ideas I. A. Ilyin about a person as a subject of law

В статье анализируются принципиальные основания учения И. А. Ильина о субъекте права, необходимость которых доказывается через противоречивое единство человеческого тела, души и духа. Описывается механизм, с помощью которого религиозное и нравственное основания обеспечивают функционирование нормального субъекта права. Раскрывается понимание философом человека как творца себя в качестве субъекта права.

Ключевые слова: субъект права, религия, нравственность, душа, дух, свобода.

In the article analysis of the basis of I. Ilyin's teachings on the agent of law. Showion that the Russian philosopher proves the need for these foundations through the contradictory unity of human body, soul and spirit. The mechanism is described, by which the religious and moral basis provides the functioning of a normal agent of law. Ilyin's understanding of the human being as the creator of himself as the agent of law is shown.

Keywords: agent of law, religion, morality, soul, spirit, freedom.

Изучение творческого наследия любого философа не может ограничиваться перечислением выработанных им представлений и сформулированных идей. Подобный подход был бы слишком примитивным отражением внешней стороны гораздо более богатого внутреннего содержания, ускользающего от нашего восприятия как непроявленного во вне. При этом каждый мыслитель в ходе своего творчества опирается на определенные принципы, которые служат фундаментом и источником других его идей. Экспликация этих принципов позволяет не останавливаться на воспроизведении взглядов философа, а дает возможность выявлять и раскрывать смыслы, заложенные в них.

Именно с этих позиций следует подойти к анализу творческого наследия выдающегося русского мыслителя XX века со сложной и во

многом трагической судьбой И. А. Ильина. Естественно, что в рамках статьи выполнить эту задачу в полном объеме невозможно. Поэтому сосредоточимся на одном, но очень важном аспекте идейных поисков мыслителя – духовно-нравственной основе его представлений о человеке как субъекте права.

Первое, что необходимо отметить, – это целостность понимания человека И. А. Ильиным. Мыслитель стремился охватить все стороны человеческого бытия. Человек для него – это одновременное единство «живого организма» и «живого духа». И если одна из этих сторон игнорируется или подавляется, то в жизни человека наступает дисгармония и мучительный разлад. Согласно взглядам И. А. Ильина, материальная и духовная сущность человека имеет свой собственный строй, свои законы.

Человек есть «самостоятельное сущест-

во, со своею внутреннею, таинственною самодеятельностью и особым жизненным инстинктом» [1, с. 191]. Данная внутренняя инстинктивная самодеятельность может лишь в некоторой степени испытывать влияние внешних факторов, но она изначально уже задана в человеке, и ее невозможно принципиально преобразовать или отменить. Аналогично этому И. А. Ильин рассматривал человека и с точки зрения его духовной сущности. Согласно его взглядам, в этой сфере правит закон совести. Человек действует, «повинуясь только совестному (Божьему) зову и личному дарованию» [1, с. 192]. И этот принцип также невозможно заменить другим или совсем отменить, так как он составляет основу духовной жизни человека.

Но, кроме этих «внутренних» законов, есть еще законы «внешние», которые устанавливаются правовыми нормами. Именно из-за существования внешних законов человек оказывается вовлечен в систему многообразных правоотношений, а значит, становится субъектом права. При этом то, как он будет чувствовать себя в этой роли, зависит от конкретного сочетания внутренних и внешних законов. Внешние законы будут либо согласовываться с внутренними, либо противоречить им.

Первый вариант сочетания законов порождает гармоничное развитие человека, дает ему возможность раскрыть свои способности. В материальной сфере он позволяет проявиться внутренней целесообразности человеческого инстинкта. Индивид получает «свободу труда и свободу предметного суждения» [1, с. 192]. В духовной сфере человек может обрести свободу веры, любви, созерцания, убеждений и творчества [1, с. 192]. В результате формируется такой субъект права, который воспринимает внешние правовые нормы как свои собственные, так как они действительно являются выражением и продолжением его внутренних стремлений.

Следствием второго варианта сочетания внешних и внутренних законов являются разлад, неприятие и противостояние. И. А. Ильин показывает это на примере советской России, где человек был лишен собственности, хозяйственной инициативы и свободы труда в материальной сфере, а в духовной сфере отсутствовала творческая самодеятельность.

В этом случае субъект права не может не воспринимать правовые нормы как чужеродные для него, как досадную помеху на пути реализации его естественных прав.

При этом И. А. Ильин не призывает к устранению всех ограничений в проявлении внутреннего человеческого инстинкта. По его мнению, такие ограничения необходимы, как и духовное воспитание человека, без которого наступит анархия. Задачу внешних законов мыслитель видел в установлении правильных пределов свободы, которая предстала бы как «свобода здорового органического инстинкта и свобода духовного опыта» [1, с. 195]. Такие законы призваны ограничить отрицательные проявления человеческих устремлений, но при этом поддержать и развить те внутренние свойства субъекта права, которые позволяют достичь наивысшего для него блага.

Следующим шагом в раскрытии духовно-нравственных основ понимания И. А. Ильиным субъекта права является анализ его трактовки духовной сущности человека. В ее структуре мыслитель выделял два компонента: душу и дух. Душа человека представляет собой несвободную часть духовной сущности, связанной с телом и зависящей от законов, которые она не в силах изменить. Это законы сознания и бессознательного, сила инстинкта и влечений, законы мышления, воображения, чувства и воли [2, с. 95]. Но человеческий дух обладает свободой, он «имеет силу и власть *создавать формы и законы своего бытия*, творить себя и способы своей жизни» [2, с. 95].

Следовательно, человек представляет собой противоречивое единство сразу трех компонентов: тела, души и духа. Его противоречивость заключается в том, что свободному духу в нем приходится иметь дело с телом и душой, скованными определенными законами. И жизнь человека зависит от того, достигнет ли он внутренней свободы, отвечая на призыв духа и реализовав тем самым истинно человеческое предназначение, или подчинится требованиям тела и души, отражающим его природные свойства, которые в значительной степени роднят его с животным миром.

Таким образом, характер описанного выше отношения между внутренними (телесными и духовными) и внешними (правовыми) факторами жизни человека форми-

руется под влиянием внутренних факторов (тело, душа и дух). Очевидно, что для правильного понимания условий существования субъекта права необходимо дифференцированно учитывать взаимосвязь внутренних сфер его жизни с внешними обстоятельствами. Такой подход позволил И. А. Ильину расширить представление о необходимости определения соответствия между внутренними и внешними законами в деятельности субъекта права и обоснованно показать, что именно во внутреннем мире человека следует порицать и ограничивать, а что – поддерживать и развивать.

И. А. Ильин пишет, что внешний закон, прежде всего, должен учитывать потребности духа как, с одной стороны, наиболее важной, а с другой – недетерминированной внутренней сферы человеческой жизни. Он должен дать человеку возможность свободного самоопределения: «свобода подобает духу и должна быть предоставлена именно ему» [2, с. 97], что будет вполне сообразным его природе как независимой сущности. Для осуществления этого принципа сферу духа субъекта права следует надежно оградить от всякого давления, запрета и принуждения со стороны других людей. Правовые нормы призваны обеспечить полную автономию его духовных исканий. Субъекту права должна быть гарантирована «свобода веры, воззрений и убеждений, в которую другие люди не имели бы права вторгаться с насильственными предписаниями и запрещениями» [2, с. 89].

В то же время телу и душе полную свободу предоставить нельзя, так как при этом проявится не только «здоровый органический инстинкт», но и животная природа человека. Поэтому мыслитель вновь подчеркивает, что свобода не тождественна попустительству и беззаконию: «ни одному человеку не может быть предоставлено право на преступление» [2, с. 101]. Это означает, что человек нуждается во внешних предписаниях и запрещениях, причем они «должны быть часто поддержаны угрозою, а иногда подкреплены силой и принуждением» [2, с. 89].

В результате право, согласно И. А. Ильину, играет двоякую роль. С одной стороны, оно защищает свободу духа каждого человека и пресекает негативные проявления его природы. Но это формальные задачи права, которые

вполне естественны для коллективных субъектов права. Многосоставный субъект, в отличие от индивидуального, не обладает внутренней цельностью тела, души и духа. Его скрепляет внешнее, формальное единство уставных документов, в которых четко оговариваются права и обязанности его членов.

Однако если бы описание значения права для индивидуального субъекта исчерпывалось только этими задачами, то картина его жизнедеятельности выглядела бы весьма механистично: огражденный от принуждения в сфере духа субъект вынужден постоянно подавлять возникающие у него желания, так как понимает, что они запрещены законом. По мнению И. А. Ильина, это неизбежная, но лишь временная стадия в процессе формирования индивидуального субъекта права: такое действие права необходимо на этапе взросления человека как элемент воспитания детей, приучающий их к определенному поведению в обществе. Формальность требований, предъявляемых к детям, обусловлена особенностями их возраста, так как они еще не в состоянии воспринять содержательное богатство права. Но И. А. Ильин верил в то, что в человеческом духе заложено стремление, которое в случае своей реализации может видоизменить описанную выше роль права. Для понимания этого нам следует обратиться к трактовке сущности человеческого духа, предложенной философом.

Каждый человек рассматривался И. А. Ильиным как своеобразный и автономный центр жизни духа. Дух философ трактовал как то, «что объективно-значительно в душе», как «те душевные состояния, в которых человек живет своими главными, благородными силами и стремлениями» [3, с. 23]. Именно в этом человеческом свойстве мыслитель видел возможность перехода от формального права к содержательному, когда человек подчиняется требованиям права не потому, что за неподчинение он будет наказан, а потому, что эти требования совпадают с его внутренними представлениями о справедливом порядке вещей. Однако подобное совпадение имеет одно необходимое условие: внешние требования должны быть созданы на основе потребностей живого человеческого духа. Не право устанавливает духу нормы и правила, не оно определяет границы и полномочия духа, а, наоборот,

обращение к духу как к своему источнику позволяет праву стать не уродливым насильственным предписанием, но естественным и свободным принимаемым регулятором жизни людей.

Рассмотрим, как И. А. Ильин описывал конкретный механизм, с помощью которого право может обрести свою духовную основу. Мыслитель видел этот механизм в правосознании, под которым понимал не просто знание человеком своих правовых «полномочий, обязанностей и запретностей», но признание их в порядке свободного самовмещения и наличие у него достаточно сильной воли для того, чтобы он мог соблюдать признанное [4, с. 230]. Вполне очевидно, что данный механизм будет работать, если сущность внешних полномочий, обязанностей и запретов совпадает с внутренними ценностями самого человека. В противном случае внешние правила предстают перед человеком как нечто чуждое ему и реализуются им не в свободном выборе, а в виде насильственной меры.

Для решения этой проблемы И. А. Ильину необходимо было найти тот аспект духовной жизни человека, который, являясь основой для формулирования внешних правовых норм, сумеет затем узнать их, восприняв как свои собственные. При этом искомому духовному явлению необходимо иметь уникальный характер: с одной стороны, оно должно переживаться каждым человеком как нечто совершенно личное, а с другой – обладать всеобщностью, для того чтобы обеспечить абсолютную одинаковость предъявляемых ко всем людям правовых предписаний. В качестве такого духовного явления И. А. Ильин указал данное от Бога и природы «некое инстинктивное чувствилище для объективно-лучшего» [4, с. 231].

В рамках данного исследования особенно важно обратить внимание на двойственный характер понимания И. А. Ильиным происхождения этого «чувствилища». Первая его составляющая – «от Бога» обеспечивает нормативной интуиции человека высшую санкцию, гарантирующую ей возможность соотнесения ее решений и переживаний с эталоном совершенного блага: «субъект права и правосознания вырастает из того глубокого и священного слоя души, где господствуют веяния Божии, где душа человека и Дух Божий пребывают в живом соприкосновении, в таинственном и благодатном единении» [5, с. 355]. Благодаря ре-

лигиозной составляющей духовной жизни человека он может правильно оценить свои и чужие поступки, а также предъявляемые к нему требования.

Природная составляющая обеспечивает общность человеческих переживаний: заложенное в человеке от природы духовное стремление требует, чтобы личная жизнь каждого «восприняла абсолютно-ценное содержание и осуществила в нем форму автономии» [4, с. 235]. Этот акт переживается человеком как совесть. Таким образом, источником подлинного правосознания, согласно И. А. Ильину, выступают религия и нравственность.

Он считал, что без религиозной основы право превращается в «явление личной, классовой и всенародной жадности и создает, в лучшем случае, неустойчивое равновесие вождельний, равнодействующую вражды и зависти» [6, с. 288]. Это вполне объяснимо, так как, оказавшись вне религиозных, по существу, трансцендентных ценностей, субъект права попадает в зависимость от имманентных закономерностей тела, его материальных потребностей, души, характерного для нее потока разнообразных и противоречивых переживаний, помыслов и ощущений. Такой субъект подобен кораблю, лишенному средств навигации, – им управляют течения и ветер. Трансцендентное же показывает человеку иной путь: «оно вторгается в тоталитарное царство имманентизма, и если и не изменяет его, то хотя бы озаряет его мечтой о принципиально другой реальности. Оно зовет человека выйти из рабства материальным обстоятельствам, к свободе духа» [7, с. 11].

Аналогично этому и жизнь человека, не связанная со своей нравственной основой, не может быть в полном смысле названа жизнью субъекта права, поскольку само понятие субъекта предполагает осмысленную активность, а применительно к рассматриваемой теме – осознанное отношение к правовым нормам с точки зрения добра и зла, справедливого и несправедливого и так далее. Согласно И. А. Ильину, именно для этого человеческая душа имеет особый нечувствительный орган, именуемый совестью. Совестьный акт «заставляет человека воспринять нравственное совершенство как живую сверхчувственную силу» [3, с. 48]. Благодаря совершению совестного акта человек получает возможность перейти от подавления

своих запрещенных законом желаний к их добровольному нравственному преобразованию. Развивая эту мысль, И. А. Ильин явно опирался на идею В. С. Соловьева о существовании основы общечеловеческой нравственности, независимой от индивидуальных, расовых, климатических, исторических или иных различий [8, с. 119], и необходимости реализации ее в человеческой жизни для того, чтобы она приобрела смысл и достоинство [8, с. 543].

Однако следует помнить о том, что ни религиозная, ни нравственная составляющие жизни субъекта права ничего не производят в нем автоматически. Их, скорее, можно определить как духовно-нравственный фундамент, обеспечивающий прочность возводимого на нем здания. Функцию «строителя» полностью выполняет человек как субъект деятельности. Для успеха «строительства» ему нужно осознанно принять заложенные в нем духовно-нравствен-

ные принципы, раскрыв в себе «особую духовную настроенность инстинкта в отношении к себе и другим людям» [4, с. 231], выразить эти принципы вовне в виде правовых норм и стараться не нарушать их гармонию.

Таким образом, возникновение нормального субъекта права И. А. Ильин понимал не как predetermined процесс, протекающий по заранее заданной схеме, но как задание, стоящее перед каждым человеком. Прислушается ли человек к голосу Бога и своей совести или останется глух к ним, зависит только от него. Но только в первом случае он сможет обрести подлинный духовный смысл своей жизни, а во втором – останется «просто живым существом, наподобие животных и насекомых... одушевленным созданием, удачно соображающим и желающим для себя всякой пользы, капризно и разнообразно чувствующим и нестесненно фантазирующим» [9, с. 341].

Литература

1. Ильин И. А. Обоснование свободы // Собрание сочинений: в 10 т. М., 1993. Т. 2. Кн. 1.
2. Ильин И. А. Путь духовного обновления // Собрание сочинений: в 10 т. М., 1996. Т. 1.
3. Ильин И. А. Религиозный смысл философии. Три речи. 1914–1923 // Собрание сочинений: в 10 т. М., 1994. Т. 3.
4. Ильин И. А. О сущности правосознания // Собрание сочинений: в 10 т. М., 1994. Т. 4.
5. Ильин И. А. Кризис безбожия // Собрание сочинений: в 10 т. М., 1996. Т. 1.
6. Ильин И. А. Основы христианской культуры // Собрание сочинений: в 10 т. М., 1996. Т. 1.
7. Виноградов А. И. Воображение как нарушитель границ // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Философские науки». 2016. № 3.
8. Соловьев В. С. Оправдание добра // Сочинения: в 2 т. М., 1990. Т. 1.
9. Ильин И. А. О чувстве ответственности // Собрание сочинений: в 10 т. М., 1993. Т. 2. Кн. 2.

Bibliography

1. Ilyin I. A. Rationale for freedom // Collected works: in 10 vols. Moscow, 1993. Vol. 2. Book 1.
2. Ilyin I. A. The way of spiritual revival // Collected works: in 10 vols. Moscow, 1996. Vol. 1.
3. Ilyin I. A. Religious meaning of philosophy: three speeches: 1914–1923 // Collected works: in 10 vols. Moscow, 1994. Vol. 3.
4. Ilyin I. A. On the essence of conscience of law // Collected works: in 10 vols. Moscow, 1994. Vol. 4.
5. Ilyin I. A. Crisis of atheism // Collected works: in 10 vols. Moscow, 1996. Vol. 1.
6. Ilyin I. A. The basis of Christian culture // Collected works: in 10 vols. Moscow, 1996. Vol. 1.
7. Vinogradov A. I. Imagination as a violator of boundaries // Bulletin of Moscow state regional university. Series «Philosophical sciences». 2016. № 3.
8. Solovyov V. S. Justification of the Good // Works: in 2 vols. Moscow, 1990. Vol. 1.
9. Ilyin I. A. On the sense of responsibility // Collected works: in 10 vols. Moscow, 1993. Vol. 2. Book 2.

Швандерова Алла Робертовна
Shvanderova Alla Robertovna

доцент кафедры теории и истории права и государства Ростовского филиала Российского государственного университета правосудия кандидат социологических наук.

Associate Professor, Department of Theory and History of Law and State, Rostov branch of the Russian University of Justice, PhD in Sociology.
Тел.: 8 (928) 606-09-69.

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ МЕТОД В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ ПРАВА
И ГОСУДАРСТВА В ТЕОРЕТИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ
М. М. КОВАЛЕВСКОГО, П. Г. ВИНОГРАДОВА И Ф. В. ТАРАНОВСКОГО**

**Comparative method in the study of the history of law and state in the theoretical
heritage of M. M. Kovalevsky, P. G. Vinogradova and F. V. Taranovsky**

Статья посвящена анализу сравнительного (компаративного) метода, который применяется при сопоставлении и противопоставлении правовых и политических систем с целью выявления их общих, особенных и единичных свойств. Изучив теоретическое наследие выдающихся российских ученых, автор отмечает, что данный метод предлагает практически неограниченный набор решений социально-политических и экономических проблем и предоставляет возможность исследователям выбрать наиболее эффективное из них.

Ключевые слова: сравнительно-правовой (компаративный) метод, алгоритм сравнительного исследования, комплексное исследование, синхронический (синхронный) метод, диахронический (сравнительно-исторический) метод.

Article is devoted to a comparative method which is applied by comparison and opposition of legal and political systems for the purpose of detection of their general, special and single properties. Having analysed theoretical heritage of outstanding Russian scientists, the author notes that this method proposes almost unrestricted set of solutions of socio-political and economic problems and gives an opportunity to researchers to choose the most effective.

Keywords: comparative and legal (comparative) method, algorithm of comparative research, comprehensive study, e synchronic (simultaneous) method, diachronic (historical-comparative) method.

Мы беремся за выполнение задач сравнительного метода с той тщательностью, которой требует научный идеал...

Э. Рабель

Юридической науке свойственно многообразие методов познания и теорий права и государства, причем как рациональных, так и иррациональных. В начале прошлого века Б. А. Кистяковский, теоретик и социолог права, анализируя состояние отечественной и мировой правовой науки, справедливо отмечал, что ни в одной науке нет столько противоречащих друг другу теорий, как в юриспруденции [4]. Можно с уверенностью предположить, что одной из причин такого многообразия является проблема выбора наиболее эффективных методов познания права и государства, выступающих, по мнению Ф. Бэкона, орудиями, совершенствующими саму

человеческую мысль. Известное сравнение мыслителя метода с фонарем: даже хромой, идущий с фонарем по дороге, опередит того, кто бежит без дороги, несколько не утратило актуальности. Метод всегда «держит в руках» судьбу исследования, вооружает познающего субъекта системой принципов, требований, правил, руководствуясь которыми, он может достичь намеченной цели – выявить и объяснить закономерности процесса возникновения, развития, смены политико-правовых институтов. Очевидно, что выбрать наиболее эффективные методы исследования невозможно, не изучив накопленный исследовательский опыт.

Рассмотрим сравнительный (компаративный) метод, который, являясь частнонаучным методом исследования права и государства, применяется при сопоставлении и противопоставлении двух и более правовых и политических систем с целью выявления их общих, особенных и единичных свойств. В научной и методической литературе справедливо отмечается, что сравнение – имманентная сторона процесса познания, один из основных логических приемов познания внешнего мира. Действительно, познание любого предмета или явления начинается с того, что устанавливается отличие его от других предметов и определяется сходство с родственными объектами.

Сравнительно-правовой метод предполагает выявление типов правовых систем, установление связи правовых норм с конкретно-историческими условиями их подготовки и принятия, поскольку право всегда существует в конкретном времени и реальном пространстве, имеет прошлое, настоящее и будущее. Сравнительно-правовой метод включает *синхронический* (синхронный), изучающий политику и право двух или нескольких государств одной эпохи, и *диахронический* (сравнительно-исторический), исследующий развитие объектов во времени. В связи с этим уместно выделить обязательные стадии сравнительного исследования:

- 1) изучение конкретных политико-правовых институтов с целью выявления их существенных особенностей;
- 2) сравнение выявленных особенностей аналогичных институтов, установление их сходных и различных характеристик;
- 3) анализ и оценивание различий с точки зрения идеи справедливости, целесообразности, эффективности и других;
- 4) изучение практической реализации исследуемых правовых и политических институтов.

Сравнительный метод может быть использован в следующих случаях:

- при изучении общих и особенных характеристик правовой культуры различных цивилизаций в прошлом и настоящем;
- анализе происхождения отдельных правовых принципов (например, «нельзя быть судьей в собственном деле», «договоренности должны соблюдаться») или отдельных правовых и политических институтов;
- комплексном исследовании истории отечественной и зарубежной правовой культу-

ры с целью выявления положительного опыта и недостатков;

- при установлении преемственности и выявлении инноваций в правовых культурах разных стран.

Следует отметить, что метод сравнительного анализа получил признание еще в глубокой древности. Например, Гомер, описывая странствия Одиссея, сравнивал обычаи и традиции людей, с которыми судьба сводила его героя [8]. Геродот составил классификацию форм правления, явившуюся результатом исследования Персидского государства [8]. Платоновские «Законы» также основаны на сравнительном анализе 150 нормативных актов греческих городов-полисов [11]. Аристотель в «Политике» изучил и сравнил 200 различных правовых актов, проанализировал государственное устройство 158 стран и городов-полисов [1]. Его научные заслуги в плане сравнительного анализа отметил русский историк Ф. В. Тарановский: «...этот великий мыслитель классического мира читал лекции по сравнительной политике. Но, к сожалению, почти две тысячи лет оставался он в этом направлении одиноким, без подражателей и продолжателей...» [14].

Римские философы Полибий и Страбон весьма успешно применяли сравнительные исследования. Так, Полибий, сопоставив правовые системы современных ему государств, доказал, что их право подчиняется единым законам циклического развития, естественным образом сменяя друг друга [12]. Страбон в «Географии» сформулировал идею общего правового пространства, в котором законы и обычаи одних народов нередко заимствовались другими [13].

Сравнительный метод использовался и на Древнем Востоке, в политической и правовой культуре которого, как известно, доминировало мифологическое мировоззрение, основанное на идее божественного происхождения государства и власти божества или Космического разума, а земные порядки, будучи всего лишь отражением космического порядка, создавались волей божества или установлениями Космического разума. Эти представления широко отражены в известных древнеавилонских политико-правовых памятниках древнего права – Законах Хаммурапи, Законах Ману.

В Новое время сравнительный метод развивали и применяли такие европейские ученые, как Р. Салсейль, А. Фейербах, Г. Мэн (Мейн). Так, Г. Дж. Мэн, английский юрист, антрополог, историк и социолог права, первым применил историко-правовой метод при сравнении различных правовых культур, находящихся на разных стадиях своего развития [9].

Как известно, сравнительно-правовой метод применяется в юридической науке в трех вариантах – по институтам (макро- и микро-сравнения), целям (функциональный и теоретический) и уровням (внутрисистемный, внутринациональный, межсистемный и т. п.). Для нас наибольший интерес представляет функциональный вариант сравнительного метода, поскольку именно он является эффективным правовым средством и способом решения похожих социально-правовых проблем в разных правовых системах, поскольку логика сравнения в таком случае движется от причины к следствию, то есть от социального факта или процесса к его правовому урегулированию. При этом сравнение показывает, что решить одни и те же проблемы можно, комбинируя правовые средства и методы из различных правовых систем и даже разных исторических периодов, и, следовательно, это дает возможность найти наилучший вариант для своей страны и в то же время не допустить отступления от правовых принципов национального права.

Кроме того, функциональное сравнение, имея явную социологическую составляющую, должно обязательно выяснить, какую роль в развитии правовых институтов играют, помимо экономических, политических и социальных, национальные философско-религиозные воззрения и даже климатические и географические условия.

В России сравнительно-правовыми исследованиями и сравнительной историей права занимались П. Г. Виноградов, Ф. В. Тарановский, М. М. Ковалевский, Н. М. Коркунов, В. И. Сергиевич, С. Муромцев, Г. Ф. Шершеневич и другие [15]. Их взгляды на сущность и эффективность применения названного метода в собственных исследованиях оказали огромное влияние на развитие не только историко-правовых знаний, но и политико-правовой доктрины России, обосновав ориентиры внутренней и внешней ее политики.

На рубеже XIX–XX веков Российское государство переживало сложный период: прежде сложившийся правопорядок изжил себя, и Россия должна была адаптироваться к совершенно новым социально-экономическим и политическим условиям. Осмысление складывающихся социальных процессов требовало внимания ученых разных отраслей науки, в том числе и правоведов, в исследованиях которых важная роль отводилась сравнительному методу. Действительно, история применения сравнительного метода в России неразрывно связана с формированием национальных политических и правовых институтов, развитием капиталистических экономических отношений, меняющейся внутренней и внешней политикой. Как справедливо отмечает Г. Г. Небрятенко, «применение сравнительно-правового метода в различные хронологические периоды... зависит от практической потребности его использования в строительстве национальной правовой системы...» [10; 18]. При этом применение сравнительного метода требует от исследователя феноменального кругозора – одновременно быть юристом, социологом, историком и философом права.

Действительно, при подготовке и проведении кардинальных правовых реформ, законодатель обязательно должен учитывать правовые традиции своего народа, однако, чтобы совершенствовать их, необходимо изучить правовой опыт других стран, что позволит применить лучшее в соответствии с национальными особенностями и создать предпосылки для качественных преобразований в будущем.

В связи с этим несомненный интерес представляет теоретическое наследие российских правоведов конца XIX – начала XX века. Так, ученый, историк, юрист, социолог М. М. Ковалевский давал весьма высокую оценку сравнительно-правовому методу, считая, что он способен помочь исследователям постичь закономерности социального развития, обозначить вехи истории человечества, замечая у разных народов сходные экономические, политические, культурные, юридические процессы [5]. Иными словами, ученый полагал, что сравнительный метод, основываясь на признании единства, целостности и многообразия человеческой истории, указывает на

существование всеобщих закономерностей развития. К сожалению, Ковалевскому, находившемуся под влиянием теории солидаризма О. Конта, не удалось вывести четкий критерий выявления этих закономерностей, который бы позволил классифицировать социальные явления, выделять общие ступени развития. У Ковалевского речь идет, скорее, о внешних сходствах, а не о материальных основаниях. Так, например, ученый считал, что «главным двигателем экономической эволюции является рост населения» [6], а возникновение государства обусловлено расширением пределов «замыренной сферы» [7]. Однако юрист признавал, что сравнительный метод, ценность которого состоит не в открытии новых фактов, а в научном объяснении уже известных, не гарантирует успех исследования. Для этого необходимо, по мнению Ковалевского, изучать общество, государство, право посредством различных методов и синтезировать все положительные результаты.

Также значительный вклад в развитие и применение сравнительного метода внес П. Г. Виноградов, вошедший в историю науки двух стран – России и Англии, возглавлявший кафедру сравнительного правоведения в Оксфордском университете. Научная судьба русского историка, социолога и правоведа, эволюция его взглядов на сущность феодализма, права, судьбу римского права после падения Римской империи является убедительным аргументом в пользу применения названного метода при изучении и объяснении правовых и политических явлений.

Посвятив себя правовой истории, П. Г. Виноградов признавал влияние учения Г. Мэна на свою исследовательскую позицию. В частности, в теории Мэна ученый выделил следующие ключевые идеи, которые, по его мнению, должны были составить основание как сравнительно-правового метода исследования, так и концепции сравнительной юриспруденции в целом: «изучение права является не только подготовкой к выполнению профессиональных обязанностей и введением в искусство разрешения профессиональных проблем. Оно может рассматриваться также как предмет науки»; «в изучении права могут применяться два метода научного исследования: метод дедуктивного анализа на основе абстракций от настоящего состояния юридических идей и норм и метод индуктивной генерализации на осно-

ве исторических и этнографических наблюдений»; «в области индуктивной юриспруденции право проявляет себя в качестве одного из выражений истории, и история берется в самом широком смысле всего знания относительно социальной эволюции человечества»; «исторический метод юриспруденции является неизбежно сравнительным методом» [17]. Основываясь на этих идеях, П. Г. Виноградов в «Очерках по теории права. Римское право в средневековой Европе» провел серьезное исследование многочисленных законодательных актов, завещаний, дарственных грамот, арендных договоров и другие документов, которые отражали характер землевладения, социальной структуры и политического строя в Лангобардском королевстве. Именно благодаря тщательному сравнительному анализу названных документов ученый выделил в феодальном порядке Лангобардии и романские, и германские элементы, определил их сходные и уникальные характеристики, сделал вывод о феодализме как всеобщем политико-правовом явлении. При этом интерес к данному феномену Виноградов объяснял тем, что «феодализм есть не местное, случайное или мелкое, а всемирно-историческое явление (то есть критерий для сравнения. – *Авт.*), исследование по его образованию имеет интерес не только для историков какой-либо западноевропейской страны, но и для русского, изучающего всемирно-историческое развитие» [2].

К методу сравнительного анализа П. Г. Виноградов обращался постоянно, изучая право как социальное явление, соотнося социальные нормы, устанавливающие правила поведения. Ученый, например, пришел к выводу о том, что правовые нормы во все времена объединяло то, что они пребывают в тесном родстве с нормами морали. «Право не может быть оторвано от морали, поскольку оно ясно содержит как один из своих элементов понятие правильности, которому соответствует моральное начало справедливости. Этот принцип был признан великим римским юристом Ульпианом в его знаменитом определении справедливости: “Жить честно, не вредить своему ближнему, воздавать каждому должное”» [16]. Более того, правовые установления выполняют такие же важные социальные функции, как и устройство государства или способ разделения власти в государстве, и основой права служит не принуждение, а соглашение.

Сравнение ученых использовал в ходе анализа социального устройства западноевропейских стран и России. Так, П. Г. Виноградов оценил освобождение крестьян как «мирную революцию», которая изменила экономическую структуру общества, вызвав к жизни другие реформы – политическую, административную и правовую. Проведение правовой реформы, воплотившей лучшие достижения западноевропейской правовой мысли и практики на российской почве, должно было привести к утверждению современных политических достижений [3].

Используя данный метод, П. Г. Виноградов смог отчетливо увидеть и недостатки российских реформ. Так, говоря об освобожденном крестьянстве, ученый указывал на неизменившееся приниженное положение «свободных» крестьян, сохранение общины, что, по его мнению, привело к зависимости крестьян от этого древнего института.

Не менее важную роль в обосновании необходимости и эффективности применения сравнительного метода в изучении государства и права сыграл один из выдающихся русских историков права начала XX века Ф. В. Тарановский. В своих исследованиях он показал, что применение сравнительного метода начинается с обыкновенного сопоставления, например, норм древнерусского права с источниками, из которых они были непосредственно заимствованы. При этом он подчеркивал, что сравнительный метод применим ко всем отраслям права и подразумевает следующий алгоритм: 1) критическое изучение отдельных законодательств; 2) определение между ними точек соприкосновения с общим ходом социального развития; 3) установление для конкретного юридического института одного или нескольких правовых типов, с которыми соотносится юридическая практика разных стран. Кроме того, Тарановский пришел к выводу, что применение сравнительного метода имеет важное значение не только для теоретической, но и практической юриспруденции. Ученый предложил классифи-

кацию существующих вариантов использования сравнительного метода: 1) реальное заимствование или произвольная (неполная) рецепция римского права; 2) признание в сравнительном методе анализа и обобщения обособленной и вполне самостоятельной отрасли юридической догматики (выявление логических связей, абстрагирование от различных социально-экономических, политических, идеологических и иных явлений); 3) создание сравнительного правоведения и признание его единственно возможной формой положительной науки о праве [14].

Однако Ф. В. Тарановский был убежден в том, что сравнение, как и иной познавательный метод, нельзя рассматривать независимо от других методов познания, как всеобщих (философских), так и общенаучных (формально-логического, системного и других), поскольку научное сравнение представляет собой свособразное комплексное явление, единство трех компонентов: логического приема познания; особой формы познавательной деятельности; познавательного результата, то есть знания определенного содержания и уровня.

Таким образом, сравнительный метод, конечно, не может дать полную картину исследуемых явлений. Он лишь позволяет упорядочить разнообразные знания, получаемые в процессе изучения общества, права и государства. С помощью сравнения устанавливаются сходства и различия социальных явлений, выделяются повторяющиеся, устойчивые последствия, воспринимается история права и государства как целостная и в то же время многообразная, несущая в себе элементы преемственности и новизны в каждом своем конкретно-историческом состоянии, включая и современное. Иными словами, сравнительный метод предлагает практически неограниченный набор решений социально-политических и экономических проблем и предоставляет исследователю возможность выбрать самое эффективное из них.

Литература

1. Аристотель. Политика. М., 2002. Кн. 3.
2. Виноградов П. Г. Происхождение феодальных отношений в Лангобардской Италии. СПб., 1880.
3. Виноградов П. Г. Россия на распутье. Историко-публицистические статьи. М., 2008.

Bibliography

1. Aristotle. Policy. Moscow, 2002. Book 3.
2. Vinogradov P. G. The origin of feudal relations in Lombard Italy. St. Petersburg, 1880.
3. Vinogradov P. G. Russia at a crossroads. Historical and journalistic articles. Moscow, 2008.
4. Kistyakovskiy B. A. Social sciences and law.

-
-
4. Кистяковский Б. А. Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права. М., 1916.
  5. Ковалевский М. М. Историко-сравнительный метод в юриспруденции. М., 1880.
  6. Ковалевский М. М. Очерк истории развития социологии в конце XIX и начале XX века // История нашего времени. Современная культура и ее проблемы. СПб., 1914. Т. VII. Вып. 27.
  7. Ковалевский М. М. Происхождение семьи, рода, племени, собственности, государства и религии. СПб., 1914. Т. 3.
  8. Лафитский В. Сравнительное правоведение в образах права. М., 2010.
  9. Мэн (Мейн) Г. Древнейшая история учреждений / пер. с англ. А. П. Нахимова. Изд. 2-е. М., 2011.
  10. Небрatenko Г. Г. Хронология развития российской сравнительно-правовой науки // Сравнительное правоведение в российском и мировом образовательном пространстве: история и современность: сборник трудов Международной научно-практической конференции. Ростов н/Д, 2013.
  11. Платон. Собрание сочинений: в 4 т. М., 1990–1994.
  12. Полибий. Всеобщая история / пер. Ф. Г. Мищенко. М., 1890–1899. Кн. 3.
  13. Страбон. География: в 17 кн. / пер. Г. А. Стратановского. М., 1964.
  14. Тарановский Ф. В. Сравнительное правоведение в конце XIX века. М., 1900.
  15. Цечоев В. К., Рассказов Л. П. История юридической науки России (актуальные проблемы: отечественная правовая мысль и историография отечественной юстиции): электронный учебник. Ростов н/Д, 2015.
  16. Vinogradov P. G. The foundations of a theory of rights // Collected works. Oxford, 1928. Vol. 2.
  17. Vinogradov P. G. The teaching of sir henry Maine // Collected works. Oxford, 1928. Vol. 1.
  18. Nebratenko G. G. The history of comparative law in Russia // Russian law: theory and practice. 2016. № 2.
  - Essays on the methodology of the social sciences and the general theory of law. Moscow, 1916.
  5. Kovalevsky M. M. Historical and comparative method in law. Moscow, 1880.
  6. Kovalevsky M. M. Essay on the history of sociology in the late XIX and early XX century // History of our time. The modern culture and its problems. St. Petersburg, 1914. Vol. VII. Issue 27.
  7. Kovalevsky M. M. Origin of family, clan, tribe, property, the state and religion. St. Petersburg, 1914. Vol. 3.
  8. Lafitsky B. Comparative law in the images of law. Moscow, 2010.
  9. Maine (Maine) G. Ancient history institutions / transl. from the English A. P. Nahimov. Ed. 2nd. Moscow, 2011.
  10. Nebratenko G. G. Chronology of the development of the Russian comparative legal science // Comparative law in the Russian and world educational space: history and modernity: proceedings of the International scientific-practical conference. Rostov-on-Don, 2013.
  11. Platon. Coll. works: in 4 vols. Moscow, 1990–1994.
  12. Polybius. General history / transl. by F. G. Mishchenko. Moscow, 1890–1899. Book 3.
  13. Strabon. Geography: in 17 vols / transl. by G. A. Stratanovsky. Moscow, 1964.
  14. Taranovsky F. V. Comparative law at the end of the XIX century. Moscow, 1900.
  15. Tsechoev V. K., Rasskazov L. P. The history of Russian jurisprudence (actual problems: domestic legal thought and historiography of Russian justice): electronic textbook. Rostov-on-Don, 2015.
  16. Vinogradov P. G. The foundations of a theory of rights // Collected works Oxford, 1928. Vol. 2.
  17. Vinogradov P. G. The teaching of sir Henry Maine // Collected works. Oxford, 1928. Vol. 1.
  18. Nebratenko G. G. The history of comparative law in Russia // Russian law: theory and practice. 2016. № 2.

Моисеев Андрей Викторович
Moiseev Andrey Viktorovich

кандидат философских наук.

PhD in Philosophy.
Тел.: 8 (918) 855-07-86.

ГОСУДАРСТВО И ВРЕМЯ: ПРОБЛЕМА РОЖДЕНИЯ СОВРЕМЕННОСТИ
В «ФЕНОМЕНОЛОГИИ ДУХА» ГЕГЕЛЯ

State and time: the problem of the birth of modernity in the
«Phenomenology of the spirit» of Hegel

Статья посвящена проблеме соотношения предела объективной истории самосознания и абсолютного самосознания в философии Гегеля. Рассматриваются противоречия Просвещения как эпохи свободного самосознания, утратившего предел в социальном внешнем существовании и не достигшего собственного предела в стихии знания себя как Духа.

Ключевые слова: абсолютное самосознание, свобода, самоутверждение Духа, отчуждение, философия истории, Просвещение, абсолютный предел.

The article analyzes the relation's problem between summit objective history of self-consciousness and absolute consciousness in Hegel philosophy. The contradictions of the Enlightenment as the period of free consciousness, which lost summit in external social existence and didn't reach the summit in the realm of the knowledge of itself as Spirit are discussing in this article.

Keywords: absolute consciousness, freedom, affirmation of the Spirit, alienation, philosophy of history, Enlightenment, absolute summit.

Проблема определения границ и сущности современности как особой эпохи сознания и истории, претендующей на статус итога многовекового цивилизационного опыта, с точки зрения роли в этом самоопределении философского самосознания является на сегодняшний день актуальной и чрезвычайно трудной. Прежде всего, это связано с тем, что современная западная (и опосредованно русская) мысль фактически оказалась в ситуации тотального опустошения горизонта собственного существования. Другими словами, явно обозначившийся в XX столетии зазор между референцией философии как «рассказанной» историей самосознания и предметом мысли даст основание утверждать, что современность, представляющая собой образ актуального опыта этого самосознания, остается лишь пустым именем *предела*, который никак не тематизирован в поле метафизической рефлексии.

Вопрос о судьбе философии, коррелирующий с болезненным переживанием времени субъектом в ситуации «порога» эпох, может быть продуктивно и позитивно определен только путем выявления «верхней»

границы современности. Вместе с тем действительное, не имитативное решение проблемы, связанной с самоопределением постклассической философии и культуры, возможно только при условии решения другой не менее важной задачи определения истоков и смыслов новейшей эпохи сознания, самой ситуации человека и общества. Это позволит уверенно рассуждать о том, что может быть знаком конечного самоопределения современного мышления.

В центре понимания «нижней» границы современности находится гегелевская философская система. Именно Гегель подвел определенные итоги эволюции классического формообразования европейской культуры, христианства и философии в целом. Гегель – это рубеж *исторического* развертывания философской формы культурно-антропологического опыта. Проблема заключается в том, что необходимо, отбросив многочисленные мифы относительно гегелевского толкования смысла всемирной истории и ее «конца», раскрыть подлинное основание разграничения классической культуры и современной, указав его место во времени.

При этом следует ответить на вопрос о том, является ли способ мыслить современность в координатах «Новое время – Новейшее время», ставший для исторической науки, философии и культуры практически аксиомой, абсолютно истинным. Соответственно, можно ли говорить о существовании прямой преемственности между самосознанием человека XVIII столетия и временем, сменившим революционный пыл и романтизм эпохи Бонапарта? Не в этой ли привычной и поспешно принимаемой на веру схеме кроется причина критики гегелевского объяснения исторического процесса, якобы противоречащего внутреннему диалектическому критерию бесконечности развития? Необходимо разобраться в том, относился Гегель к своему времени как к эпохе зрелого самосознания, достигшего определенного результата в философии (на что указывает содержание «Философии права» и «Лекций» по философии истории), или вершине культурно-исторического процесса – земного пути человека, опыта отчужденного существования Духа. Ответ на данный вопрос только на первый взгляд кажется очевидным и, соответственно, положительным.

Общеизвестным фактом в истории немецкого идеализма является постепенная эволюция Гегеля от признания великой роли Французской революции к высокой оценке деятельности Наполеона и социально-политического устройства германских земель, в частности Пруссии, в 1820-е годы. В качестве подтверждения такой точки зрения часто приводится известное суждение Гегеля о Наполеоне, высказанное в письме к Нитхаммеру, написанном в Йене в октябре 1806 года, то есть в период работы над «Феноменологией Духа», которое в целом совпадает с оценкой, представленной позже в «Лекциях» по философии истории. Так, Гегель пишет своему корреспонденту: «Самого императора – эту мировую душу – я увидел, когда он выезжал на коне на рекогносцировку. Поистине испытываешь удивительное чувство, когда созерцаешь такую личность, которая, находясь здесь, в этом месте, восседая на коне, охватывает весь мир и властвует над ним» [2, с. 255]. Следует отметить, что в целом высокой оценка роли личности Наполеона сохранялась у Гегеля даже тогда, когда «император французов» уже покинул авансцену мировой истории. Об этом ярко свидетельствует письмо Гегеля к тому же Нитхаммеру, написанное

в Нюрнберге 29 апреля 1814 года. В нем философ иронично и критически оценивает то общественное настроение, которое ознаменовало собой реакцию на падение Бонапарта: «Великие дела свершились вокруг нас. Чудовищная драма – видеть, как гибнет небывалый гений. Это самое [трагическое], что только бывает. Вся масса *посредственности* своей абсолютной свинцовой тяжестью давит тупо и неумолимо, пока все высокое не окажется на одном уровне с этой массой или ниже ее. И поворотный момент целого, причина могущества этой массы, в силу которой она, как хор, остается на сцене последней, на поверхности, в том, что великая индивидуальность сама должна предоставить ей право на это, обречь себя на гибель» [2, с. 343]. Как пишет французский биограф философа Ж. Д'Онт, «Гегелю придется разочароваться. Реставрация будет более реальной и длительной, чем он рассчитывал, ему придется приспосабливаться» [5, с. 268].

Вместе с тем текст «Феноменологии духа», как и в целом система взглядов мыслителя (с учетом «Философии права» и «Энциклопедии»), говорит о том, что сколь бы ни было сильным очарование в Наполеоне, соответственно, глубокой критика Реставрации («свинцовая тяжесть» посредственности) и во времена, когда в Йене находился сам Бонапарт, и гораздо позже, уже в годы работы в Берлинском университете, понимание предела исторического пути человека в условиях пространственно-временного существования выводит на совершенно отличную от упомянутых выше широко известных версий гегелевского толкования некоего «конца истории». Как очень точно отметил в своем комментарии гегелевской философии Ж. Ипполит, «существует особая философия истории» Гегеля [7, с. 303], которая и представляет собой чрезвычайно трудный предмет для понимания, так как высвечивает более фундаментальное отношение между становлением абсолютного самосознания в истории как предметно развернутой панораме существования человека (общества, его культуры, политики, права, экономики и так далее).

В связи с этим главный вопрос можно сформулировать следующим образом: выступает ли то или иное исторически конкретное формообразование самосознания пределом прилегающего к нему во времени и простран-

стве культуры исторического пути? Всегда ли формирование *понятия* исторического предмета и этот предмет размещены в *одной* временной плоскости, в одном *актуальном* моменте «теперь»? Иными словами, является ли вершина развертывания опыта самосознания, в частности философская форма, фактом столь же *историческим*, как, например, въезд в Йену Наполеона в 1806 году или деятельность Мартина Лютера в начале XVI века? И потому, соответственно, имеем ли мы право, опираясь на гегелевские суждения о «всемирной истории» и гражданском обществе в «Философии права» и «Философии истории», связанном с институционализацией свободы, говорить о том, что выведенный автором «Феноменологии» образ Абсолютного знания, тектоническая структура которого развернута в виде системы категорий в «Логике», выступает *непосредственной границей* той истории («всемирной»), в которой внутренняя жизнь субъекта была наполнена драмой отчуждения? Очевидно, что не имеем.

Аргументы такого отрицания представлены в «Феноменологии». В данном случае мы не затрагиваем вопрос о том, как оценивать цельность и целостность гегелевской системы, каким образом рассматривать отношение между феноменологическим проектом и зрелой системой, представленной на уровне «Энциклопедии», включающей в себя философию истории, философию права и философию духа в целом (историю религии и самой философии). Существуют разные мнения – от признания принципиального и полного единства «Феноменологии» с более поздними работами (особенно берлинского периода) до серьезного сомнения в нем. Так, например, Г. Лукач прямо пишет о том, что «общая философско-историческая концепция Гегеля не изменяется с йенского периода» [9, с. 500]. Смещается лишь акцент в оценке Французской революции и немецкой Реформации; последней в «Лекциях» по философии истории уделяется большее внимание по сравнению с событиями во Франции в 1789–1794 годы. Другая точка зрения высказывается Ж. Ипполитом, который размышляет о том, можно ли отождествить гегелевский модерн (когда реальная общественная практика соответствует *понятию* свободы и абсолютному самосознанию) и модерн, фактически воцарившийся в Европе после Наполеона. Ж. Ипполит спрашивает: «Ка-

кое отношение существует между абсолютным знанием, идеей и философией истории? Ответ самого Гегеля является двойственным, возможно, разным в “Феноменологии” и “Энциклопедии философских наук”» [7, с. 306]. Иными словами, совпадает ли гегелевская философия истории как «постижение» разумного и всеобщего в истории с его же «Философией истории» как *опытом* самосознания Духа? Эта двойственность выходит за рамки сугубо историко-философского интереса к гегелевскому творчеству как таковому.

При этом сложившиеся на заре Новейшего времени представления о специфике и границах современной эпохи в развитии общества и философии требуют существенного переосмысления. Лукач единство «Философии истории» Гегеля видел в трактовке «Абсолютного духа» (то есть именно абсолютного знания или спекулятивной философии) как *эпана* всемирной истории. «Но конец этот – Абсолютный дух, а именно дух, представленный на высшей ступени своего развития как абсолютное знание, как философия. История превращается тем самым в такое движение, которое, хотя и развертывается в реальности как процесс, достигает своего действительного осуществления ... только в философии, в понимании... пройденного пути» [9, с. 592]. Но даже с этой точки зрения приоритета событий социально-политической жизни Франции и Германии на рубеже XVIII–XIX столетий (позже следует только одно «событие» – сама гегелевская философия или абсолютное знание) необходимо кардинально скорректировать образ такого единства истории человечества и истории духовного формообразования. Аллегорическое обозначение в «Философии права» Гегеля исторического свершения, когда философское *слово* остается единственным и действительно *последним* шагом в становлении субъекта истории («сумерки» [4, с. 56]), прямо пересекается с содержанием «Феноменологии». Новая эпоха истории (после 1789 года) осмысливается уже не как история государственной жизни, а как опыт обновления философской формы самосознания (обретение им собственного абсолютного предела).

В данном случае принципиально важным представляется предлагаемое Ж. Ипполитом разграничение сугубо временного и вневременного («вечного») аспектов Абсолютного

духа. Оно помогает понять феноменологический образ истории, отличный от линейной последовательности форм сознания. «Феноменология» как изображение пути Духа неоднородно фиксирует формообразования по отношению к *объективной* истории. Метафизический сюжет «Феноменологии» не столь прост: собственный результат внутренней работы самосознания далеко не всегда совпадает с последовательностью образов самосознания, считываемой на уровне феноменологического *рассказа*. «Объективный дух истории становится Абсолютным Духом, но это становление нам трудно понять как *эпоху истории мира*, – подчеркивает Ипполит. – ...История – это место этого перехода, но сам этот факт не является *историческим фактом*» [7, с. 307–308]. Феноменологический образ истории носит нелинейный, каскадно-складчатый, говоря условно-топологически, «синусоидальный» характер. Ее крайние точки сменяют друг друга последовательно лишь в том *времени*, которое есть отчужденное существование Духа. В действительности же отношение между ними следует классифицировать не во времени, а как *опосредствование* разных ипостасей всеобщего.

Именно в «Феноменологии» (а не в философии истории или права) раскрывается противоречивая природа зарождения, последующего развития новой эпохи мира или сознания той *современности*, заложниками *конструктивистской* интерпретации прошлого которой мы сегодня являемся. Данное противоречие развертывается между действительной вершиной «*объективной*» истории человечества, ее пределом, в котором господствует отчужденная форма самосознания, и столь же действительным пределом становления самого абсолютно самосознания в содержании, определяемом чистой формой, или тектоникой, жизни Духа.

Вместе с тем следует заметить, что единство феноменологического образа исторического времени и исторической жизни как таковой поздних философско-правовых и философско-исторических построений Гегеля обнаруживается на более глубоком уровне, чем простое указание на ту или иную вершину «*всемирной истории*» (Реформация или Революция, Наполеон или прусская государственность). Философия не есть метод добычи «рецептов» «счастливого» общественного устройства; она не является открытием *нового* вре-

мени большой Истории, более *истинного* с точки зрения Разума. Гегель об этом пишет и в «Философии права». Более того, критика современной ему социально-правовой и политической мысли, с которой философ начинает свое исследование [4, с. 48], прямо перекликается с содержанием раздела «Феноменологии» [3, с. 314–319], в котором идет речь о последствиях замыкания на собственное абстрактное основание самосознания (Просвещение), вырвавшегося из плена исторического отчуждения, но еще не успевшего обрести собственную «абсолютную форму». Данные последствия Гегель именует «абсолютной свободой и ужасом» [3].

В то же время стороны указанного противоречия являются реальными событиями всемирной истории. Задача как раз и заключается в том, чтобы раскрыть конкретное их содержание и установить значение и смысл того отрезка *временного* пути, что их разделяет, то есть понять, как соотносилось *время феноменологическое* и *время историческое*. С этим связана наивысшая трудность, поскольку ни в гегелевской литературе, ни в исследованиях по истории европейской культуры данная дистанция не тематизируется в качестве сопряжения во внешнем потоке социально-культурной жизни народов двух основополагающих моментов становления абсолютной субъективности.

Вершина объективной истории самосознания – эпохи отчуждения – это «придворное общество» Людовика XIV (с 1661 по 1715 годы), Версаль, его пространственная и символическая структура, семантика, опыт французского абсолютизма как таковой (данный тезис составляет предмет отдельного исследования на уровне аналитики формообразований сознания в «Феноменологии духа» [3, с. 262–283], выходящей за рамки настоящей статьи). Второе «событие» – это гегелевская философская система как результат феноменологического опыта самосознания (система абсолютного знания). Дистанция между ними – это фактически XVIII век западной истории. И в традиционной историографии, и в истории философии и культуры этот период именуется Просвещением. Так он обозначается и в «Феноменологии». Проблема же заключается в том, что сложившийся модернистский образ Просвещения прочно увязывает его с движением европейского социума (и философии) к *новой* эпохе, опи-

рающей на буржуазное сознание, развитые капиталистические отношения и нравственно-правовые либеральные нормы. Именно просветительской идеологии отводилась роль некой конечной инстанции в развитии новоевропейской модели рационалистического миропонимания, попытавшегося сделать человека счастливым «без Бога».

Следует согласиться с высказанной Г. Лукачем критикой в адрес Ф. Розенцвейга, автора книги «Гегель и государство» (1920), по поводу толкования гегелевских социально-политических воззрений как выражения симпатии то ли «монархии», то ли «республике». Интересно, что Лукач, как и немногие писавшие о Гегеле авторы XX века (Н. Элиас [10, с. 287], А. Кожевой и И. Ильин, хотя последний делает это косвенно и в критическом ключе [6, с. 452]), упоминает Людовика XIV именно в том контексте, которым связан с осмыслением места Гегеля и его системы в становлении современности как эпохи сознания и истории. Лукач пишет: «Розенцвейг, например ... просто фальсифицирует саму сущность всего наполеоновского периода: он видит в нем восстановление старого режима в стиле Людовика XIV. На таком основании уже совсем нетрудно превратить Гегеля сначала в сторонника старого режима, а затем в предшественника Бисмарка» [9, с. 345].

Если внимательно проанализировать феноменологический портрет версальского общества, то становится очевидным, что Просвещение как таковое удовлетворяет феноменологической истории самосознания лишь в том смысле, что обнаруживает такое его формообразование, которое замыкается на знании собственной рефлексивной природы. Но в этом же смысле Просвещение уже не является *дальнейшим* историческим развертыванием *объективного* «для-себя-бытия» отчужденного самосознания, хотя и следует за «великим веком» «короля-солнце» во *времени*. Это время глубоко чуждо Версалю, который после смерти Людовика XIV отдаляется сам от себя; его истинный дух обретается теперь вне времени.

Гегель никогда не рассматривал Просвещение как *переход* от истории объективированной жизни самосознания к истории абсолютной (причем не только в «Феноменологии», но и в «Философии права»). Более того, перехода в каком бы то ни было смысле мы вообще нигде не найдем в его системе (возьмем ли мы за основу анализа ранние тексты, до выхода «Фе-

номенологии духа», или поздние – периода «Энциклопедии»). Так, и в «Феноменологии», и в «Логике» то *иное*, что позволяло определять *время* как спекулятивно выраженное во вне *понятие* Духа, само раскрыто Гегелем как *оправдание* философии и опыта самосознания. В его системе отсутствует указание адреса «вечной» жизни Абсолюта, которая иерархически доминировала бы над жизнью временной. А потому феномен Просвещения оказывается в очень странном положении: он не является последующим развитием «абсолютной формы» отчужденного существования Духа, но в то же время как болезненное переживание «разорванного сознания» готовит «почву» для поиска примиряющего основания формы и содержания опыта европейского субъекта. И при этом выступает основанием модерна *негегелевского*, в смысловом поле которого позже гегелевская философия подверглась дифференциации на «мифос» и «логос».

В любом случае Просвещение нельзя рассматривать в рамках гегелевской системы как этап, предшествующий непосредственно вершине именно объективированной истории самосознания, существующего отчужденно во времени. Традиционные оценки Просвещения его противоречивый статус «безвременья» не актуализируют. Трудно, например, полностью согласиться с А. Кожевым, который пишет: «Версаль – это протосинтез (чисто словесный) Единичного и Всеобщего. ... Версаль – это, стало быть, не *Wirklichkeit* /действительность, а все еще некий “Идеал”, “проект”, который позже будет претворять в жизнь Революция. ... Версаль – зародыш постреволюционного государства, Людовик XIV – Наполеон в зародыше. Диалектике христианского мира еще предстоит сделать из Людовика XIV Наполеона (и его двойника Гегеля). Людовик XIV – абсолютный монарх в пределах своего двора и только для придворных. Само его существование зависит от них» [8, с. 161].

Гегель же понимает Просвещение как следствие погружения самосознания в абстрактную стихию знания в контексте отчуждения бывшего некогда «придворного общества» Версаля от формы собственного семантического и пространственного поля. Как заметил Ж. Валь, «в “Феноменологии” будет проводиться постоянная параллель между средневековой разделенной душой и разорванной душой XVIII столетия. ... То же производство всеобщности че-

рез посредничество индивидуальности» [1, с. 92]. При этом новое опредмеченное существование самосознания нашло себя не в какой-то иной эстетической форме опосредствования (Просвещение находилось в оппозиции к рокайльной форме, которая стала знаком судьбы Версаля), а в самом знании своей способности отрицательно соотноситься с наличным бытием общества. Приведем здесь характеристику подлинного истока *нашей* современности, которую дает автор «Феноменологии», явно отличающегося от хорошо известной конструкции восприятия его в философии истории. Гегель пишет о самосознании, покинувшем почву «абсолютной формы» собственно отчужденного существования в Версале: «Для того чтобы всеобщее могло осуществляться в некотором действии, оно должно сосредоточиться в “одно” индивидуальности и

поставить во главе единичное самосознание, ибо всеобщая воля есть *действительная* воля только в некоторой самости, которая есть “одно”. Но в силу этого *все другие отдельные лица* исключены из этого действия в целом и принимают в нем только ограниченное участие, так что действие не является уже действием *действительного всеобщего* самосознания. Таким образом, никакого положительного произведения или действия всеобщая свобода создать не может; ей остается только *негативное действие*; она есть лишь *фурия* исчезновения» [3, с. 317]. Таким образом, Новейшее время и стало эпохой жизненной драмы указанных Гегелем «всех других отдельных лиц», наиболее яркое выражение которой он обозначил в «Феноменологии» на уровне его религиозного формообразования знаменитой фразой: «*Бог умер*» [3, с. 400].

Литература

1. Валь Ж. Несчастное сознание в философии Гегеля / пер. с фр. В. Ю. Быстрова. СПб., 2006.
2. Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет: в 2 т. М., 1971. Т. 2.
3. Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа. СПб., 2002.
4. Гегель Г. В. Ф. Философия права. М., 1990.
5. Д'Онт Ж. Гегель. Биография / пер. с фр. А. Г. Погоняйло. СПб., 2012.
6. Ильин И. А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. СПб., 1994.
7. Ипполит Ж. Логика и существование. Очерк логики Гегеля / пер. с фр. В. Ю. Быстрова. СПб., 2006.
8. Кожев А. Введение в чтение Гегеля. Лекции по «Феноменологии духа», читавшиеся с 1933 по 1939 год в Высшей практической школе / пер. с фр. А. Г. Погоняйло. СПб., 2003.
9. Лукач Г. Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества. М., 1987.
10. Элиас Н. Придворное общество: исследования по социологии короля и придворной аристократии, с введением: социология и история / пер. с нем. А. П. Кухтенкова, К. А. Левинсона, А. М. Перлова и других. М., 2002.

Bibliography

1. Vahl Zh. Unhappy consciousness in Hegel's philosophy / transl. from the French V. Yu. Bystrov. St. Petersburg, 2006.
2. Hegel G. W. F. Works of different years: in 2 vols. Moscow, 1971. Vol. 2.
3. Hegel G. W. F. Phenomenology of spirit. St. Petersburg, 2002.
4. Hegel G. W. F. Philosophy of law. Moscow, 1990.
5. D'Onte Zh. Hegel. Biography / transl. from the French A. G. Pogonyailo. St. Petersburg, 2012.
6. Ilyin I. A. The philosophy of Hegel as a doctrine of the concreteness of God and man. St. Petersburg, 1994.
7. Hippolyte Zh. Logic and existence. Essay on the logic of Hegel / transl. from the French V. Yu. Bystrov. St. Petersburg, 2006.
8. Kozhev A. Introduction to the reading of Hegel. Lectures on phenomenology of spirit read from 1933 to 1939 in Higher practical school / transl. from the French A. G. Pogonyailo. St. Petersburg, 2003.
9. Lukach G. Young Hegel and the problem of capitalist society. Moscow, 1987.
10. Elias N. Court society: studies in sociology of the king and the court aristocracy, with the Introduction: sociology and history / transl. from the German A. P. Kokhtenkova, K. A. Levinson, A. M. Perlov, et. Moscow, 2002.

Упорникова Ирина Владимировна
Upornikova Irina Vladimirovna

старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Ростовского юридического института МВД России кандидат социологических наук.

Senior Lecturer, Department of Criminal Law and Criminology, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, PhD in Sociology.
Тел.: 8 (928) 171-67-42

ЧЕЛОВЕК КАК ЧАСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЦЕЛОГО В ФИЛОСОФИИ Т. ГОББСА

Man as a part of a political entire in the philosophy of T. Hobbes

В статье обосновывается теоретическая значимость исследования человека как части политического целого в условиях становления гражданского общества. Автор отмечает, что согласно политической философии Т. Гоббса человек в гражданском состоянии в целях самосохранения обуздывает свои природные влечения, формирует социальные потребности, важнейшей из которых для него как гражданина государства становится потребность в солидарности.

Ключевые слова: секуляризация, рационализация, политическое, общественный договор, гражданин.

The theoretical importance of a research of the person as parts of political the civil society, whole in the conditions of formation, is proved in article. The author notes that according to the political philosophy of T. Hobbes, the person in civil status for self-preservation bridles the natural inclinations, forms social requirements, the most important of which for him as the citizen of the state is a need for solidarity.

Keywords: secularization, rationalization, political, social contract, citizen.

В период Реформации в Европе впервые складывается ситуация, когда христианское мировоззрение предстало для человека во множественности своих конфессиональных версий. Принцип «*cuius regio, eius religio*» («чья власть, того и вера») был положен в основу нового порядка: в каждом германском княжестве религия государя становилась вероучением народа. На смену целостному христианскому миру, в котором человек идентифицировал себя как часть пространственно-временного континуума, отделенного от схизматиков православного вероисповедания и мира ислама, приходит эпоха формирующихся национальных государств, где подданство первично по отношению к конфессиональному единству, как и властвование («Париж стоит обедни», как сказал Генрих IV). Новое время меняет соотношение между религией и властью: происходит передача религиозных привилегий государству – «земному Богу» (Т. Гоббс), а вместо религиозной общности формируется национальная государственность. Выбор веры становится для человека проявлени-

ем индивидуальной свободы, которую государство не могло более игнорировать. События, связанные с изгнанием из Испании морисков и евреев, религиозные преследования во Франции и Англии приводят к тому, что «в странах, которые их принимали, анабаптисты, гугеноты, квакеры рьяно распространяют учение, направленное против авторитета государства, иерархии церкви и унижения бедных» [1, с. 212–213]. Религиозные изгои начинают активно заниматься торговлей и предпринимательством, чему способствует протестантизм вообще. Исповедуя доктрину предопределения, протестант считал своим долгом достижение личного успеха и благосостояния, так как только в этом случае он мог утвердиться в своей богоизбранности. Протестантский принцип «оправдание верой» сделал излишней иерархию посредников между священным и профанным, тем самым положив начало десакрализации власти светских владык [2]. Индивиды, группы и общество в целом в повседневной деятельности больше не ищут поддержки у сверхъес-

---

тественных инстанций и сил. В философских системах раннего модерна Бог мыслится как «Великий часовщик», устанавливающий в мире рациональный и естественный порядок вещей, которому подчинены как поведение человека, так и политические институты.

Кроме того, процесс секуляризации проявляется в ослаблении специфического религиозного влияния на политику и обоснование политических приоритетов, влечет возникновение элементов секулярной системы легитимизации власти, которая исключает апелляцию к сверхъестественному. Зарождающиеся в этот период идеологии стремились заполнить образовавшийся в результате утраты религиозной доминанты культуры вакуум, при этом используя рациональный подход к определению целей человеческой деятельности. Так, принцип радикального сомнения обосновывал отказ от традиций тем, что те довольно трудно поддаются ясному и отчетливому истолкованию. Философский рационализм заменил категориями «сообщество» и «универсум» понятиями «разумный индивид» и «бесконечное пространство», которые отражали изменения положения человека в мире. Этим бесконечным пространством явился не только физический универсум, но и мир политики, в котором также произошел «коперниковский» поворот. В централизованном государстве «король-солнце» является главным элементом новой системы, вокруг которого формируется весь установленный миропорядок. В то же время существуют и другие политические системы. Место христианской политической вселенной с одним императором, светским главой, наместником Бога на земле занял мир постоянно меняющихся конфигураций государств, политических коалиций и союзов. Вместо сакрального покрова политическое скрывается от обыкновенного человека завесой государственной тайны. Ставшее «слишком человеческим» политическое для индивида выступает в качестве арены его личных амбиций либо маркирующей его личное, приватное пространство границы, которая одновременно и защищает, и скрывает его частную жизнь. Отнюдь неслучайно правовые гарантии защиты свобод управ-

ляемых от управителей появились, когда политическая власть уже более не зависела исключительно от религиозной морали, на которую возлагалась защита управляемых от возможных злоупотреблений носителей власти [3, с. 156]. В гражданском обществе реализуется система жизнеобеспечения людей, которые связаны и взаимодействуют между собой как независимые друг от друга и от государства индивиды, происходит отделение публичной сферы от приватной. Индивидуальная свобода и справедливость становятся важнейшими социальными ценностями частного человека в формирующемся гражданском обществе.

В этих условиях возникла необходимость определения основания власти без обращения к Божественной санкции. Так, философы раннего модерна обратились к природе человека, в понимании которой произошли значительные изменения. В основу протестантской философии была положена картезианская антропология. Согласно Декарту, неуспешный контроль разума над страстями вызван «испорченностью человеческой природы». В антропологической модели картезианства религиозный человек редуцируется до существа, которое целиком и полностью занято реализацией собственных интересов. Картезианский человек, как считает А. Турен, – это «уже не создание, сотворенное по образу Божьему, а социальный актер, определяемый своими ролями, то есть поведением, соответствующим его статусу, и призванный вносить свой вклад в четкое формирование социальной системы» [4, с. 33]. Если в антропологии Августина Блаженного человек находится в постоянном общении с Богом, в Откровении которого ему открывается все наиболее важное, то одним из фундаментальных положений трагической мысли эпохи Паскаля становится высказывание: «*Veretu es Deus absconditus*» («Воистину ты есть Бог потаенный») [5]. Социальная и религиозная личность средневековья уступает место картезианскому и фихтеанскому Я, монаде Лейбница без окон и дверей, *Homo Economicus* представителей классической политэкономии [6, с. 36]. Получают развитие идеи, совершенно лишённые морали и религии. Так, в «Этике» Спинозы утверждается, что «все взгляды на

человеческое поведение имеют исходным пунктом эгоизм модусов, стремление утвердиться в существовании» [7]. Индивидуум не подчиняется теперь никакой внешней норме, которая направляла бы его, служила ему компасом, путеводной нитью. Разрушая представление человека о сообществе, общине, предлагая взамен бесконечную сумму разумных, равных и взаимозаменяемых индивидуумов, рационализм упраздняет идею упорядоченной вселенной, развивая при этом теорию бесконечного, не имеющего качества пространства, части которого строго идентичны [6, с. 38]. Таким образом, мыслители Нового времени исходят из того, что человек принадлежит миру, управляемому естественными законами, которые открывает разум и которым он сам подчиняется.

Философом, чьи идеи явились «первым после Макиавелли масштабным рассуждением об обществе, носящим современный характер», был Т. Гоббс [4, с. 31]. Мыслители Нового времени, как известно, трактовали природу иначе, чем это было установлено в эпоху Аристотеля. Устранение двух из четырех аристотелевских причин (целевой и формальной) в физикалистских учениях Нового времени лишило природу смысла и цели. Если Аристотель рассматривал закон в согласии с разумно устроенной природой, то в философии Галилея и Декарта она обладает только механистической каузальностью. В основе разработанного Гоббсом метода лежит выдвинутый Г. Галилеем тезис о том, что все окружающее нас – это материя в движении. Как утверждал Э. Канторович, с точки зрения английских юристов XVI века у короля, кроме «естественного тела», есть «тело политическое», однако последнее нельзя увидеть или потрогать, оно существует для наставления народа и обеспечения общественного блага: это тело совершенно свободно от различных недостатков и слабостей, которым подвержено тело естественное. В связи с этим то, что «король делает в силу того, что обладает политическим телом, не может быть признано недействительным» [8, с. 143].

В своей политической философии Т. Гоббс использовал метод Галилея и Декарта. Механистическая философия Гоббса выносила за скобки в рассмотрении природы и общества

их метафизические характеристики. Ученый считал, что сущность права может быть обусловлена только внутренней природой человека. В качестве основания власти Гоббс предлагал рассматривать «вечное и беспреостанное желание все большей и большей власти, желание, прекращающееся лишь со смертью» [8, с. 74]. В соответствии со своей философской доктриной, предметом которой является тело – физическое или социальное, Т. Гоббс утверждал, что человек представляет собой не только физическое тело, он «часть политического тела» [8, с. 221] – государства, которое философ полностью отождествлял с гражданским обществом. Поскольку изначальная природная телесность подобна любому физическому телу, которое стремится, согласно закону инерции, к самосохранению, человеку свойственно оберегать свою жизнь любыми средствами и прилагать усилия для получения максимума удовольствий как минимизации страданий. Движения души – страсти, желания – свидетельствуют о физических потребностях человека. Гоббс постоянно упоминает о животных духах, управляющих человеком. Духовную жизнь человека, которая «держится видением Бога и неутолимым исканием Его» (В. В. Зеньковский), Гоббс во внимание не принимает. Рассуждая в третьей части своего философского трактата «О гражданине» о том, что человек неизбежно должен выбирать между ответственностью перед земным властителем, имеющим право казнить его, и Отцом небесным, дарующим жизнь вечную, Гоббс настаивает на приоритетности для человека выбора, обязывающего его подчиняться верховной воле правителя. Человек должен блюсти христианские заповеди, но в общественной жизни, что считать убийством, прелюбодеянием и так далее, определяет государство. Более того, выражая несогласие с Аристотелем в том, что человек – это животное, наделенное разумом, Гоббс считал, что способность жить в обществе является не врожденной, а приобретенной индивидуумом благодаря знанию. При этом в каждом отдельном случае государство решает, что есть человек [9, с. 472]. Таким образом, Гоббс утверждал, что как природное существо человек еще не является в подлинном смысле человеком: он не обладает суждениями о

нравственных понятиях, не различает своего и чужого, справедливого и несправедливого. Вместе с тем естественный свет разума позволяет каждому человеку прийти к пониманию того, что, только обуздав свои желания и стремления, подчинив свою волю верховной власти государства, став частью политического тела, он обретет подлинное существование. Государство признается Гоббсом как искусственное тело, которое создается человеком, чья эгоистическая природа полнее всего проявляется в стремлении получить выгоду в экономической деятельности. В связи с этим главная задача верховных правителей состоит в том, чтобы предоставить гражданам возможность, не боясь ни внешних, ни гражданских войн, пользоваться всеобщими благами [9, с. 403]. Государство должно поддерживать равные условия конкурентной борьбы и обеспечивать охрану частной жизни эгоистического индивида. «Величайшее открытие Гоббса заключается в том, что частное лицо и частный интерес, для того чтобы иметь возможность быть в действительности, должны стать чем-либо большим либо меньшим, чем просто частное лицо и частный интерес» [10, с. 103].

В греческом полисе нормой жизни политического человека было подвижное равновесие между его публичностью, всеобщностью и ойкосом – домом, приватностью, обособленностью. Христианское средневековье рассматривало человека как созданного Богом и почитающего Его, а значит, религиозного (от лат. *religare* – связывать, соединить). Включенность в политику сравнима с причастностью к религии. Более того, в обоих дефинициях звучит один и тот же основной тон: «привязать индивида» (*in vadum, religare*) [11, с. 322]. Бездомность, странничество человека на земле есть свидетельство приобщенности к Граду Небесному. В философии Гоббса человек лишен духовных обетований, чаяний и надежд на жизнь вечную, его разум обращен к созданию государства, но не к участию в его делах. Согласно известной английской поговорке «Дом человека – его крепость» человек защищен и в то же время отгорожен от других людей, поскольку единственное, что их изначально объединяет, – стремление к ограниченным благам и возможность при-

чинить вред. Человека Гоббса радует чужое горе, и ему неприятен вид счастливого человека, потому что это не его счастье. Такое негативное равенство и служит для философа разумным обоснованием необходимости договариваться людям между собой, для того чтобы перейти от естественного состояния к гражданскому, в котором испорченную природу каждого в равной мере обуздает неограниченная ничем власть монарха. Становясь частью политического целого, человек в целях самосохранения учится контролировать свои природные влечения, формирует социальные потребности, важнейшей из которых для него как гражданина является потребность в солидарности. В связи с этим гражданское общество – это не просто объединение людей. Оно строится на договоре, соблюдение которого предполагает в качестве основания верность и соглашение [12].

В частности, в качестве условий устойчивости общественного договора английский философ называл отказ гражданина не только от права высказываться в адрес власти, но и иметь собственное моральное суждение. Дестабилизирующим мир в государстве, приводящим к мятежу Гоббс считает учение, согласно которому «суждение о добре и зле принадлежит каждому человеку», ведь до установления власти нет справедливого и несправедливого, и право считать нечто справедливым и несправедливым принадлежит повелителю [9, с. 390]. Что законно – то и морально – такова максима политической философии Гоббса, логично вытекающая из его антропологии, в которой человек в гражданском состоянии является аполитичным собственником, а политика расположена над социально-экономической средой, где процветает индивидуальная автономия. Право морального суждения передоверяется суверену, истинной душе политического тела, в то время как человек «выговаривает» себе право на наилучшие условия жизни «умного асоциального эгоиста», для которого государство – лишь полезный эффективный инструмент, компенсирующий дефицит существования его «первой природы». Благом для такого человека является все то, что способствует самосохранению: могущество, богатство и наличие выгодных друзей. Страсть к мудрости не самоцен-

на, поскольку в политике главным является желание достичь не истины, а гражданского мира. Знание, которое стремится быть силой уже у основателя философии Нового времени Фр. Бэкона, в политической философии Гоббса рассматривается как средство для достижения богатства [14, с. 241–242]. Рыцарские представления о благородстве и чести, христианские идеалы праведности религиозного человека эпохи средневековья у экономического человека эпохи раннего модерна заменены такими исчисляемыми показателями эффективности хозяйственной деятельности, как выгода и польза. Действия эгоистических индивидов в представлении английского политического философа определяются их волей, а воля – надеждой и страхом. В связи с этим если нарушение законов принесет человеку большее благо или меньшее зло, чем их соблюдение, он охотно их преступает [9, с. 327]. Перечисляя цели, которые заставляют людей объединяться, Гоббс называет: торговлю, в которой каждый заботится о собственных интересах; политиче-

скую деятельность, где больше взаимного страха, чем любви; развлечение, в котором удовольствие достигается путем возвышения над другими. Все, что представляется благом, касается либо тела, либо души. Всякое духовное наслаждение – это слава и польза. Люди по природе своей жаждут, скорее, господства, чем сообщества [9, с. 287]. Равенство следует понимать только в негативном смысле: люди располагают одинаковыми возможностями друг против друга.

Т. Гоббс объясняет прочность государства Левиафана жестким регулированием частных интересов, защитой и в то же время ограничением конкурентности в сфере экономической деятельности, в которой человек ищет выгоды и требует от государства одного – не вмешиваться в его частную жизнь.

Таким образом, Т. Гоббс одним из первых признает в формирующемся новоевропейском государстве силу, основанную на принципе «человекообразного» существования.

Литература

1. Московичи С. Машина, творящая богов. М., 1998.
2. Андреева Л. А. Модернизация России в начале XVIII века в контексте оппозиции традиционных и новых секулярных ценностей // Цивилизации. 2006. № 7.
3. Шао Ж.-Л. Государственная власть: конституционные пределы и порядок осуществления // Полис. 1993. № 3.
4. Паскаль Б. Мысли. Ч. 2. URL: <http://azbyka.ru/otechnik/konfessii/mysli-paska/2>.
5. Голдман Л. Сокровенный Бог: пер. с фр. М., 2001.
6. Спиноза Б. Этика. М., 2002.
7. Лучицкая С. История ментальностей. Историческая антропология. М., 2003.
8. Гоббс Т. Левиафан, или Материя. Форма и власть государства церковного и гражданского // Сочинения: в 2 т. М., 1991. Т. 2.
9. Гоббс Т. О гражданине // Сочинения: в 2 т. М., 1991. Т. 1.
10. Выступление Б. Г. Капустина на коллоквиуме «Современные социальные концепции либерального видения» // Социальные и гума-

Bibliography

1. Moskovichy S. Mashina creating gods. Moscow, 1998.
2. Andreyeva L. A. Upgrade of Russia at the beginning of the 18th century in the context of opposition of traditional and new secular values // Civilizations. 2006. № 7.
3. Shao Zh.-L. Government: constitutional limits and procedure // Political researches. 1993. № 3.
4. Pascal B. Thoughts. Part 2. URL: <http://azbyka.ru/otechnik/konfessii/mysli-paska/2>.
5. Goldman L. Intimate God: translation from the French. Moscow, 2001.
6. Spinoza B. Ethics. Moscow, 2002.
7. Luchitskaya S. History of mentalities. Historical anthropology. Moscow, 2003.
8. Hobbes T. Leviathan, or Matter. Form and power of the state church and civil // Compositions: in 2 vols. Moscow, 1991. Vol. 2.
9. Hobbes T. About the citizen // Compositions: in 2 vols. Moscow, 1991. Vol. 1.
10. B. G. Kapustin's performance on a colloquium «Modern social concepts of liberal vision» // Social and the humanities. Domestic and foreign

---

нительные науки. Отечественная и зарубежная литература. Реферативный журнал. Серия 11: Социология. 1996. № 2.

11. Элоль Ж. Политическая иллюзия. Эссе / пер. В. В. Лазарева. М., 2003.

12. Блюменберг Х. «Расколдовывание мира»: метафоры и сюжеты // Новое литературное обозрение. 2007. № 5.

13. Гоббс Т. О человеке // Сочинения: в 2 т. М., 1991. Т. 1.

14. Tourain A. Critique de la modern. P., 1992.

15. Kersting W. Die Politische Philosophie des Gesellschaftsvertags – Darmsetat Wiss Buchges, 1995.

literature. Abstract magazine. Series 11: Sociology. 1996. № 2.

11. Elyul Zh. Political illusion. Essay / V. V. Lazarev's translation. Moscow, 2003.

12. Blyumenberg H. «Raskoldovyvaniye of the world»: metaphors and plots // New literary review. 2007. № 5.

13. Hobbes T. About the person // Compositions: in 2 vols. Moscow, 1991. Vol. 1.

14. Tourain A. Critique de la modern. Paris, 1992.

15. Kersting W. Die Politische Philosophie des Gesellschaftsvertags – Darmsetat Wiss Buchges, 1995.

Овчинников Алексей Игоревич
Ovchinnikov Alexey Igorevich

профессор кафедры теории государства и права Ростовского юридического института МВД России, профессор кафедры конституционного и административного права Института сервиса, туризма и дизайна Северо-Кавказского федерального университета, профессор кафедры теории и истории государства и права Дагестанского государственного института народного хозяйства доктор юридических наук, профессор.

Professor, Department of Theory of State and Law, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Professor, Department of Constitutional and Administrative Law, Institute of Service, Tourism and Design, North-Caucasian Federal University, Professor, Department of Theory and History of State and Law, Dagestan State Institute of National Economy, Doctor of Law, Professor.
E-mail: k_fp3@mail.ru.

Бойко Наталья Александровна
Boyko Natalia Aleksandrovna

заведующий кафедрой конституционного и административного права Института сервиса, туризма и дизайна Северо-Кавказского федерального университета кандидат юридических наук, доцент.

Head of the Department of Constitutional and Administrative Law, Institute of Service, Tourism and Design, North-Caucasian Federal University, PhD in Law, Associate Professor.
Тел.: 8 (928) 373-68-24.

Гасанова Замира Гаджимурадовна
Hasanova Zamira Gadzhimuradovna

доцент кафедры теории и истории государства и права Дагестанского государственного института народного хозяйства кандидат юридических наук, доцент.

Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law, Dagestan State Institute of National Economy, PhD in Law, Associate Professor.
E-mail: tigp@dginh.ru.

**КОНСЕРВАТИВНЫЕ ПРОЕКТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ
РОССИИ В XX ВЕКЕ**

Conservative projects of the state development of Russia in the XX century

---

В статье раскрываются отдельные консервативные идеи развития государственного и конституционного права в России. Выделяются исторические и социокультурные аспекты появления и распространения идей и концепций консерваторов XX века. Авторы показывают разнообразие подходов и интерпретаций государственной власти в контексте ее правовой, политической, религиозной и нравственной природы в русской консервативной философии государства и права, теории конституционного права, общественно-политической мысли.

Ключевые слова: государственно-правовой консерватизм, русская философия права, самобытность русской государственности, учение о праве и государстве России.

The article describes a separate conservative ideas for the development of public and constitutional law in Russia. There can be historical and socio-cultural aspects of the emergence and spread of ideas and concepts of the conservatives of the twentieth century. The authors show the diversity of approaches and interpretations of state power in the context of its legal, political, religious and moral nature in the Russian conservative philosophy of state and law, theory of constitutional law, social and political thought.

Keywords: State legal conservatism, the Russian philosophy of law, the identity of Russian state, theory of law and state in Russia.

В рамках консервативных теорий о государстве, разрабатываемых представителями русской эмиграции XX века, получили развитие идеи отечественной консервативной госу-

дарственно-правовой мысли и юриспруденции XIX столетия, связанные с отрицанием правового индивидуализма в пользу солидаристских государственно-правовых моделей, органично

вписавшихся, по мнению ученых, в национальную государственно-правовую традицию. Среди них нередко встречались и откровенно национал-социалистические и национал-большевистские идеи, в которых доказывалась прямая зависимость права в государстве от народного духа и национальной идеи. Одним из представителей данного течения был известный русский правовед Н. В. Устрялов, утверждавший, что «... национальный эрос – великая разрушительная и вместе с тем творческая сила, мощный стимул всемирно-исторического бытия и развития!» [10, с. 247]. Автор считал, что нация, государство и идеология не разделимы, но при этом находятся в постоянном контакте и движении. Национальная идея не должна быть статична, ее нельзя провозгласить раз и навсегда. Она нуждается в постоянном идеологическом сопровождении, новом идейном наполнении как по линии внутренней, так и внешней политики. Проникновение государства во все сферы общественно-политической жизни ученый считал необходимым условием развития национальной идеи. При этом подъем национально-патриотических чувств мог происходить как за счет фактического присоединения новых территорий, так и посредством существенного расширения зоны внешнеполитической геополитической активности. По мнению автора, «... перед каждым государством встает практический императив: стремись к расширению, будь могучим, если хочешь быть великим. Здесь – не только голос биологически естественного и ценного инстинкта; здесь веление нравственного разума, завет и требование исторического духа... международная политика России должна быть великодержавной политикой, политикой империализма» [10, с. 254]. Судьба русского ученого, никогда не терявшего связи со своей родиной и в итоге вернувшегося в СССР, сложилась трагично. В июне 1937 года он был обвинен в «шпионаже, контрреволюционной деятельности и антисоветской агитации» и расстрелян. Однако Н. В. Устрялов успел оставить после себя значительное научное, как его называют, национал-патриотическое наследие.

Говоря о консервативной доктрине государственного права, нельзя не обратить внимание на государственно-правовые взгляды И. Л. Солоневича. Мыслитель был убежден в

том, что каждый народ мира стремится развить собственную культуру, государственность и создать свою империю. При этом И. Л. Солоневич повторяет идею немецкого государствоведа К. Шмитта, который считал автаркию признаком свободного государства. Эту же мысль мы находим и у Н. Н. Алексеева. Исходя из того, что каждый народ имеет свои неповторимые пути в истории мира, особенность России он видел в том, что ни одна нация не создала такой государственности, при которой все участвующие в имперском строительстве народы чувствовали бы себя так же комфортно, как и государствообразующий этнос – русский народ [14, с. 15].

Многие исследователи отмечают, что на волне ностальгических чувств по ушедшей жизни монархический строй в трудах представителей консервативного крыла представлялся не всегда сообразно реальным обстоятельствам. Небезосновательное желание вернуться к монархическому строю было зачастую лишено анализа многочисленных его недостатков, которые, возможно, и явились катализатором всех драматических событий. Это, однако, не исключало определенной переоценки ценностей, что стало очевидным с появлением исследователей, которые вели полемику как со сторонниками демократических и парламентских преобразований, так и с откровенно реставраторским крылом монархизма. Так, например, И. Л. Солоневич, оставаясь на монархических позициях, имел свое собственное видение возможного будущего монархии в России. По мнению известного русского публициста, парламентские методы управления демонстрируют свою полную несостоятельность, и охарактеризовать их можно как политический, экономический и моральный маразм, что закономерно предполагает стремление к авторитарному правительству [13]. Однако и планы реставрации самодержавия не вызвали у него безоговорочного одобрения, так как грозили очередной гражданской войной против дворянско-помещичьей монархии и новым витком возмущения данной формой правления в целом. Автор предлагал свой альтернативный путь развития идеи монархии в России, основанный на порядках Московской Руси. Суть идеальной формы правления, по мнению автора, сводилась к единению царя, церкви и народа. Общность

национального, государственного и религиозного сознания населения предполагала единое начало как в государственной, так и в религиозной власти.

Такая форма государственного устройства, предполагающая учет как религиозных, так и народно-представительских аспектов управления, получила название «народно-монархическая государственность». Фундамент, на котором, по мнению автора, должны были основываться принципы устройства Российского государства, составляет сильная царская власть и сильное народное представительство, предполагающее обустройство системы земского самоуправления, закрепление основных гражданских и хозяйственных свобод.

Однако в целом подход к представительной власти был далек от традиционных западноевропейских образцов и предполагал разработку собственных сценариев ее формирования. Главный представительный орган должен был состоять из представителей «государевой и земской служб» [14]. Именно в сочетании монархических, представительских и религиозных начал при абсолютном главенстве Русской православной церкви видел автор основу политического устройства возрожденной России, когда каждый выполняет возложенные на него функции, а не занимается бесконечной конфронтацией.

Его идеалом государства была, во-первых, законная «наследственная, нравственно и юридически бесспорная единоличная монархическая власть», стоящая над интересами партий, различных социальных групп, регионов и играющая главную роль в решении важных для страны вопросов. Во-вторых, России необходимо народное представительство, отстаивающее интересы государства и общества в целом, а не отдельных политиков и олигархов: «Народу – сила мнения, царю – сила власти». Это необходимо для защиты от любых форм «эксплуатации человека», хоть «дворянской, хоть капиталистической», а также обеспечения права на свободу, труд, жизнь, инициативу и творчество многонационального народа империи и каждого человека.

По мнению мыслителя, самодержавие противоречит самоуправлению народа только тогда, когда оно превращается в партию, а самодержавие – в диктатуру. Это касается и национального самоуправления – каждый гражда-

нин и этнос имеют право на свой язык, культуру, политическое самоуправление.

И. Л. Солоневич также обосновывал существование различных форм частной собственности как: свободную конкуренцию между государственным, земским, частным, кооперативным и прочим хозяйствами. Поэтому ученый выступал против социалистов-солидаристов, которые не могли бы обеспечить устойчивость государства: ни один хозяйственник или собственник не будет знать, что с ним случится завтра.

Возможность формирования гражданского общества в условиях монархии Солоневич оценивал положительно: в правильно сконструированной монархической государственности общественное мнение играет важную роль, даже большую, чем в республике. В Московской Руси общественное мнение складывалось с учетом позиции церкви, Боярской думы, соборов, земских органов власти и самоуправления, всероссийских съездов городов.

Ученый полагает, что понятие «конституция» имеет два значения: основной закон страны и основной закон, ограничивающий власть монарха или президента. До 1905 года основные законы определяли полномочия монарха в престолонаследии и вероисповедании, а также в законодательной области. Неписаная конституция Московской Руси ограничивала власть московского самодержавия. Ученый обращает внимание на то, что, по мнению императора Александра III, самодержавие существует для охраны закона, а не для его нарушения. Российская империя управляется «на твердом основании законов, от самодержавной власти исходящих». В результате Николай II своим решением даже П. Милюкова не мог выслать из Петербурга. Следовательно, власть русских монархов была ограниченной, так как после подписания Павлом I закона о престолонаследии самодержавие стало подзаконным: история европейских конституций есть история борьбы за власть, история русских конституций – история самоограничения власти монархов. Русская конституция – симфония власти царской, церковной и земской.

Указанные три вида власти ограничивали сами себя и не вторгались в юрисдикцию друг друга. Поэтому в России конституционная монархия – значит соборная монархия, духовной основой которой Солоневич считал пра-

---

вославие, признающее личную свободу каждого и не принуждающее к вере.

Следует отметить, что учения о государстве и праве, противоречащие идеям социалистического общества, формировались не только в эмиграции, но и непосредственно в России, поэтому могли обладать достаточным своеобразием. Так, например, священник Павел Флоренский, в отличие от большинства представителей эмиграции, не видел возможности возвращения к исходной предреволюционной государственной системе управления страной. В таких суждениях он усматривал серьезную угрозу анархии и гибель России [12]. Флоренский отмечал, что опоры, на которых долгое время держались самодержавие и религиозность в России, уже исчерпали себя в ходе естественного исторического процесса, поэтому не следует их возрождать. При этом священник обращал внимание на существенные достижения молодой советской власти, такие как увеличивающийся престиж страны на международной арене, развитие военной промышленности, высокий уровень подготовки в армии и государственной дисциплины. Положительным моментом он считал способность советской власти обеспечивать общественно-политический порядок. Признав прежние государственные и духовные идеалы отмершими, в определенной степени П. Флоренский встал на защиту советского строя, за что был часто порицаем в эмиграционном сообществе. Однако данный факт не означает, что он являлся апологетом советского строя. Так, например, он выступил против советской власти в вопросе определения статуса Троице-Сергиевой лавры, и за что в итоге признан идеологическим врагом и лишен жизни [4, с. 18–21].

Критикуя слабые и уязвимые места большевистской концепции мира и государственного устройства, священник в то же время отмечал, что в будущем советский строй должен быть серьезно обновиться, однако не путем кровавых революционных потрясений, а постепенно, посредством эволюционных изменений. Священник надеялся на некий духовно-нравственный переворот в умах руководителей советской власти. Результат, к которому должна была прийти Россия, автор находил в идеологии традиционализма. Национальными идеалами России, прочно обосновавшимися в

сознании народа, традиционно выступали авторитарный правитель, пользующийся непрерываемым авторитетом, сочетание централизации и широкой автономии в государственно-территориальном устройстве и другие. Именно централизация и сосредоточение власти в руках верховного правителя – «человека-гения», обладающего неоспоримыми созидательными достоинствами, необходимыми для управления государством, должны были стать противовесом традиционным либеральным институтам власти, ведущим к социальным катастрофам и потрясениям. В целом мировоззрение П. Флоренского основывается на идеях славянофилов и консерваторов, не видящих будущее России вне сакрального единства. Отношение русского народа к власти автор характеризовал следующим образом: только сакральная фигура творца-гения, поддержанная божественной волей и возвышающаяся над личными и коллективными интересами, может получить поддержку у населения. При этом сам факт безоговорочного подчинения основан не на силе государственного принуждения, а на безоговорочном одобрении и христианской любви, проистекающих из преклонения перед даром, данным Богом [12, с. 11–12].

В контексте консервативной традиции автор предлагал не смешивать государственные и индивидуальные сферы жизни. Первые требовали безоговорочного подчинения и централизации, вторые же допускали элементы автономии, самостоятельности, самоуправления и развития человеческой индивидуальности. Однако полностью разделять данные сферы также не следует, так как необходимо найти баланс, который бы не позволил скатиться в крайности, такие как гипертрофированная централизация и анархическая демократия. Задачу власти П. Флоренский видел в актуализации коллективных интересов. Беспрепятственное потворствование индивидуальным интересам, по мнению автора, как и насаждение неестественного равенства, выступает явным недостатком демократических режимов, в которых власть со временем разрушается под гнетом неоправданной децентрализации и излишней автономии. Всеобщее избирательное право, как и в целом идею представительного управления, ученый считал мифом. Он полагал, что политика не нуждается в доступе к ней

всех и каждого, так как является прерогативой исключительно достойных и «героических» людей. Задача государственной власти состоит не в том, чтобы допустить всех к управлению страной, а в том, чтобы получить от каждого индивида то, на что он действительно способен. Нет никакой необходимости насильно вовлекать людей в политику, в которой они ничего не понимают, так как это искусство избранных.

Следует отметить, что отечественная консервативная мысль достаточно критично относилась к идее разделения властей [6]. По мнению исследователей, буквальное и формальное разделение власти естественным образом ведет к потере ее единства, что может спровоцировать противостояние, конфликты, политический кризис. Кроме того, разделение власти происходит тогда, когда люди не доверяют и вынуждены контролировать друг друга. Такая ситуация взаимного перманентного недоверия свидетельствует о полной потере духовно-нравственных основ и отсутствии единого объединяющего народ начала. Юридическое закрепление такого шаткого равновесия как следствия общественного договора подчеркивает исключительно формальный характер властотношений, не имеющих достаточных нравственных основ. Известный общественный деятель Л. А. Тихомиров писал в этой связи о том, что «на самом деле разделение властей и их взаимная независимость имеют разумное место только в области чисто управительной... Но специализированные и независимые одна от другой эти области управления все одинаково истекают из верховной власти, одинаково являются орудиями ее, подчиняются ей и исполняют только ее волю. Они все облечены властью только передаточной, а потому подлежат одинаково непосредственному контролю и направлению со стороны власти верховной» [15]. Другими словами, государственную власть в принципе невозможно разделить.

По прошествии определенного времени, в течение которого можно было убедиться в том, что новый режим несет в себя целый ряд неоспоримых достоинств, в конце 1920-х годов прошлого столетия в среде отечественной консервативной эмиграции получила развитие идея использования элементов со-

ветской государственной системы в процессе государственно-правового моделирования. Неожиданно обнаружилось большое количество точек соприкосновения у консерваторов русского зарубежья и молодого Советского государства. Сочетание системы советов с жесткой верховной властью формально укладывалось в концепции консервативного характера. Именно сильная власть должна была выступать гарантом стабильности и средством защиты от революционных потрясений. Если дореволюционная консервативная монархическая концепция однозначно противопоставляла себя как капиталистической, так и социалистической системам, то в эмиграционной публицистике заимствования из этих систем уже допускались. Речь идет о том, что революционные перемены, в том числе и в сознании населения, какие бы они ни были, уже произошли и игнорировать их было нельзя. Таким образом, происходила адаптация новой модели монархической государственности к существующим политическим реалиям [3].

Известный русский философ и богослов В. Н. Ильин рассматривал право как систему, которая отражает всю полноту взаимоотношений людей и государства «исходя из представлений о должном как абсолютной правде». В основе права лежит феномен «правды» как внеэмпирического начала христианского религиозного характера, которое присутствует не только в праве, но и нравственности, а естественное право – это отражение сверхнравственного начала. Право, оставаясь нейтральным, не должно стремиться к моральной квалификации деяния. Мораль должна санкционировать право, а право – защищать мораль. При этом излишнее их смешение, как и разделение, ведет к различным деформациям – к морализации права и юридизации морали. Власть не должна стремиться к утверждению нравственных норм путем правового регулирования, так как право, реализующее себя как максимум нравственности, оборачивается насилием. Одновременно догматизация права, отделение его от правды и морали приводят к юридизации последней, когда она уже не воспринимается как самоценность, а поведение людей преследует исключительно эгоистическую выгоду. В такой ситуации индивида уже не беспокоит морально-нравственная со-

ставляющая его поступков, главное, чтобы его поведение укладывалось в правовые рамки. То общее, что объединяет право и мораль, автор видел в феномене «правда», который имеет религиозное происхождение и, выступая частью христианского учения, не может быть подвергнут рациональному изучению [8, с. 306].

Подобное «иррациональное» понимание права предлагал и М. В. Шахматов, отмечая, что «право по содержанию сверхсознательно и вытекает... из правды Божией». Исследовать содержание права традиционными научными способами невозможно [16, с. 40]. Как следствие, реальное право существует лишь в «государстве правды», где властители связаны не правовыми рамками, а морально-нравственными и религиозными нормами. В качестве примера автор приводил Московское государство конца XV века и до введения Иваном IV опричнины. Власть правителя ограничивалась законом и «правдой», причем закон трактовался, скорее, в идеалистическом ключе как закон религиозный и государственный, одновременно не будучи привязанным к своему конкретному формально-юридическому воплощению.

Говоря о творческом наследии М. В. Шахматова, следует вспомнить и о его консервативных взглядах на будущность системы государственного устройства России. Именно «государство правды» видел автор в качестве образца идеократической государственности, под которым понимал государство, основанное на принципах добра, любви и справедливости как продолжении религиозных божественных начал. Правовое государство в его европейском понимании не может служить ориентиром для русской просвещенной монархии. Между ними лежит ряд непреодолимых различий, которые сводятся к следующим.

Европейская идея естественного права, являющаяся следствием борьбы сословий за свои права и против неограниченной власти монарха, в конечном счете предусматривала объективизацию обязательного минимума прав и свобод. Западное – продукт конфликта, возникшего между властью и обществом, который не прекращается даже после формального очерчивания круга допустимой свободы индивида. В свою очередь «государство правды» должно строиться на единении

общества, государства и индивида. Идея служения обществу должна овладеть каждым – от царя до рядового гражданина. Если в основе западного права – «раздор», то фундамент «государства правды» составляют согласие и мир. Как отмечал ученый, «самодержавие означало изначально лишь единство власти во всех русских землях, а совещания царя с земскими соборами, Думой и иными совещательными и законодательными учреждениями чрезвычайно высоко оцениваются народом и ставятся ему в обязанность. Но эта обязанность должна исполняться не в виде определенного исхода борьбы ограничения, а во имя взаимной христианской любви царя и народа» [16; 17]. Одновременно русская идея правды стремится к духовному спасению, тогда как концепция естественного права направлена на достижение исключительно материальных благ. Если естественно-правовая теория возможна в ее формально-юридическом воплощении, то в «государстве правды» во главу угла не будет ставиться нормативное правовое регулирование, так как идеал правды нельзя охватить исключительно позитивным законом. Он призван решать гораздо более высокие задачи как в духовном, так и в морально-нравственном плане. И основой для задач духовного развития во всех случаях будет христианская религия.

По мнению М. В. Шахтанова, правовое государство и «государство правды» – это не просто различные подходы к политико-правовой системе государства и общества, это два различных мировоззрения и мировосприятия. Правовое государство – это проводник материалистических устремлений, «маленького ежедневного счастья» и «суеты земной», правление серых и скучных людей. «Государство правды» – это, наоборот, «красота религиозного пафоса», «мистика мученического подвига», государственное строительство, основанное на культе яркой личности, правлении героя-великомученика, который должен выступать таковым хотя бы в представлении народа. Главную ошибку либерально настроенной части русской интеллигенции автор находил в том, что она слишком узко видела особенности русской культуры и менталитета, в большей степени полагалась на «государство неправды» и стремилась свести общее благо к развитию формальных управлен-

ческих процедур, тогда как русский идеал значительно шире и включает в себя так называемый подвиг власти.

Следует также помнить, что М. В. Шахматов не рассматривал «государство правды» как абсолютный идеал человеческого бытия. Ученый видел в нем одну из ступеней на пути к духовному спасению и очищению. В таком аспекте юридическое устройство земной жизни имеет для автора не первоочередное значение, так как власть в таком государстве исходит от Бога, им же устанавливается и форма правления, наиболее подходящая для данного народа, а целью «государства правды» является религиозное спасение. Отделение права от нравственности – это шаг в сторону европейских принципов организации государства, ведущий к противоречию в народном правосознании. Право должно быть религиозно-нравственным, при этом связь права, власти и нравственности должна стать неразрывной. Любое отступление от религиозно-нравственных основ в организации государства и общества ведет к их ослаблению и разрушению. В итоге верховенство религиозно-нравственного диктует следующие требования к процессам государственно-правового строительства. Государство и церковь находятся в неразрывном симфоническом единстве, обязательное наличие государст-

венной церкви не обсуждается, стабильность и устойчивость общественно-государственных отношений обеспечивается религиозным идеалом «правды» [5, с. 6–9].

Яркий след в юриспруденции и истории отечественного государства и права оставил крупный ученый, государствовед и правовед, один из основателей евразийского общественно-политического движения русской эмиграции Н. Н. Алексеев [11]. Большевистский переворот в 1917 году он воспринял как результат допущенных ошибок прежнего режима, не учитывающего особенности правового менталитета русского народа. В будущем, в постсоветский период русской истории, а в том, что таковой наступит, Н. Н. Алексеев еще в первой половине XX века совершенно не сомневался, идеи демократии, диктатуры и социальной справедливости Советского государства должны сохраниться. Это может быть либо монархическое (иосифлянское), либо правовое государство в духе Нила Сорского. Московская же монархия невозвратима по целому ряду причин. «Будущее принадлежит православному правовому государству, которое сумеет сочетать твердую власть (начало диктатуры) с народоправством (начало вольницы) и служением социальной правде» [2].

Литература

1. Алексеев Н. Н. К учению об объективном праве // Тридцатые годы. Утверждение евразийцев. Париж, 1931.
2. Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. М., 1998.
3. Антоненко Н. В. Эмигрантские консервативные проекты государственного устройства России // История государства и права. 2011. № 8.
4. Васильев А. А. Государственное учение священника Павла Флоренского: диктатура как реставрация монархии // История государства и права. 2015. № 10.
5. Васильев А. А. Концепция государства правды и царя – подвигоположника М. В. Шахматова // Государственная власть и местное самоуправление. 2013. № 5.
6. Васильев А. А. Концепция разделения властей и идея органического единства верхов-

Bibliography

1. Alekseev N. N. The doctrine of objective law // Thirties. The affirmation of the Eurasians. Paris, 1931.
2. Alekseev N. N. Russian people and the state. Moscow, 1998.
3. Antonenko N. V. Emigre conservative projects of the state system of Russia // History of state and law. 2011. № 8.
4. Vasiliev A. A. State the teaching of priest Pavel Florensky: a dictatorship as the restoration of the monarchy // History of state and law. 2015. № 10.
5. Vasiliev A. A. Concept of a state of righteousness and king of podypolsky M. V. Shakhmatov // State power and local self-government. 2013. № 5.
6. Vasiliev A. A. Concept of separation of powers and the idea of the organic unity of the Supreme power in the conservative legal doctrine

---

ной власти в консервативной правовой доктрине России // Государственная власть и местное самоуправление. 2015. № 8.

7. Гурвич Г. Д. Пророки // Дни. 1925. № 796.

8. Ильин В. Н. К взаимоотношению права и нравственности // Евразийский временник. Берлин, 1925. Кн. IV.

9. Назмутдинов Б. В. Понятие права в трудах классиков евразийства // История государства и права. 2012. № 24.

10. Нация и империя в русской мысли начала XX века. М., 2004.

11. Овчинников А. И., Овчинникова С. П. Евразийское правовое мышление Н. Н. Алексеева. Ростов н/Д, 2002.

12. Священник Павел Флоренский. Предполагаемое государственное устройство в будущем. М., 2009.

13. Солоневич И. Л. Диктатура импотентов. Наша страна. XX век. М., 2001.

14. Солоневич И. Л. Народная монархия. М., 2003.

15. Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. М., 2004.

16. Шахматов М. В. Государство правды. М., 2008.

of Russia // State power and local self-government. 2015. № 8.

7. Gurvich G. D. The prophets // Days. 1925. № 796.

8. Ilyin V. N. The relationship between law and morality // Eurasian vremennik. Berlin, 1925. Book IV.

9. Nazmutdinov B.V. Concept of law in classical Eurasianism // History of state and law. 2012. № 24.

10. Nation and Empire in Russian thought of the beginning of XX century. Moscow, 2004.

11. Ovchinnikov A. I., Ovchinnikova S. P. Eurasian legal thinking N. N. Alekseev. Rostov-on-Don, 2002.

12. The Priest Pavel Florensky. Estimated polity in the future. Moscow, 2009.

13. Solonevich I. L. Impotent dictatorship. Our country. XX century. Moscow, 2001.

14. Solonevich I. L. National monarchy. Moscow, 2003.

15. Tikhomirov L. A. Monarchic statehood. Moscow, 2004.

16. Shakhmatov M. V. State of truth. Moscow, 2008.

Язов Александр Николаевич
Yazov Alexander Nikolaevich

адъюнкт Омской академии МВД России.

Adjunct, Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

E-mail: an-yazov@yandex.ru.

**ИСТОЧНИКИ ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕИ НАРОДНОГО СУВЕРЕНИТЕТА
В ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПРАВОВОЙ МЫСЛИ РОССИИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА**

**Sources of the formation of the idea of people's sovereignty in the liberal legal
thought of Russia in the second half of the XIX – early XX century**

В статье представлены и проанализированы взгляды П. И. Новгородцева, Б. Н. Чичерина, М. М. Ковалевского, В. М. Гессена на проблему становления и развития идеи народного суверенитета в европейской политико-правовой мысли. Выделены социально-политические условия формирования признаков народного суверенитета. Автор приходит к выводу, что к основным юридическим свойствам народного суверенитета европейские ученые относили неотчуждаемость, единство и неделимость.

Ключевые слова: либерализм, народный суверенитет, закон, неотчуждаемое право.

The article presents and analyzes the views of P. I. Novgorodtsev, B. N. Chicherin, M. M. Kovalevsky, V. M. Hesse on the problem of becoming and development of the idea of popular sovereignty in the European political and legal thought. Highlighted the social and political conditions for the formation of the signs of popular sovereignty. Author comes to conclusion, that the basic legal characteristics of the popular sovereignty of European scientists are inalienability, unity and indivisibility.

Keywords: liberalism, popular sovereignty, law, inalienable law.

Изучение идеи народного суверенитета имеет многовековую историю. Во второй половине XIX – начале XX века она прямо или косвенно выступала предметом исследований представителей либеральной политико-правовой мысли России. Значительное количество научных трудов посвящено разработке собственных теорий народного суверенитета либо изучению практических аспектов реализации данной идеи в области строительства российской государственности. Наибольшее внимание вопросу становления и развития народного суверенитета уделяли П. И. Новгородцев, Б. Н. Чичерин, М. М. Ковалевский и В. М. Гессен.

Зарождение идеи народного суверенитета, по мнению отечественных дореволюционных правоведов, происходило в эпоху позднего средневековья. В это время на политической арене появляются общественные силы, оспаривающие безусловное верховенство государственной власти. Первой такой силой, на их взгляд, стала церковь, так как распространение христианской религии позволило ей занять высшее политическое положение в государст-

ве, а господствовавшая в этот период в правовой мысли теологическая теория полностью отрицала свободу воли индивида [1; 2].

С протестом против притязаний папства на светскую и духовную власть в первой четверти XIV века выступили итальянские философы-богословы Марсилиус Падуанский и Данте Алигьери. Они считали главенствующее положение духовной власти в государстве неправомерным. И если Данте в своем трактате «О монархии» требовал признания верховенства императорской власти над папской, то Марсилиус Падуанский в сочинении «Защитник мира» [3], как справедливо указывал П. И. Новгородцев, обосновывал принадлежность светской и духовной власти в государстве народу.

Б. Н. Чичерин отмечал, что при обосновании своих взглядов Марсилиус Падуанский во многом следовал философскому учению Аристотеля [4, с. 231]. Так, государство он рассматривал сквозь призму формальной, материальной, движущей и конечной причин. Конечной причиной автор считал цель государства, которая заключалась в обеспечении достойной

жизни каждого гражданина. Законодателю Падуанский придавал значение движущей причины, народу – материальной, а закону – формальной [4, с. 231].

Профессор Б. Н. Чичерин констатировал, что итальянский мыслитель считает законодательную власть в государстве верховной. Принимая во внимание учение Аристотеля [5], можно заключить, что, указывая народ как материальную причину существования государства, Падуанский видел в нем источник государственной власти. Очевидно, что на фоне доминировавших в средневековье теологических концепций идеи Марсилиа Падуанского о верховенстве светской власти и народо-суверене предопределили формирование в эпоху Возрождения и Новое время представлений о демократическом государстве.

Дальнейшее развитие идея народного суверенитета, по мнению российских исследователей, получила только в XVI столетии в учениях об автономии личности идеологов протестантизма М. Лютера [6, с. 131–163] и Т. Мюнцера [7, с. 116–117]. Как указывал Б. Н. Чичерин, ключевыми идеями протестантизма являлись: свобода личности, необходимость утверждения ее самоценности, признание достоинства и автономии индивида, провозглашение свободы совести и веры [4, с. 325].

Немецкий проповедник Т. Мюнцер, по П. И. Новгородцеву, выступал за уничтожение сословий, частной собственности и провозглашение всеобщего равенства [8, с. 114–115]. Считаем, что эти взгляды породили в широких кругах населения надежду на установление равенства и свободы и, как полагал мыслитель, способствовали утверждению светского начала в политической жизни, а также расколу церкви на католическую и протестантскую, что привнесло начала свободы как в духовную среду, так и в политическую [9, с. 43–44].

На постепенное ослабление власти католической церкви в политической жизни Европы во второй половине XVI века повлияли религиозные войны во Франции между католиками и протестантами. Идеями вдохновителями последних выступали Ф. Отман и Ф. Дюпlessи-Морне. Политические сочинения данных авторов, по мнению Б. Н. Чичерина, положили начало демократической литературе Нового времени [4, с. 361], где идея народного суверенитета стала основной.

Главный тезис учения Ф. Отмана заключался в том, что королевская власть во Франции на протяжении всего исторического развития государства была ограничена властью народа [10, с. 686–687]. В его работе отсутствовало какое-либо определение суверенитета. Однако мы можем заключить, что под суверенитетом народа Отман понимал его верховное право выбора и низложения своих государей.

Учение другого идеолога протестантизма Ф. Дюпlessи-Морне содержалось в работе «Защита против тиранов». Данное произведение, по мнению Б. Н. Чичерина, являлось первым после Падуанского трактатом, написанным в демократическом духе, основной идеей которого стал договор между князем и народом [4, с. 263]. Как утверждал Б. Н. Чичерин, значимость памфлета «Защита против тиранов» состояла в том, что, синтезируя богословские и демократические идеи, Дюпlessи-Морне обосновывал ограниченность власти князя суверенитетом народа, а выборным сановникам, представляющим народ, вменял в обязанность низлагать князя, злоупотребляющего властью [4, с. 263].

Схожий взгляд на замысел трактата имели П. И. Новгородцев и М. М. Ковалевский. При этом П. И. Новгородцев отмечал, что возможность восстания народа против тирана Дюпlessи-Морне признает как органическое явление государственной жизни и возводит его до степени права [11, с. 60–61]. М. М. Ковалевский обратил внимание на то, что в памфлете французского протестанта, помимо права граждан свергнуть тирана, указывается неотчуждаемость верховной власти народа. «Народ никогда не умирает, тогда как короли сходят со сцены один за другим. ... Ни течение времени, ни перемена в лицах не могут изменить прав народа» [12, с. 36], – цитирует правовед средневекового автора.

Таким образом, вклад публицистов XVI века в развитие идеи народного суверенитета, по нашему мнению, состоял в следующем: 1) обоснована гуманистическая сущность народного суверенитета, которая выражалась в теории свободы и автономии личности; 2) систематически изложены такие свойства народного суверенитета, как право нации на сопротивление тирану, являвшееся следствием заключения первоначального договора между гражданами и

государем, и неотчуждаемость верховной власти народа.

Согласно М. М. Ковалевскому, в начале XVII столетия первым «систематизатором» положений концепции народного суверенитета, выработанной средневековой политико-правовой мыслью, стал немецкий теоретик права И. Альтузий [12, с. 56]. В общем виде учение Альтузия, по М. М. Ковалевскому, включало в себя следующие положения: верховные права могут принадлежать только народу; данные права неотчуждаемы и неделимы; лица, занимающие избираемые должности, являются уполномоченными народа; основу отношений «управление – подчинение» между народом и представляющими его лицами составляет договор, по которому на определенных условиях последние наделяются властью, а первые обязуются подчиняться; нарушение условий договора со стороны властвующих обращает их в тиранов и освобождает народ от обязанности повиноваться [12, с. 58].

Профессор М. М. Ковалевский отмечал оригинальный взгляд Альтузия на источник происхождения верховной власти. У немецкого правоведа им являлся договор, который имел две формы: договор об общезжитии, превращающий отдельных лиц в коллективное целое – народ; договор о властвовании между народом и правителем, закрепляющий отношения «управление – подчинение» [12, с. 61]. Заметим, что данный подход к пониманию сути договора позднее будет развит Ж.-Ж. Руссо.

Следует отметить, что в работах отечественных правоведов второй половины XIX – начала XX века, посвященных исследованию политико-правовой мысли средневековья, за исключением М. М. Ковалевского, вклад И. Альтузия в построение теории народного суверенитета остался незамеченным. Именно М. М. Ковалевский справедливо пришел к выводу о том, что И. Альтузия можно считать «прямым предшественником» Ж.-Ж. Руссо [12, с. 63].

Очевидно, что ряд юридических свойств народного суверенитета был известен политико-правовой мысли средневековья. Однако следует согласиться с известным российским правоведом В. М. Гессеном, который утверждал, что понятия «народ» как совокупности свободных и равных друг другу индивидов

средневековая теория не знала. Для нее было характерно понимание народа как исторически сложившейся, социально дифференцированной, феодальной или полуфеодальной совокупности сословных и территориально обособленных групп [13]. Мы присоединяемся к позиции В. М. Гессена и считаем, что идея народного суверенитета приобретает истинно демократическую природу только тогда, когда ставится вопрос о формальном равенстве индивидов. Поэтому только в естественно-правовых теориях XVII–XVIII веков, получивших развитие в работах Дж. Лилберна, идеолога левеллеров в эпоху религиозно-политической распри в Англии, немецкого юриста С. фон Пуфендорфа, голландского правоведа Г. Гроция и других, формируется демократическое понятие «народ», а идея гражданского равенства в политически организованном обществе перестает носить сословный характер.

В российской дореволюционной либерально-юридической мысли особое значение уделялось политико-правовому учению Дж. Локка, в котором народный суверенитет напрямую связывался с теорией общественного договора, неотчуждаемых прав личности и идеей разделения властей [9, с. 147]. Сочинение английского философа «Два трактата о государственном правлении» стало предметом исследований Б. Н. Чичерина, П. И. Новгородцева и Н. М. Коркунова. По справедливому утверждению отечественных правоведов, цель данного произведения заключалась в изучении происхождения, объема и задач государственной власти.

Так, возникновение государственной власти Дж. Локк связывал с переходом людей из естественного состояния в гражданское. Это становится возможным, как пишет Б. Н. Чичерин, когда свободные в естественном состоянии люди отказываются от права самостоятельно защищать свои жизнь, свободу, имущество и передают его обществу в целом. В результате подобного отказа, основанного на общем соглашении, образуется государство, которое получает полномочия издавать законы, определяющие меры воздействия за различные преступления, наказывать членов общества, совершивших противозаконные действия, и внешних врагов за деяния, наносящие вред государству [14, с. 141].

Н. М. Коркунов акцентировал внимание на таком критерии разграничения естественного состояния и государства, как появление судей и правителей, уполномоченных народом на осуществление публичной власти [15, с. 158]. Эта идея, безусловно, является ключевой в трактате Дж. Локка, посвященном обоснованию принципа народного суверенитета. В отличие от предшествующих учений о народе как источнике власти, например, Ж. Бодена и Т. Гоббса, Дж. Локк выступал против абсолютизма суверена и считал, что он должен быть подчинен законам [15, с. 158]. Н. М. Коркунов справедливо видел в теоретических построениях Дж. Локка важнейшие признаки народного суверенитета и теории правового государства.

Профессор П. И. Новгородцев писал, что в учении Дж. Локка целью государственной власти, учрежденной вследствие заключения общественного договора, выступает защита граждан, охрана их свободы и собственности. Поэтому объем власти, передаваемой народом государству, ограничен необходимостью достижения указанной цели [9, с. 152]. Эту мысль в рамках теории естественного права Дж. Локк использует в обосновании своего учения о неотчуждаемых правах человека.

Главной заслугой английского правоведа П. И. Новгородцев считает постановку вопроса о гарантиях реализации неотчуждаемых прав – разделении власти на законодательную и исполнительную. При характеристике законодательной власти английский философ делает акцент на неотчуждаемости народного суверенитета, поскольку оставляет высший надзор за деятельностью законодательного собрания в ведении народа, которое считает временным органом народной воли [9, с. 153].

Следует отметить, что отечественные правоведы указывали на отсутствие в учении Дж. Локка точного юридического определения суверенитета. В большей мере автора интересовали условия правомерного действия власти, в связи с чем им разрабатывались идеи о разделении властей и неотчуждаемых правах личности. Впоследствии, как писал П. И. Новгородцев, они легли в основу учений о разделении властей Ш. Л. де Монтескье и чистой демократии Ж.-Ж. Руссо [9, с. 157].

Рассмотрение свойств народного суверенитета в трудах Монтескье происходило в кон-

тексте представлений о правовом государстве. Подобно Дж. Локку, французский мыслитель считал, что государственная власть ограничена законами, охраняющими право каждого лица на жизнь, свободу и собственность. При этом А. Д. Градовский отмечал, что, по Монтескье, не имеет значения, в чьих руках находится верховная власть – принадлежит она всему народу, аристократии или монарху, важно то, как она организована [16, с. 21]. Возможно, по этой причине Ш. Л. де Монтескье не акцентировал внимание на условиях договора и объеме прав, отчуждаемых людьми при переходе из естественного состояния в гражданское. Однако он считал, что свобода человека заключается в том, чтобы его не принуждали совершать действия, которые закон ему не предписывает. Данная мысль позволяет сделать вывод об отсутствии абсолютного характера публичной власти, верховенстве закона в отношениях власти-подчинения между государством и гражданином.

В учении Ш. Л. де Монтескье особое место занимает теория разделения властей, которая, как полагал П. И. Новгородцев, разъясняет условия, позволяющие осуществлять на практике начала свободы и законности [17, с. 149]. Анализу общих принципов теории разделения властей Монтескье посвящены работы многих отечественных либеральных правоведов второй половины XIX – начала XX века. Наиболее значимыми для нашего исследования положениями данной теории являются: в каждом государстве есть три ветви власти; судебная власть вверена лицам, избираемым из народной среды на определенный срок; исполнительная власть находится в ведении монарха; законодательная власть принадлежит избираемым народом представителям; право голоса при выборе представителей принадлежит всем гражданам [11, с. 219–232; 13; 14, с. 374–379; 15, с. 196–204; 16, с. 70–79; 18, с. 239–260; 19, с. 73–203]. В целом отечественные правоведы с учением о разделении властей Монтескье связывали появление теории народного представительства, которая выступала формой реализации народного суверенитета через всеобщее избирательное право. Влияние политико-правового учения французского философа на формирование идеи народного суверенитета наиболее точно обозначил В. М. Гессен: «Историческое

значение теории Монтескье заключается не столько в выяснении существа народного представительства, сколько в доказательстве его необходимости, предпочтительности его перед непосредственным народовластием» [13].

Если в работе Ш. Л. де Монтескье «О духе законов» идея народного суверенитета раскрывалась в контексте теории разделения властей, то в «Общественном договоре» Ж.-Ж. Руссо она стала самостоятельным предметом исследования. Как справедливо писал П. И. Новгородцев, «идея народного суверенитета не была выражена Руссо впервые, но особенность его состоит в том, что он дал ей законченную форму и довел ее до крайних последствий» [11, с. 242]. Иными словами, Ж.-Ж. Руссо впервые в политико-правовой мысли представил развернутое обоснование народного суверенитета и его юридических свойств. Отечественный правовед П. И. Новгородцев рассматривает следующие признаки народного суверенитета, выделенные французским философом: верховная власть принадлежит народу; она неотчуждаема и непредставяема, едина и неделима, непогрешима и абсолютна [11, с. 242–249].

Заметим, что практически все авторы либерального направления отечественной юриспруденции обращались к анализу теории Ж.-Ж. Руссо. Во многом их оценки совпадают, однако можно отметить разную степень их интереса к тому или иному свойству народного суверенитета. Так, В. М. Гессен акцентировал внимание на его неотчуждаемости и непредставяемости. Данные признаки вытекают из заявления Руссо о том, что «народные депутаты не могут быть представителями народа, а также выносить окончательные постановления» [20, с. 82]. Но это не означало, по мнению правоведа, что Ж.-Ж. Руссо отрицал народное представительство. В. М. Гессен считал, что Руссо отличал установление содержания законов от их санкционирования. Народное представительство может учитывать волю граждан при подготовке и составлении законов, но их санкционирование должно исходить исключительно от народа [13]. Таким образом, В. М. Гессен подчеркнул, что французский философ отвергал не народное представительство, а представительный строй, где народное представительство выступает в качестве верховного законодательного органа государства.

Единство и неделимость народного суверенитета подробно охарактеризовал М. М. Ковалевский, который считал, что из этих свойств не следовало безраздельное выполнение сувереном законодательной, исполнительной и судебной функций публичной власти. По мысли Руссо, суверенитет народа сосредоточен на осуществлении законодательной власти, а остальные полномочия являются его следствием. Исполнительная власть усматривает принятие частных актов и не может принадлежать всей совокупности граждан, поскольку воля суверена может быть выражена только в законе. Поэтому М. М. Ковалевский считал ошибочным отождествление суверена с правительством, которое по отношению к нему является всего лишь уполномоченным [19, с. 209]. Согласимся с позицией М. М. Ковалевского, поскольку в учении Ж.-Ж. Руссо деятельность исполнительной власти состоит в принятии отвечающих общей воле частных актов, что, очевидно, не является обязанностью суверена.

Б. Н. Чичерин делал акцент на непогрешимости суверенитета народа. Это свойство, писал Б. Н. Чичерин, философ выводит из учения об общей воле. У Руссо она представляет собой «среднее мнение» [21, с. 141], то есть совокупность частных волей, принадлежащих отдельным индивидам, из которой изъяты разносящиеся интересы. Непогрешимость народного суверенитета, отмечал Б. Н. Чичерин, заключается в правильности принятых сувереном решений, поскольку общая воля, являясь выражением общих интересов, всегда стремится к общему благу, и, следовательно, «она, по существу своему, всегда права» [21, с. 141].

Наиболее точно причину абсолютного характера народного суверенитета в теории Ж.-Ж. Руссо сформулировал П. И. Новгородцев. По его мнению, абсолютизм власти народа вытекал из отсутствия указания на какие-либо пределы ее компетенции. «Как природа дает каждому человеку власть над всеми его членами, так и общественный договор дает политическому телу неограниченную власть над всеми его членами», – комментировал мысль отечественный правовед [11, с. 246].

Так, следует отметить, что демократические начала концепции народного суверенитета, принадлежащей Ж.-Ж. Руссо, очевидны: обоснование власти народа, стремление к бес-

печению общего блага и т. п. Однако учение французского философа, при всей привлекательности его взглядов, в отечественной юриспруденции справедливо подвергалось критике. Основная ошибка Ж.-Ж. Руссо, по мнению российских правоведов, заключалась в абстрагировании от условий реальной жизни [11, с. 247; 19, с. 211–214; 21, с. 141]. П. И. Новгородцев в связи с этим задавался вопросом о том, что если демократия Ж.-Ж. Руссо имеет примитивный быт, а ее идеалом является естественная и незыблемая гармония жизни, то каким образом его учение оказало влияние на революцию в «исполненной прогрессивных стремлений» Франции [11, с. 248–249]. И сам же дает ответ: «Современники Руссо выхватили из его трактата “Об общественном договоре” отдельные положения о народном суверенитете, о свободе, которая принадлежит человеку от природы, о “тягости цепей”, наложенных на него историей» [11, с. 249]. Несмотря на очевидные противоречия в теории народного суверенитета Ж.-Ж. Руссо, многие ее идеи легли в основу Декларации прав человека и гражданина 1789 года. Для французских граждан философ стал наставником, который не столько формулировал и обосновывал проблемы взаимоотношений власти и подчинения в треугольнике «человек – общество – государство», сколько обладал удивительной способностью влиять на мысли людей, побуждая их к политическим действиям.

Литература

1. Августин Блаженный. О Граде Божьем // Сочинения: в 4-х т. М., 1994.
2. Аквинский Ф. О правлении государей // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе VI–XVII веков. Л., 1990.
3. Падуанский М. Защитник мира. *Defensor pacis*. М., 2014.
4. Чичерин Б. Н. История политических учений. М., 1869.
5. Аристотель. *Метафизика* / пер. с греч. П. Д. Первова и В. В. Розанова. М., 2006.
6. Лютер М. О светской власти. В какой мере ей следует повиноваться // Избранные произведения. СПб., 1994.
7. Мюнцер Т. Разоблачение ложной веры // Антология мировой философии: в 4 т. Т. 2:

Таким образом, исследование источников формирования идеи народного суверенитета в российской либеральной юридической науке второй половины XIX – начала XX века позволяет сделать вывод о том, что в данный период наблюдается определенная солидарность отечественных юристов в освещении этого вопроса. П. И. Новгородцев, Б. Н. Чичерин, М. М. Ковалевский и В. М. Гессен справедливо считали ошибочным представление о том, что основные положения теории народного суверенитета Ж.-Ж. Руссо были сформулированы исключительно под влиянием общественно-политической ситуации во Франции во второй половине XVIII века. Ученые, осознавая преемственную природу человеческой мысли, обосновывали длительное развитие идеи о народе как источнике и носителе верховной власти в государстве, предшествующее созданию теории народного суверенитета Ж.-Ж. Руссо.

В целом ко второй половине XIX века европейской политико-правовой наукой не было выработано единое понятие народного суверенитета, не удалось определить его юридические свойства. Нерешенными остались также вопросы реализации идеи народного суверенитета в правовом государстве, его соотношения с неотъемлемыми правами граждан, теорией разделения властей, институтами гражданского общества и местным самоуправлением.

Bibliography

1. Augustine of Hippo. *The City of God* // Collected works: in 4 vols. Moscow, 1994.
2. Aquinas F. On board sovereigns // *Political structure of feudalism in Western Europe VI–XVII centuries*. Leningrad, 1990.
3. Paduansky M. *Defender of the peace. Defensor pacis*. Moscow, 2014.
4. Chicherin B. N. *The history of political doctrines*. Moscow, 1869. Part 1.
5. Aristotle. *Metaphysics* / transl. from the Greek P. D. Pervov and V. V. Rozanov. Moscow, 2006.
6. Luther M. On the secular power. To what extent it should be obeyed // *Selected works*. St. Petersburg, 1994.
7. Munzer T. *Exposing false faith* // *Anthology*

Европейская философия от эпохи Возрождения по эпоху Просвещения. М., 1970.

8. Мюнцер Т. Защитная речь // Хрестоматия по истории средних веков / под ред. Н. П. Грацианского и С. Д. Сказкина. М., 1950. Т. 3.

9. Новгородцев П. И. Лекции по истории философии права. М., 1912.

10. Отман Ф. Франкогаллия // Антология мировой правовой мысли: в 5 т. Т. 2: Европа V–XVII веков. М., 1999.

11. Новгородцев П. И. Лекции по истории философии права. Учения Нового времени. XIX–XX века. М., 1914.

12. Ковалевский М. М. От прямого народоправства к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму. М., 1906. Т. 2.

13. Гессен В. М. Основы конституционного права. Изд. 2-е. Пг., 1918. URL: <http://constitution.garant.ru/science-work/pre-revolutionar/5148630/chapter/6/>

14. Коркунов Н. М. История философии права. СПб., 1915.

15. Градовский А. Д. Государственное право важнейших европейских держав // Собрание сочинений. СПб., 1902. Т. 5.

16. Новгородцев П. И. Конспект к лекциям по истории философии права. М., 1908.

17. Кокошкин Ф. Ф. Лекции по общему избирательному праву. М., 1912.

18. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. М., 1938. Кн. III.

gy of world philosophy: in 4 vols. Vol. 2: European philosophy from the Renaissance on the Enlightenment. Moscow, 1970.

8. Munzer T. Protective speech // Reader on the history of the middle ages / ed. by N. P. Gratsianskaya and S. D. Skazkin. Moscow, 1950. Vol. 3.

9. Novgorodtsev P. I. Lectures on the history of philosophy of law. Moscow, 1912.

10. Othman F. Frankogalliya // Anthology of world legal thought: in 5 vols. Vol. 2: Europe V–XVII centuries. Moscow, 1999.

11. Novgorodtsev P. I. Lectures on the history of philosophy of law. The doctrines of Modern times. XIX–XX centuries. Moscow, 1914.

12. Kovalevsky M. M. From direct popular sovereignty to a representative and on the patriarchal monarchy to parliamentarism. Moscow, 1906. Vol. 2.

13. Hessen V. M. Fundamentals of constitutional law. 2nd edition. Petrograd, 1918. URL: <http://constitution.garant.ru/science-work/pre-revolutionar/5148630/chapter/6/>

14. Korkunov N. M. The history of philosophy of law. St. Petersburg, 1915.

15. Gradovsky A. D. State law of major European powers // Collected works. St. Petersburg, 1902. Vol. 5.

16. Novgorodtsev P. I. Summary of the lectures on the history of philosophy of law. Moscow, 1908.

17. Kokoshkin F. F. Lectures on the general electoral law. Moscow, 1912.

18. Rousseau Zh.-Zh. The social contract. Moscow, 1938. Part III.

Москаленко Сергей Григорьевич
Moskalenko Sergey Grigorievich

доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Ростовского юридического института МВД России кандидат исторических наук, доцент.

Associate Professor, Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, PhD in History, Associate Professor.
E-mail: moskalenko1963@mail.ru

Борисова Екатерина Сергеевна
Borisova Ekaterina Sergeevna

аспирант Южного федерального университета.

Student, Southern Federal University.
Тел.: 8 (918) 562-02-06.

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
ДЕСТРУКТИВНЫМ ПОСЛЕДСТВИЯМ «ЦИФРОВОЙ» РЕВОЛЮЦИИ:
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ, ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЙ, КРЕАТИВНЫЙ
ПОТЕНЦИАЛ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ТЕХНОЛОГИИ
КОМПЬЮТЕРНОЙ АНИМАЦИИ**

**Methodological aspects of counteraction to the destructive consequences
of the «digital» revolution: pedagogical, epistemological, creative potential
of the educational technology of computer animation**

В статье анализируются возможности противодействия деструктивным воздействиям цифровой революции, рассматривается потенциал компьютерной анимации как важнейшего средства мобилизации креативных качеств личности для блокирования и преодоления ее манипуляционной зависимости от виртуальной реальности, приводящей к потенциальной угрозе заражения экстремизмом всех типов.

Ключевые слова: цифровая революция, креативные качества личности, манипуляции сознанием, экстремизм.

The article analyzes the possibility of counteracting destructive influences of the digital revolution, examines the potential of computer animation as an important means of mobilizing creative qualities of the person to block and overcome the manipulation of its dependence on «virtual reality», leading to the potential danger of infection by extremism of all types.

Keywords: digital revolution, creative qualities of the person, manipulation of consciousness, extremism.

Компьютерная анимация, используемая в процессе формирования и развития креативного личностного потенциала обучающихся, является частью проблематики переживаемой нами информационной «цифровой» революции, в корне меняющей устоявшиеся представления о важнейших педагогических, мировоззренческих, интеллектуальных, этических основаниях процесса становления личности, а также факторах опасного деструктивного влияния на него и его результатах (антиинтеллектуализм, агрессия, экстремизм в молодежной среде).

Глобальные переменны создают возможности как для позитивного «взрывного» роста личностно-ориентированного педагогического структурирования способностей человека, так и возникновения и усиления негативных угроз, блокирующих личностное понимание человека, ведущих к его растворению, деперсонализации в пространстве виртуальной реальности. Особенно актуально это для будущих сотрудников полиции, как и вообще государственных служащих. От их способности и умения адекватно ориентироваться в цифровой реальности, препятствовать личностно-

разрушительным началам, в изобилии порождаемым современной реальностью, без преувеличения, зависит само существование государства как гаранта естественных прав и свобод граждан. Польза креативного аспекта компьютерной анимации и его возможности для процесса структурирования личностных качеств обучающихся достаточно очевидны.

Спонтанное вхождение в этот новый информационный мир происходит в раннем возрасте, резко интенсифицирующееся в отрочестве. Образы компьютерной анимации становятся частью психологического мира личности, часто деструктивно блокирующей как его тренд на собственное личностное развитие, так и внешнее педагогическое воздействие. Нередко данные деструкции вызывают профессиональные деформации сотрудников ОВД, делают их непригодными к службе. При этом исследования креативной активности в новом мире образов, символов, знаков, механизмов цифровой культуры и инструментария формирования такой активности, как средства минимизирования отрицательных и максимизирования позитивных аспектов тотальной информатизации современной социокультурной реальности, практически не проводятся. В связи с этим можно и нужно эффективно ограничить стихийность погружения молодого человека в мир виртуальной реальности, создав условия для планомерной, активной и креативной его ориентации в нем (от пассивного поглощения иерархически доминирующей виртуальной реальностью через содержательное сопротивление этому до предметно-творческого овладения ей). На основе педагогического развития креативности обучающихся в процессе реализации познавательных и эстетических задач наиболее эффективно можно добиться овладения, управления виртуальной реальностью в самых разных контекстах, трансформации их из объекта в субъект управления «виртуал-лайф», замены вертикальных связей между «цифровой» и «физической» реальностями на горизонтальные, развития способности индивида к устойчивой рефлексии для самосохранения личностного ядра, формирующегося в период отрочества.

При доминировании преимущественно коммерческого, технологического либо публицистического, фрагментарно-эпизодического

осмысления компьютерной анимации как одного из важнейших воспитательно-педагогических ресурсов формирования эстетического, этического, интеллектуального уровней будущих сотрудников полиции России критическая масса теоретических и эмпирических проблем, связанных с компьютерной анимацией, только накапливается. Дескриптивных (описательных) версий проблемы «молодой человек в мире цифровой реальности» существует огромное количество, а более узких, специальных предметных разработок, в которых исследовалась бы компьютерная анимация как вариант соучастия личности в формировании нового мира, органичной для современного молодого человека сферы самореализации, креативное изменение его, привнесение в него гуманистического личностного содержания, еще не проводилось. Компьютерная анимация – это новый, возникший в ходе информационной революции материк «Америка» для исследователей, изобилующий «белыми пятнами», в числе которых следует отметить такие как:

– недостаточная база накопленных эмпирических доказательств и их теоретических интерпретаций разрушительного воздействия процесса размывания границ реальностей для личностного фундамента отрочества при полной фактологической и интуитивной очевидности: стирание границ между реальным и виртуальным может привести к сглаживанию различий между личностной самобытностью и референтными виртуальными деперсонифицированными самоидентификациями, к виртуализации основ личностного самопонимания и самомотивирования, трансформации их в виртуальный пазл;

– преобладание в потоке публикаций интуитивного, нередко бизнес-ангажированного или алармистского прочтения проблематики при остром дефиците строго академических педагогических исследований компьютерной анимации. В научной литературе пока нет должной степени ясности в том, что является адекватным, особенно креативным, средством сопротивления, активного проникновения в новую реальность и освоения ее, а также отсутствует иммунитет против манипуляционных и нивелировочных деформаций личности, ее редукции и «распыления» в опасных

виртуальных отождествлениях. Превращение компьютерной анимации из внешнего, как правило, негативного фактора форматирования ментальной сферы личности в комплиментарный процесс ориентации в новой реальности с адекватным кастингом как форм личного участия, так и самих «контактных» типов виртуальной реальности, в креативную кооперацию с педагогом, руководителем и коллегами представляется, помимо прочего, еще и увлекательной научной задачей.

Появление целостных концепций противодействия деперсонализированной манипуляции человеком средствами виртуальной реальности – это, конечно, длительный процесс, который обязательно приведет к искомому результату, но определенные шаги в частных аспектах проблематики необходимо предпринимать уже сейчас, например: создавать защитную оболочку личности, особенно если ей придется функционировать в структурах силового блока; стимулировать эстетико-творческую активность, создание педагогически выверенного основания формирования «личности-креатора», созидающего свою эстетическую реальность как артефакт, не пассивно потребляющего все, что предлагается актерами, конструирующими «виртуал-лайф», не просто существующего в кем-то разработанных системах виртуальных координат, а самого «для себя» и «для других» создающего адекватную личностным запросам версию виртуальной реальности или хотя бы ее определенную личностно значимую часть. Такое творчество – это, на наш взгляд, одна из немногих, если не единственная, неконфликтно-генная область сотрудничества педагога, и формирующихся личностей, богатая потенциями и оттенками конструктивных взаимодействий всех форм и типов, а также сфера безграничной активизации посредством включения в творческий процесс всего комплекса способностей – интеллектуальных, волевых, эмоциональных, коммуникативных.

Существует масса работ о компьютерном виртуальном мире как таковом, но креативный потенциал компьютерной анимации не выступал ни в качестве исследования, ни в аспекте личностно-ориентированной педагогики как средство противодействия деструктивным проявлениям «цифровой» революции.

Практические педагогические возможности учебных курсов по развитию эстетико-креативных способностей личности также пока недооценены исследователями. Безусловно, новым шагом является изучение возможностей краткосрочных курсов для быстрого (5–6 мес.) решения задач, продуктивного выявления, интерпретирования через эстетический компонент степени личностной рефлексии, личностного самопонимания, самооценки, волевого самоориентирования для «мягкой» мировоззренческо-воспитательной коррекции с позиций гуманистических ценностей, используемых для усиления эффекта педагогического процесса в эстетическом деятельностном контексте, а также решения сопутных задач выявления и опытного закрепления средств этического наполнения личностного креативного акта. Особого внимания заслуживает педагогическая эффективность, которой обладает процесс создания артефактов компьютерной анимации для всех его участников. Для выявления и адекватного исследования педагогической эффективности креативного процесса, в ходе которого осуществляется преобразование человека – потребителя артефактов виртуальной среды в человека – созидателя собственных артефактов, необходимо следующее:

– развитие творческих способностей обучающихся, протекающее во время прохождения ими курса компьютерной анимации, коррелирующего с проблемой сосуществования реальности и виртуальности в творческом создании артефактов компьютерной анимации (далее – АКА);

– обладание навыками корректного выстраивания адекватной иерархии либо кооперации этих областей в контексте творческих усилий личности в сфере принципиальных теоретических основ понимания ее природы и практической деятельности в новых обстоятельствах информационной революции, в рамках которой нужно найти средства позитивной личностной сублимации в новой реальности;

– готовность всех акторов выступать не в иерархической, а во многом в новой для них кооперационной роли «соавторов» и «коллег» в процессе создания артефактов АКА на разных его фазах, если это необходимо;

– умение педагога выступать в качестве не только наставника, источника профессиональных советов и организатора творческого процесса (классическая роль педагога-ментора), но и «первого среди равных» в интегративном креативном акте [2, с. 5–18], то есть в инновационной роли «медиатора», интегрирующего средства педагогического стимулирования творческого развития обучающегося с усилиями его коллег в процессе создания артефактов компьютерной анимации;

– способность всех участников процесса создания артефактов АКА адекватно соотносить значимость творческого процесса с его результатом, признавать первичность и доминирование творческого аспекта и вторичность, подчиненный характер педагогического, уметь выстраивать творческий процесс согласно образовательным целям, воспринимать их как главные задачи.

Формирование творческих способностей личности в контексте возможностей компьютерной анимации, выступающей средством ее развития, может быть рассмотрено в интеллектуальном, аксиологическом, педагогическом аспектах в качестве актуальной области специальных исследований сферы интерактивного взаимодействия обучающихся с преподавателем, друг с другом при реализации технико-эстетических задач создания авторских артефактов компьютерной анимации.

Именно в области компьютерной анимации, создающей дополнительные возможности для усиления эффективности педагогического обеспечения интегративного сотрудничества в системе креативных актов всех акторов учебно-воспитательного процесса, находится широкая палитра игровых и интерактивных методов, акцентированных на личностном и неповторимом в эстетическом и этическом противостоянии манипуляционной деперсонализации через самовыражение, а также на креативной интеграции всех участников образовательного процесса, придании ему подлинно интерактивного и трансакционного характера.

Методологические основы исследования возможностей компьютерной анимации будут адекватными только при использовании син-

тетического подхода в изучении методологических ресурсов неклассической и постклассической науки. Принцип системности предполагает рассмотрение процесса развития креативных способностей в ходе занятий на краткосрочных курсах компьютерной анимации с точки зрения его целостных характеристик. С позиции аксеологического подхода личность каждого обучающегося рассматривается как несомненная ценность, при этом сохранение ядра и гармоничное ее развитие, а также усиление гуманистического нравственного ее начала являются одними из центральных задач данного исследования. Также следует отметить важную роль онтологического подхода, позволяющего уделять должное внимание изучению того, что будет происходить с обучающимися в процессе обучения на краткосрочных курсах компьютерной анимации, как они отразятся на их интеллектуальных способностях, творческой активности и так далее, а также учения об этике: взаимодействия педагога с учениками в ходе обучения, создание необходимых условий для установления позитивного контакта и благоприятной атмосферы на занятиях, толерантность преподавателя по отношению к своим ученикам.

Специфика целей и задач проблематики компьютерной анимации, которая может стать при комплексном использовании одним из важнейших средств борьбы с деструктивным воздействием на сознание и поведение молодых людей виртуальной сферы в широком диапазоне – от коммерческой до политико-экстремистской манипуляции, предопределяет особое значение следующих методологических подходов:

– акцентированное предпочтение не универсальных схем номологическо-дедуктивного типа, высшую цель исследования усматривающих в подведении частных случаев под универсальные шаблоны, а характерную для неклассической герменевтико-идеографической методологии Ф. Шлейермахера, В. Виндельбанда, Г. Риккерта, В. Дильтея интерпретацию феномена понимания как генерирования новых смыслов через реконструкцию предварительно установленного автором смысла текста. Артефакты компьютерной анимации методологически плодотворно воспри-

нимаются именно как текстовый феномен, креативная аудиовизуальная манифестация смыслов, знаков, обертонов, дешифровка которых в процессе изготовления артефакта и на стадии завершения его креативного созидания позволяет глубже понять «человека-креатора» и его артефакт как текстовый месседж.

Несмотря на то, что в цели исследования входит мир компьютера, цифровой реальности, требующий, казалось бы, номотетических описаний и объяснений, математической верификации, доминирование личности обучающегося как объекта интегративного преобразования в креативном процессе создания АКА заставляет обратить внимание на ресурсы персоналистической методологии М. Вебера, У. Дрея, Г.-Ф. Вригта, представляющие собой интерпретационные мотивационно-телеологические трактовки феномена понимания, в высшей степени полезные для исследования креативных процессов с личностной субъектностью: признание свободной творческой воли человека, индетерминизма его креативных значимых действий, акцент не на трактовках явлений как частных случаях общего закона, а на уникальности и неповторимости фактов личностной самореализации, мотивах и целях, объясняющих коллективное, в том числе и креативное, действие (Х.-Г. Гадамер). Особенно методологически актуально то обстоятельство, что акт создания артефактов компьютерной анимации гипотетически постулируется нами как коллективный, интегрирующий усилия акт, который преимущественно интересует не типичное на его разных этапах, а уникальное и личностно-неповторимое. В объекте исследования просматривается комплекс усилий педагога-руководите-

ля, формирующего опорные точки творческой ситуации, пункты креативного маршрута и последовательность их прохождения. Здесь каждый этап ситуации и каждая ситуация уникальны (так как речь идет о творческих задачах): они дают неповторимый узор мотивов и целей. Именно поэтому научная парадигма исследования включает в себя главный и специфический ресурсы неклассической науки: аксиологическую установку на личностный компонент и субъект-субъектные отношения, фокусирующие исследовательское внимание на ценностном отношении к субъекту педагогического процесса, а также последовательной и комплексной разработке телеологической антропоцентричности и связанной с ней горизонтальной интегративной кооперации любой системной образовательной ситуации в постнеклассической науке.

Помимо «понимающей» неклассической методологии М. Вебера и Ф. Шлейермахера, методологической ценностью нашего исследования обладают концептуальные подходы Г.-Х. Гадамера и М. Хайдеггера, разработавших онтологическую трактовку понимания акта творческой встречи между «моим» и «иным», интерпретатора и интерпретируемого. Творческому взаимодействию акторов-субъектов в ходе создания артефактов компьютерной анимации в огромной степени методологически содействует интерпретация М. Хайдеггера понимания как способа бытия, но не знания, возможная только в «жизненном мире». Наиболее эффективным вариантом взаимодействия индивидов по концентрации и времени протекания контакта является креативный процесс, что создает дополнительные ресурсы для понимания личности творящего педагогом в «креативном мире».

Литература

1. Айзексон У. Инноваторы. Как несколько гениев, хакеров и гиков совершили цифровую революцию? М., 2015.
2. Бондаревская Е. В. Проблемное поле современных образовательных технологий // Уровневое образование как пространство профессионально-личностного становления выпускника вуза. Ростов н/Д, 2010.

Bibliography

1. Aisecson U. Innovators. How a group of geniuses, hackers and geeks created the digital revolution? Moscow, 2015.
2. Bondarevskaya E. V. Problem field of modern educational technologies // Level education as a space professional-personal formation of the graduates. Rostov-on-Don, 2010.
3. Kapranova M. Macromedia Flash MX. Com-

3. Капранова М. Macromedia Flash MX. Компьютерная графика и анимация. М., 2010.

4. Маров М. 3ds max. Реальная анимация и виртуальная реальность. СПб., 2005.

5. Плютто П. А. Исследование реальности социокультурного виртуального. Опыт анализа социокультурных иллюзий. М., 2014.

6. Петренко М. А. Теория педагогической интеракции: монография. Ростов н/Д, 2009.

7. Таратута Е. Е. Философия виртуальной реальности. М., 2007.

8. Шапиро Д. И. Виртуальная реальность и проблемы нейрокомпьютинга. М., 2008.

9. Федоренко Е., Рычкова М. Профилактика экстремистского поведения ресурсами образования. М., 2012.

puter graphics and animation. St. Petersburg, 2010.

4. Marov M. 3ds max. The real animation and virtual reality. St. Petersburg, 2005.

5. Plyutto P. A. Study of socio-cultural reality of the virtual. Experience in the analysis of social and cultural illusions. Moscow, 2014.

6. Petrenko M. A. Theory of teaching interaction: monograph. Rostov-on-Don, 2009.

7. Taratuta E. E. Philosophy of virtual reality. Moscow, 2007.

8. Shapiro D. I. Virtual Reality and Challenges neurocomputing. Moscow, 2008.

9. Fedorenko E., Rychkova M. Prevention of extremist behavior through education resources. Moscow, 2012.

Назарова Вероника Сергеевна
Nazarova Veronica Sergeevna

старший преподаватель кафедры теории права Института управления в экономических, экологических и социальных системах Южного федерального университета.

Senior Lecturer, Department of Law Theory, Institute of Management in Economic, Ecological and Social Systems, Southern Federal University.

Тел: 8 (8634) 371-652.

**СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ
ПРАВА В КОНТЕКСТЕ КОММУНИКАТИВНОЙ ПАРАДИГМЫ
МАРТИНА ВАН ХУКА**

**Modern methodological approaches to the study of law in the context
of the communicative paradigm of Martin van Hook**

В статье рассматривается коммуникативный подход к изучению эпистемологических возможностей права в современных правовых концепциях на примере коммуникативной модели Марка ван Хука. Исследуется значение коммуникативной природы права и правового дискурса, анализируется новое понимание правовой системы, легитимации права, основанной на плюралистическом коммуникативном подходе.

Ключевые слова: методология и эпистемология права, междисциплинарные исследования и практики, современная философия права, типы правового понимания, способы обоснования права, плюралистическая и коммуникативная природа права.

In the article communicative approach towards the legal studies as one of the key methodological concepts in modern legal philosophy revealed on the example of communicative model by Marc van Hoek. The essence of the communicative origin of law and peculiarities of legal discourse are analyzed, a kind of special attention is given to the new understanding of legitimation based upon the communicative approach to legal studies.

Keywords: methodology and epistemology of law, interdisciplinary studies and practices, modern philosophy and types of legal understanding, means of legal foundations, pluralism and communicative origin of law.

Эпистемология представляет собой особый раздел философии, который дает возможность не только описать стратегии познающего субъекта, но и воспользоваться характерным для своего времени методологическим инструментарием. Эпистемология права предлагает определенные способы познания, целью которых является изучение социальной реальности, а методология права, в свою очередь, предоставляет исследователю набор средств, необходимых для достижения поставленной цели. Таким образом, эпистемология гуманитарного знания и методология права, тесно взаимодействуя друг с другом, формируют стратегии, направленные на адекватное осмысление социальной и правовой реальности. Эпистемологические стратегии в праве во многом отражают характерные особенности развития гуманитарной науки, выполняя инструментальную функцию в познании. Они

подвержены серьезному влиянию социально-правовой и философско-правовой реальности. С точки зрения методологии это означает, что благодаря воздействию господствующих в данный момент философских концепций в праве доминируют уже сложившиеся исследовательские позиции, принятые как векторы развития, методологические образцы.

Методы познания, которые используются в различных науках, имеют сложную объективно-субъективную природу. Они объективны, поскольку зависят в первую очередь от предмета исследования, мировоззрения, сложившегося в обществе, качества и уровня накопленных знаний. Но в то же время они субъективны, поскольку их выбирает познающий субъект, руководствуясь, прежде всего, личными предпочтениями. Так, в теории государства и права методологические установки исследователей, ориентированных на различные

типы правопонимания, существенно различаются: предпочтение может отдаваться метафизическим методам либо методам формально-логического или социологического анализа. Также следует помнить о том, что субъект только относительно свободен в выборе метода познания. Чаще всего и предмет, и метод познания в определенной степени уже заданы «научной обстановкой» эпохи, «интеллектуальной модой» конкретного общества и научной стратегией направления (школы), к которой принадлежит исследователь. Но в любом случае выбор научной школы обусловлен субъективно-личностными установками ученого.

В теории права принято различать классические и постклассические стратегии в познании. Классические разделяются на позитивистские и естественно-правовые. Основным их отличием является противопоставление умозрительного и эмпирического опыта, объекта и субъекта, бытия и сознания. Постклассические стратегии, напротив, опираются на интересубъективные парадигмы, прежде всего коммуникативные. Они преодолевают недостатки моносубъектного анализа, а также признают язык в качестве подлинной правовой реальности.

Следуя картезианской логике, со временем требуется подвергать сомнению информацию, принятую на веру. Доказательность как главная характеристика способа производства нового знания отделяет научное знание от ненаучного [1, с. 38–39]. По мнению Декарта, между исследовательскими данными и желанием объяснить предмет лежит методологическая дистанция, которую субъект стремится преодолеть. Однако новые сведения о предмете исследования, в свою очередь, требуют проверки и оправдания. При этом следует помнить о том, что гуманитарный факт, в отличие от математического или физического, всегда является «методологически нагруженным», так как отражает субъективный взгляд своего исследователя и обуславливает необходимость учета тех обстоятельств, в которых он был принят (воспринят).

Методология права неизбежно следует за этими эпистемологическими изменениями. Господствовавшие в советском правоведении позитивистские теории (в том числе марксистская) пытаются адаптировать свой устарев-

вающий инструментарий и самодовлеющие методологические установки к радикально изменившейся правовой реальности.

Между тем современные постклассические стратегии познания исходят из того, что правовая реальность имеет сложную структуру и воплощается в трех формах: идее права, правовых нормах (знаковых формах), социально-правовом взаимодействии между субъектами. Если для позитивистских концепций правовая реальность представляет собой только объект целенаправленного воздействия, то современные эпистемы исходят из предположения о наличии у нее собственной самостоятельной конструкции.

Наиболее характерным примером такого подхода к исследованию правовой реальности является коммуникативная теория права Марка ван Хука, представляющая собой одну из современных интересубъективных моделей познания права. Центральным понятием этой теории выступает коммуникация.

Как представляется, анализ правовых феноменов в полисемичных (многозначных) терминах коммуникации имеет несколько преимуществ. Во-первых, право рассматривается здесь как средство человеческого взаимодействия, некий абстрактный теоретикообразующий принцип, зависящий от выбора методологии исследования и главенствующих в данный момент правовых теорий. Во-вторых, стратегия познания в коммуникативной теории права М. ван Хука носит открытый характер и исходит из необходимости свободного обмена мнениями. Наконец, коммуникативная теория представляет собой альтернативу принятому картезианскому принципу рационального объяснения, плодотворному, но, к сожалению, не дающему исчерпывающих ответов на вопросы, которые возникают сегодня в методологии права.

Отмеченная выше безусловная открытость коммуникативной теории призвана заменить известную одномерность классических стратегий познания права. Коммуникативная теория права М. ван Хука детально исследует недостатки традиционных методологических стратегий, рациональных и эмпирических, показывая, что коммуникация дает возможность объективировать такое современное явление в праве, как мягкое, наднациональное и плюралистическое видение. Формы неофици-

---

ального права все больше признаются современной юриспруденцией.

По мнению М. ван Хука, «юридическое мышление коммуникативно. Оно построено и осуществляется посредством непрерывной коммуникации разных акторов правового поля». На основе своей теории автор выстраивает систему, состоящую из следующих методологических допущений. Прежде всего, коммуникация предполагает наличие трехстороннего логического взаимодействия «отправитель – высказывание – адресат». Знак, который является лингвистическим высказыванием, содержит определенный смысл. В отношении правовой нормы под смыслом понимается «воля законодателя». Смысл при этом разделяется на первичный – «спонтанное языковое значение как результат бессознательного толкования» и вторичный, методологически обусловленный, основанный на определенной стратегии познающего субъекта. Для распознавания «смысла знака» в теории коммуникации необходима интерпретационная способность, или «культурная грамотность» [2, с. 174–175].

Вместе с тем в коммуникативной теории права знак или термин является отправной точкой распознавания смысла. При этом следует учитывать обстоятельства интерпретации знака. Современная парадигма познания и толкования права и правового текста основана на различных методологических возможностях. Правовой текст всегда находится между тем, кто создает законы, и теми, кто их применяет. Но, возвращаясь к смысловому треугольнику, который выстраивает М. ван Хук, можно отметить интерпретационное несоответствие между двумя акторами. Отсюда логично предположить существование различных методов толкования знака, наделенного правовым смыслом.

Автор коммуникативной теории права сводит все разнообразие методов к шести основным. Пять из них – грамматический, логический, оценочный (подразумевающий намерение законодателя), исторический и телеологический – известны из классической методологии права и не нуждаются в подробных объяснениях. Что же касается последнего метода толкования, то на нем следует остановиться подробнее. М. ван Хук определял его следующим образом: «Если ясный по содержанию закон не нуждается в толковании, то получа-

тель под воздействием бессознательных процессов приписывает “первоначальный” смысл. В таком случае интерпретатор не использует какой-то особый метод, полагаясь на первичные смыслы содержания текста» [2]. Таким образом, ученый исходит из предположения, что истинный смысл права и, как следствие, ясность намерений законодателя могут быть определены только в процессе коммуникации между субъектами, выстроенной на основе понятных всем субъектам первичных смыслах, или правовых знаков.

Кроме того, в коммуникативной теории М. ван Хука придается особая значимость принятию аргументации в правовой деятельности. Так, на страницах зарубежной юридической литературы (в частности, английской и американской) развернулась полемика о необходимости учета целей и намерений законодателя в процессе интерпретации, то есть важности телеологического толкования. Как известно, интерпретация имеет определяющее значение в англо-американской правовой системе. Судья зачастую принимает решения, опираясь не только на закон, но и на собственную аргументированную точку зрения. Примерами являются знаковые решения, которые затем приобретают обязательный характер для других подобных прецедентов. Широко известно «правило против смуты», сформулированное баронами Суда казначейства в 1584 году по делу Хейдона, посвященному спору об аренде. Рассматривая статут как средство восполнения пробелов или преодоления других дефектов общего права, оно говорит о том, что судьи обязаны толковать статуты в соответствии с истинными целями и намерениями законодателя. При этом предполагается, что статуты призваны служить общественному благу [3, с. 126].

Исходя из этого можно выделить три формальных требования, которыми, по мнению М. ван Хука, должен руководствоваться суд в процессе толкования закона. Во-первых, интерпретирующий должен рассматривать закон в как можно более широком контексте (ему нужно принимать во внимание контекст как отправителя, так и получателя). Во-вторых, когда контекст получателя релевантен во всех отношениях, содержание закона необходимо определять в соответствии с диалектическим взаимодействием между смыслом от-

правителя и смыслом получателя. Наконец, интерпретирующий должен всегда принимать во внимание социальную цель, содержащуюся в законе.

Законодатель и суды являются главными акторами в определении юридических правил, но правовая доктрина как «метатеория» играет в этом процессе решающую роль. Под ее влиянием формируется правовая реальность соответствующей системы. В то же время в ней могут происходить изменения, отражающиеся на действующем праве. Примером публичных коммуникативных правоотношений может быть конституционная юстиция, которая под влиянием международных норм меняет свою доктрину, иногда практически полностью.

Так, главной функцией Конституционного суда Франции после реформы 2008 года стала не контролирующая, а взаимодополняющая судебную систему этого государства. Специфика ее заключалась в особых полномочиях Конституционного совета, использующего принципы так называемого рационализованного парламентаризма. «В соответствии с новой процедурой контроля конституционности законов, получившей название “приоритетный вопрос о конституционности” (*La question prioritaire de constitutionnalité*), стороны судебного процесса получили право выдвигать в суде довод о несоответствии применяемого закона Конституции и требовать передачи дела в Конституционный совет для его проверки. Таким образом, впервые во Франции введено право индивидуального обращения в Конституционный совет и институт последующего контроля (*a posteriori*)» [4, с. 25–26].

В российском праве также имеет место толкование Конституционным судом РФ принятых судебных решений как один из способов осуществления конституционного контроля. Так, Конституционный суд РФ признал источником права решения Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ), а также Европейской конвенции по правам человека и важнейшие решения ЕСПЧ, имеющие прецедентное значение. Кроме того, Конституционный суд РФ занимается решением вопросов, связанных с проблемами преодоления пробелов в праве, например, применением смертной казни [5].

Таким образом, в перспективе коммуникативного видения правовой парадигмы основ-

ные субъекты права – законодательные органы и суд приобретут совершенно иную плюралистическую природу, основанную на применении новых возможностей интерпретации правового знания. «Правовые системы, где преобладает культура плюрализма мнений, более расположены к широким дискуссиям и коммуникации на юридические темы, и, следовательно, их развитию нужно способствовать» [2, с. 272].

Анализ основных положений коммуникативной теории права М. ван Хука позволяет сделать следующие наблюдения. Коммуникативное действие, в отличие от стратегического, типичного для позитивистских моделей интерпретаций права, характеризует более открытую правовую систему, где действует взаимная ответственность, а также признание закона надындивидуальным. Все субъекты задействованы не только в «определении точного содержания права, но и его легитимации» [2, с. 273].

Взаимная ответственность предполагает, что адресат, на которого направлено правовое действие, может быть любым, а само действие – опосредовано согласованным коммуникативным действием. Право в этом случае определяет модус развития, формирует основные поведенческие модели, но, в отличие от позитивизма, не имеет господствующей функции в социальной системе. Коммуникативная парадигма правового развития благодаря своей открытости может обуславливать появление новых видов взаимодействия на всех уровнях, в том числе в частном праве.

Что касается последнего, то конвенция является несомненным проявлением процесса расширения сферы взаимного правового общения, попадающего в сферу регулирования частного права. Характерным примером частного правового регулирования коммерческих отношений по вопросам поставок, иллюстрирующим коммуникативную теорию применительно к сфере частного права, являются правила толкования международных торговых терминов «Инкотермс – 2015».

Конечно, условия для идеальной коммуникации, как справедливо отмечает сам М. ван Хук, недостижимы на практике, но некоторые ее элементы выполнимы и вполне могут быть востребованы. Современная коммуникативная парадигма вынуждена вырабатывать об-

щие принципы, основываясь на индивидуальной свободе и справедливости, которые могут расходиться с общепринятыми принципами, воплощенными в правовых нормах. «В результате исторического и телеологического толкования конструируется некая новая “объективная воля” законодателя» [2, с. 209].

Несмотря на попытки подвести основные принципы права под некоторые «хартовские первичные правила», судьи интерпретируют свои решения в соответствии с собственным пониманием справедливости, которое может противоречить общим принципам. Пробелы в частном и публичном праве приводят к тому, что его субъекты в лице законодательных или судебных органов при принятии решений могут использовать корректные принципы. Корректная информация и аргументация, улучшение сфер коммуникации и аргументации, а также коммуникативная мотивировка судебных вердиктов, а значит, взаимного понимания субъектов права – вот те ключевые сферы, в которых, по мнению М. ван Хука, может быть практически применена его коммуникативная теория [2, с. 278].

Литература

1. Перлов А. В. История науки: введение в методологию гуманитарного знания: курс лекций. М., 2007.
2. Хук ван М. Право как коммуникация / пер. с англ. М. В. Антонова и А. В. Полякова. СПб., 2012.
3. Левина М. И. Парламентское право Великобритании XVII – начала XIX века. М., 2000.
4. Антонов А. В. Реформа Конституционного совета во Франции // Журнал конституционного правосудия. 2011. № 2.
5. Определение Конституционного суда РФ от 19.11.2009 № 1344-ОП. URL: [http:// consultant.ru/document/cons_doc_LAW_94045/](http://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_94045/)
6. Sandel M. Liberalism and the limits of justice. Cambridge, 1998.

Демократические механизмы, благодаря которым судебные решения могли бы стать более обсуждаемы, могут дополнить формирование основных правовых принципов и создавать больше возможностей для совместного их обсуждения не только в рамках узкого круга профессионального сообщества. «Если в политике все хорошо, то мы можем узнать об этом только сообща, а не поодиночке» [6, с. 183].

Кроме того, в современной правовой культуре важна не только достоверная аргументация, но и вовлечение граждан в правовое и коммуникативное пространство, а также способность признания ими правовых норм не только как обязывающих действий, но и осознанных норм поведения. Именно это является обязательным основанием и главной целью коммуникативной теории. Ключевое понятие легитимации, благодаря которому возможно существование коммуникативного правового пространства, и есть, согласно М. ван Хуку, социальный конструктор, в котором должны участвовать все субъекты права на равных условиях.

Bibliography

1. Perlov A. V. History of science: an introduction to the methodology of humanities: a study course. Moscow, 2007.
2. Hoek van M. Law as a communication / transl. from the English M. V. Antonov and A. V. Pobya-kov. St. Petersburg, 2012.
3. Levina M. I. The parliamentary law of England of XVII – early XIX century. Moscow, 2000.
4. Antonova A. V. The reform of the Constitutional Court in France // Journal of constitutional justice. 2011. № 2.
5. Decision of the Constitutional Court of Russian Federation 19.11. 2009 № 1344-OP. URL: [http:// consultant.ru/document/cons_doc_LAW_94045/](http://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_94045/)
6. Sandel M. Liberalism and the limits of justice. Cambridge, 1998.

Казачанская Елена Александровна
Kazachanskaya Elena Aleksandrovna

доцент кафедры теории и истории государства и права Южного федерального университета
кандидат юридических наук, доцент.

Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law, Southern Federal University,
PhD in Law, Associate Professor.
Тел.: 8 (903) 401-87-65.

КАНОНИЧЕСКОЕ ПРАВО И ОСОБЕННОСТИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ БРАКА В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ В ПЕРИОД СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Canonical law and peculiarities of marriage in Western Europe during the Middle Ages

Статья посвящена анализу средневековых норм римского, канонического и церковного права, определявших порядок и условия заключения брака в Западной Европе. Автор дает оценку юридическому значению попыток церкви повлиять на процесс заключения брака, при этом отмечает, что они носили характер нравственных требований, наставлений и указаний и достаточно продолжительное время не находили поддержки на государственном уровне.

Ключевые слова: брачно-семейное право, юридические обычаи, римское право, каноническое право, церковное право, брак, рецепция римского права, морально-нравственные основания права, правовые семейные ценности.

The article analyzes the existing in the middle ages the rules the Roman, canonical and ecclesiastical law defining an order and conditions of marriage in Western Europe. The author gives an assessment of legal value of attempts of church to influence marriage process, notes that these attempts did not go were in the nature of moral demands, exhortations and instructions, and for quite a long time they were not supported at the state level.

Keywords: matrimonial law, legal customs, Roman law, Canon law, ecclesiastical law, marriage, reception of Roman law, moral foundations of law, legal family values.

В середине XIX века в Западной Европе возникает интерес к брачно-семейному праву, что связано с началом процесса реформирования существовавших юридических институтов. Христианская церковь, вобрав в себя юридические обычаи германских народов, выработала каноническое право, которое функционировало на основе принципов римского права. Таким образом, можно говорить о том, что каноническое право берет свое начало в римском праве. Основными составляющими заключения брака, в соответствии с нормами римского права, являются обручение и регистрация брака по закону страны [5, с. 7].

Так, обручение, которое представляет собой основание брачного союза, в большей степени является обычаем, а не требованием закона. Несмотря на то, что обручению придавалось немаловажное значение в римском праве, обручение и брак оставались не тождественными понятиями, поскольку об-

ручение не являлось составляющей брачного договора, а представляло собой согласие, которое давали друг другу жених и невеста, не имеющее юридической силы. Если принять во внимание, что брак заключался посредством вступления в «фактическое жизненное общение», то юридическое различие между браком и обручением состояло в том, что брак, по римскому праву, определяется как *consensus purtialis*, а не *consensus sponsalitiis*.

Так, по «словопроизводству отца Западной церкви, христианского писателя VII века св. Исидора Севильского, *nuptae* (замужняя) называются так потому, что они закрывают свои лица...» [5, с. 12]. Согласно традициям древних римлян брак считался заключенным после того, как невеста, покрытая красным шерстяным платком, передавалась жениху. Еще в IV веке христианский писатель Амвросий Миланский упоминал о покрове невесты как составной части брачно-церковного таинства [2, с. 321].

Заметим, что римское право в отношении заключения брака являлось обязательным для христиан – подданных Римской империи. При этом церковь предпринимала попытки внедрения своих взглядов и требований в процесс заключения брака. Однако достаточно продолжительное время они не поддерживались на государственном уровне, поскольку сводились к стремлению церкви связать заключение брака с церковным благословением и сохранением того значения обручения, которое придавалось ему ранее.

Так, по свидетельству церковного писателя св. Игнатия Антиохийского, древняя церковь принимала непосредственное участие в брачно-семейных отношениях христиан. Во-первых, христианин должен был сообщать епископу о своем намерении вступить в брак и надеялся получить одобрение церкви. Так появляется обычай обручения с благословением в присутствии духовного лица. Во-вторых, новобрачные являлись в храм на богослужение и приносили жертвенные дары Богу. Таким образом формировалась традиция совершения брачной литургии с благословением жениха и невесты. Очевидно, что таким способом церковь связывала религиозные богослужбные действия – молитва и благословение с обручением и вступлением в брак [4, с. 389]. Во время церемонии обручения жених вручал невесте кольцо с благословения священника. Передача кольца – древний римский символический обычай. Римляне носили кольцо на четвертом пальце левой руки, так как считалось, что он связан напрямую с сердцем. Обряд заключения брака предусматривал прикрытие невесты и возложение венцов на головы брачующихся. Так церковь стремилась укрепить брачные обещания, которые давались при обручении, и перенести нравственную составляющую в юридическую плоскость. Здесь можно отметить влияние ветхозаветного брачного права, в соответствии с нормами которого брачный союз считался заключенным уже после обручения. Доказательством тому служит положение о том, что невесту, уличенную в связи с посторонним мужчиной, ожидало такое же наказание, как и за совершенные прелюбодеяния. Ветхозаветный взгляд на

обручение показан в Евангелии от Матфея, когда ангел говорит Иосифу: «Не бойся принять Марию, жену твою» [1, с. 1011–1012].

Свидетельством того, что церковь относилась к обручению серьезнее, чем римское право, служат брачно-семейные отношения греков. Определяя брачное правоотношение через нормы церковного права, можно сделать вывод о том, что основой брака является обручение, при этом «полный, совершенный брак существует лишь с момента плотского соединения супругов... Только с этого момента супруги становятся одной плотью и брак их становится полным и совершенным» [5, с. 14].

Оценивая юридическое значение церковных богослужбных действий при заключении брака, следует отметить, что в период раннего средневековья римское право не ограничивало влияние церкви на брачно-семейные отношения. При этом церковного заключения брака не существовало, поскольку римское право не считало церковные действия юридически необходимыми для заключения брака. Римская юридическая практика допускала обручение, на которое давала благословение церковь, но оно рассматривалось не как заключение брака, а как обещание сделать это. И если новобрачные являлись на литургию и получали благословение, это происходило уже после заключения брака. Таким образом, действия церкви не имели каких-либо юридических последствий.

Эпоха канонического права начинается с истории Западной церкви, с Грациана, болонского монаха, которого называют отцом науки католического права. В своем знаменитом декрете он говорит о том, что тайные браки должны получить юридическую силу, различает начатое супружество и супружество завершенное, в основе которого лежит согласование юридических принципов.

Французская же церковь (галликанская) проводила жесткий принцип нерасторжимости любого брака и по этой причине отрицала существование так называемого начатого брака, в отношении которого сохранялась возможность расторжения. Здесь действовал принцип «расторжимо может быть только такое отношение, которое не является браком», то есть

договоренность может быть расторгнута в одностороннем порядке по желанию одного из обрученных. При этом договоры, которые заключаются посредством произнесения словесной формулы, нерасторжимы.

С XII века каноническое учение стало общим для италийской и галликанской теорий. Оно нашло свое выражение в каноническом праве католической церкви, став своеобразным компромиссом между итало-римским и галликанским учениями. Принцип, включенный в каноническое право, означал, что не всякое обручение имеет брачные последствия [3, с. 123].

Нельзя не сказать и о том, что рецепция римского брачно-семейного права способствовала расширению самостоятельности церкви и ее прав в этой области. Так, законодательство государств, основанных германцами, предписывало определенную форму заключения брака как основное условие его законности. Церковь при этом не возражала против действительности браков, которые были заключены с соблюдением необходимых формальностей, но в то же время признавала браки, которые с точки зрения законов считались недействительными. Так возникло деление браков на церковно действительные и государственно законные – *matrimonia rata* и *matrimonia legitima*.

К концу XII века в Европе фактически установился канонический порядок заключения браков, который позднее утвердил Тридентский собор [6, с. 202], хотя в этот период Папа Александр III и признавал действительным гражданское заключение брака у нотариуса наравне с заключением брака по церковным канонам, чего Тридентский собор не допускал. Следует отметить, что Римско-католиче-

ская церковь не считала себя вправе связывать заключение брака с формальностями, о которых не упоминается в Новом Завете. Свободное заключение брака, не обремененное какими-либо предписаниями, как основной принцип канонического права дало церкви возможность стать выше светского законодательства Западной Европы. Каноническое право признает христианский брак таинством, и по этой причине нельзя ставить существование обрядов в зависимость от различных условностей, которые не всегда совпадали с требованиями законов (например, вестготские или бургундские законы). Благословение же в средние века можно было отнести к формальностям, соблюдение которых в первую очередь требовали светские законы, нежели церковные нормы.

В судебной практике поздних средних веков встречаются интересные случаи «конкуренции» между тайным и публичным заключением брака. Так, в случае, если тайное заключение брака могло быть доказано, последующее публичное заключение брака признавалось ничтожным. Если же невозможно было доказать, что тайный брак состоялся, то публичное заключение брака обретало юридическую силу. Доказанным считалось тайное заключение брака, которое подтверждали в суде обе стороны.

В заключение отметим, что каноническое право на протяжении средних веков в отношении заключения брака фактически воспроизводило нормы германского права, согласно которому обручение приравнивалось к заключению брачного союза, в отличие от римского, где обручение означало лишь подготовку к нему.

Литература

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М., 2008.
2. Дюплен Л. История древней церкви. М., 1914. Т. 2.
3. Капустин М. Очерки истории права в Западной Европе. М., 1866.
4. Послания Игнатия Богоносца // Памятники древней христианской письменности. М., 1860. Т. 2.

Bibliography

1. The Bible. The Holy Scriptures of the Old and New Testament. Moscow, 2008.
2. Duchesne L. History of the ancient Church. Moscow, 1914. Vol. 2.
3. Kapustin M. Essays on the history of law in Western Europe. Moscow, 1866.
4. The Epistles of Ignatius of Antioch // Monuments of ancient Christian literature. Moscow, 1860. Vol. 2.

---

5. Суворов Н. Заключение брака в Западной Европе в средние века // Юридический вестник. Издание Московского юридического общества. М., 1888. Т. XXVII. Кн. 1.

6. Филиппсон М. Религиозная контрреволюция в XVI веке. Тридентский собор. М., 2011.

7. Овчинников А. И., Гасанова З. Г., Фатхи В. И. Образ самодержавия и государственно-правовые идеалы в период Древнерусского государства // Философия права. 2016. № 4 (77).

8. Овчинников А. И. Духовный смысл права в юридической герменевтике // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2014. № 6 (317).

5. Suvorov N. Marriage in Western Europe in the middle ages // Legal bulletin. Publication of the Moscow law society. Moscow, 1888. Vol. XXVII. Book 1.

6. Philippson M. Religious counter-revolution in the XVI century Council of Trent. Moscow, 2011.

7. Ovchinnikov A. I., Hasanova Z. G., Fathi V. I. Image samoderzhavie and state-legal ideals in the period gromareskog states // Philosophy of law. 2016. № 4 (77).

8. Ovchinnikov A. I. Spiritual meaning of the law in legal hermeneutics // News of higher educational institutions. Jurisprudence. 2014. № 6 (317).

Оленич Тамара Станиславовна
Olenich Tamara Stanislavovna

профессор кафедры православной культуры и теологии Донского государственного технического университета доктор философских наук, профессор.

Professor, Department of Orthodox Culture and Theology, Don State Technical University, Doctor of Philosophy, Professor.

E-mail: tamara1970@inbox.ru

Свистунов Виктор Васильевич
Svistunov Victor Vasilevich

аспирант Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета.

Postgraduate Student, Institute of Philosophy and Socio-Political Sciences, Southern Federal University.

E-mail: victors1401@gmail.com

**К ПРОБЛЕМЕ КУЛЬТУРНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ
ВОПРОСОВ ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ:
СВОЕВРЕМЕННОСТЬ, ПЕРСПЕКТИВЫ, РИСКИ**

**To the problem of cultural transformation of issues of spiritual security:
timeliness, prospects, risks**

В статье рассматривается проблема духовной безопасности в контексте культуры постмодерна, характеризуется значение этой категории для современного человека. Авторами предпринята попытка провести сравнительный анализ категории «духовная безопасность» с точки зрения культур традиции, модерна и постмодерна.

In the proposed article authors analyze the problem of spiritual security in the aspect of postmodern culture and characterize the significance of this category for the modern human. Authors attempt of comparative analysis of the category of «spiritual security» from the point of view of the cultures of tradition, modernity and postmodernity.

Ключевые слова: культура, трансформация культуры, культурная идентичность, духовная безопасность, духовность, традиция, модерн, постмодерн, потребительское общество, потребление.

Keywords: culture, culture transformation, cultural identity, spiritual security, spirituality, tradition, modern, postmodern, consumer society, consumption.

Проблема духовной безопасности личности всегда вызывала особый интерес у научного сообщества, так как в сознании традиционного общества это основа его ментального существования, а для модерна это вопрос интеллектуального иммунитета в борьбе с традицией. При этом важным аспектом проблемы духовной безопасности выступает вопрос культурной безопасности. С точки зрения традиционного мышления основой культурной идентичности народа во многом является его конфессиональная принадлежность, а экспансия чужеродной религиозной составляющей очень болезненно воспринимается существующей (борьба «сакральное – сакральное»). Так и в модерне проблематика духовной безопасности имеет достаточно громкое звучание,

однако воспринимается уже как аннигиляция сакральных способов познания мира и представлений о морали, человеке, обществе и так далее, и замена их научными рациональными основами (борьба «сакральное – реальное»).

Культура постмодерна по-новому рассматривает данную проблему – здесь уже отсутствует борьба способов познания мира, вместо которой представлена спорадическая нагрузка «виртуальным». Духовность иронична, как и человек, и Бог:

1) в традиции человек есть венец творения Бога, генеральный божественный замысел, а Бог, в свою очередь, выступает мерой всех вещей;

2) в модерне человек есть мера всех вещей, а Бог умер;

3) в постмодерне человек – уже просто забавный казус, случайность, а Бог – ироничный фантазм, комедия.

Если мы определим духовную безопасность как процесс защиты сознания от негативных (с точки зрения субъекта) внешних влияний чуждых моральных норм и ценностей, религиозных императивов и связанных с ними психических интенций, а также гармонизацию внутреннего мира человека, то в современной западной (а во многом и отечественной) культуре потребность в этой категории нейтрализуется. Она слишком целостна, сложна, неудобна для тезауруса постмодерна.

«Нам *лень* рассуждать о целом, скрытом, глубоком, внутреннем, существенном. Но нам эфемерно интересны различные фрагменты, кусочки, каждый из которых должен быть насыщен той энергией, которая нас сиюминутно опьяняет и вдохновляет. И нам безразлично, части ли это какого-то скрытого от восприятия целого или что-то само по себе. Этот вопрос постмодерну чужд. И мы просто передвигаемся от одного энергетического узла к другому, кликая по нему, как по баннеру в Интернете, не задумываясь об общем устройстве этой реальности. Возникает система отдельных частиц, которые не мыслят себя частицами чего-то целого. Это *часть без целого*» [1, с. 78].

«Клиповость» мышления современной молодежи, констатируемая как факт многими психологами, в совокупности с «постмодернистской насмешкой» над духовностью, человеком и Богом приводит к тому, что данные категории оказываются безынтересны в качестве объекта исследования, так как требуют к себе особого, детального внимания, продолжительной рефлексии, что абсолютно исключает спорадичность и стихийность того образа мышления.

По утверждению профессора А. И. Осипова, «вопрос о духовной жизни является основным для каждого человека, поскольку именно она в конечном счете определяет характер, направление и саму разумность всей его деятельности. Духовное состояние является своего рода маточным раствором, порождающим “кристаллы” всех тех идей, чувств, желаний, переживаний, настроений человека, которыми он живет, всего его отношения к людям, природе, делам, вещам и так далее. “Ибо дух творит себе формы”» [2, с. 285].

В то же время природа человека такова, что его сознание не может не стремиться к духовному поиску. «“Я – земля и потому привязан к земной жизни, – пишет святой Григорий Богослов, – но я также Божественная частица и потому ношу в сердце желание будущей жизни”. ... Можно было бы спросить, почему же Бог создал человека свободным и ответственным? Именно потому, что он хотел призвать его к высочайшему дару – обожению, то есть к тому, чтобы человек в устремлении к бесконечному, как бесконечен Сам Бог, становился по благодати тем, что Бог есть по Своей природе» [3, с. 241–242].

Однако следует согласиться с тем, что в случае сознательного или бессознательного, личностного или общественного подавления векторов духовных исканий человека они не уничтожаются полностью, но лишь остаются в плоскости житейских суетных потребностей, желаний и устремлений, так как не способны возвыситься до трансцендентного. По существу, истинно духовная сторона жизни индивида (а в совокупности и любой общественной формации) подменяется суррогатом обыкновенного потребления. В этом формате сознание отныне не может выйти даже за пределы личностной имманентности, в безысходности иронизируя над собственным бытием.

В границах потребительского общества все, что не может стать услугой или товаром, нежизнеспособно. Именно поэтому проблемы духовной безопасности обращают на себя внимание только в том случае, когда затрагивают экономические вопросы.

И пока человек постмодерна в погоне за развлечениями, удовольствиями и спонтанными восторгами разоряет духовный опыт предшествующих поколений, он незаметно для самого себя теряет границы собственной культурной, духовной и ментальной идентичности. На сегодняшний день эти «всплески агрессии» традиции воплотились в ближневосточном терроризме, исламизме, вылились в иммиграцию беженцев из стран Востока в западные государства (учитывая ее вульгарный и неприкрыто пренебрежительный тон), межнациональные и межконфессиональные конфликты (в первую очередь в молодежной среде) и т. п., так как человек традиции с нарастающим презрением воспринимает носителя культуры потребления, чувствует несомненное превосходство над ним.

Когда человек Запада упрекает традиционное сознание за его агрессию, пренебрежение, уничтожение правил и норм потребительской (в ином ракурсе постмодернистской) культуры, он неминуемо становится участником конфликта парадигм. отождествляя отечественную культуру с культурой западного мира (в первую очередь речь идет об аксиологических интенциях постмодернистского толка), невозможно понять, например, ту легкость, с которой человек традиции готов жертвовать жизнью во имя странных, жестоких, «ненормальных» религиозных установок. Как он может, не задумываясь, проникать в пределы чужой культуры, уничтожать ее, паразитировать на ней, воздвигать свою культуру на месте аутентичной?

Между тем ответы на эти вопросы лежат на поверхности постмодернистского сознания: мы отказались от собственной культуры, она больше не жива, она теперь лишь музейный экспонат, она – «о прошлом», о том, что было «до нас». А если смотреть еще глубже, то мы отвернулись от своей *духовной* традиции, опустошив ее, вычеркнув из практики жизни и оставив ей место лишь на задворках собственного сознания.

Но если собственная духовная традиция оказывается на периферии национального уважения (иначе как объяснить появление и столь сильную поддержку таких отечественных и зарубежных объединений, как «Pussy Riot», арт-группа «Война», «Kazaku», интерес к творчеству К. С. Серебрянникова, Е. L. James, Sophia Newson и так далее), то какого уважения мы смеем требовать от представителей иной культуры и традиции?

Именно в этом, по нашему мнению, и заключается проблема забвения категории «духовная безопасность», так как защита духовных ценностей есть фактор перспективы гармоничного существования всех уровней ценностей: моральных (принципиально разводим моральные и духовные ценности), духовных (культурных), материальных.

По утверждению Е. Л. Щукиной, «культурная безопасность страны становится одним из важнейших факторов национальной безопасности. ... Многочисленные научные дискуссии констатируют наличие кризиса духовно-нравственных ценностей российского общества, во многом обусловленного глобальным воздействием массмедиа, формированием медиасреды,

транслирующей ценности западных, особенно американских, стандартов жизни, потребления, быта, мировосприятия...» [4].

Потребление как экономический, рекламный, маркетинговый процесс (механизм) стало своеобразной «религией» современного западного (а уже во многом и российского) общества, отличительными чертами которого являются поклонение (культ товаров), полусакральное благоговение (следование моде), свой «почти-моральный» кодекс норм и правил поведения (поведение потребителя), организации людей по покупательскому признаку (шопполики, интернет-сообщества, клубы ценителей торговых марок и так далее), необходимые «сакральные» предметы (брендовые вещи). И если все эти признаки были присущи человеческим обществам с момента вступления их на путь товарно-денежных отношений, то сегодня они приобретают совершенно гротескные формы, в первую очередь в аксиологическом ключе. Уровень потребления становится не просто мериллом успеха индивида, но и определяет отношение к нему окружающих.

Возвращаясь к вопросу ретроспективного взгляда на объекты и механизмы духовной безопасности в рамках конкретной парадигмы, мы задаем себе два принципиальных вопроса:

1. На защиту кого направлен механизм духовной безопасности?
2. От кого или от чего они защищают?

С точки зрения традиционного мышления духовная безопасность есть механизм защиты носителей данной традиции от:

1) разрушительного воздействия чуждой традиции (например, борьба с сектантством, прозелитизмом, религиозной интервенцией);

2) тлетворного влияния безрелигиозного сознания на традиционное религиозное (религиозное образование, катехизация, знакомство с основами религиозной культуры, синкретика научного и религиозного знания и так далее);

3) деструкции безразличия, духовной индифферентности и игровой пародийности вопросов духовной жизни.

В модерне термин «духовная безопасность» использовался в противоположном значении – как механизм борьбы с религиозными предрассудками и пережитками традиционного мышления. Духовность при этом пони-

малась как нравственность (в собственном смысле этого слова) либо просвещенность, либо культурная идентичность. Сущность ее раскрывается в преодолении традиции (смена ценностных установок, религиозных архетипов), борьбе с недостаточным знанием или «псевдознанием» (развенчивание лженаук, уход от любой сакрализации знания), а также деструкции безразличия, интеллектуальной индифферентности и игровой пародийности вопросов культурной и образовательной сфер жизни.

Между тем культура постмодерна предполагает категории духовной безопасности, и говорить о ней как о борьбе виртуального с реальным, виртуального с сакральным не представляется возможным. Ирония в данном контексте не есть борьба, она является инстинктивной, стихийной дискредитацией, не желающей аргументировать собственную позицию и безапелляционно высмеивать, опустошать.

Российская культура представляет собой сложное явление, характеризующееся единовременным сосуществованием и взаимовлиянием трех парадигм, однако, по нашему мнению, тенденциозность развития новых социокультурных реалий красноречиво свидетельствует об увеличивающемся значении постмодернистской гносеологической составляющей. Именно ценностный релятивизм постмодерна становится доминантой в понимании современной духовно-нравственной и культурной картины России, несмотря на желание традиции (например, в лице Русской православной церкви) реабилитировать, возродить традиционные устои, ценностные установки, порядок жизнеустройства русского человека. Противостояние традиции, модерна и постмодерна в современном социокультурном контексте не

будет сотрясать наше общество. Постмодерн путем все той же «тихой насмешки» просто низведет в музеи и культурную идентичность, и духовное самосознание с привычными для нас ценностями, нормами, правилами жизни.

Культурные трансформации – это не только дух времени, но и естественный ход истории, поэтому они неизбежны. Смена моральных установок и ценностного восприятия действительности является нормой развития и российского общества (например, принятие Русью христианства, объединение княжеств, европеизация в период Петровских реформ, Революция 1917 года, перестройка и пр.). Ключевой задачей этноконфессиональных сообществ является самосохранение путем борьбы с этим ценностным релятивизмом.

Однако не стоит забывать о том, что данные сообщества также испытывают непосредственное влияние постмодерна. Поэтому говорить о скором восстановлении российского традиционного ментального сознания не приходится. В связи с этим основная задача гуманитарного знания (философии, культурологии, социологии, теологии) – быть готовым дать адекватный ответ новым вызовам современности, не разрушая перспектив будущего развития, но сохраняя при этом лучшее из собственной же традиции.

Учитывая вышеизложенное, следует отметить, что перед высшей школой сегодня стоит непростая задача обеспечить гармоничную и равнозначную синергию элементов обучения и воспитания. Для этого можно ввести в вузах курсы духовно-нравственной направленности как один из способов сохранения собственной культурной и духовной идентичности с ориентацией на будущие поколения.

Литература

1. Дугин А. Постфилософия. Три парадигмы в истории мысли. М., 2009.
2. Осипов А. И. Путь разума в поисках истины. Основное богословие. М., 2008.
3. Лосский В. Н. Очерк мистического богословия Восточной церкви. Догматическое богословие // Прил. к журналу «Трибуна». Религиозно-философская серия. 1991. Вып. 1.
4. Шукина Е. Л. Угрозы и вызовы культурной безопасности в современной России // Гуманитарий Юга России. 2015. № 4.
5. URL: <http://www.zakonrf.info/zakon-ob-obrazovanii-v-rf/2/>

Bibliography

1. Dugin A. Polylobate. Three paradigms in the history of thought. Moscow, 2009.
2. Osipov A. I. Path of reason in search of truth. Basic theology. Moscow, 2008.
3. Lossky V. N. Essay on the mystical theology of the Eastern Church. Dogmatic theology // To the magazine «Tribuna». Religious-philosophical series. 1991. Issue 1.
4. Shchukin E. L. Challenges and threats to the cultural security in modern Russia // Humanities of the South of Russia. 2015. № 4.
5. URL: <http://www.zakonrf.info/zakon-ob-obrazovanii-v-rf/2/>

Ширикова Алла Витальевна
Shirikova Alla Vitalievna

доцент кафедры иностранных языков Ростовского филиала Российской таможенной академии кандидат педагогических наук, доцент.

Associate Professor, Foreign Language Department, Rostov branch of the Russian Customs Academy,
PhD in Pedagogy, Associate Professor.
E-mail: gelios-alla@rambler.ru

НАЦИОНАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ В ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ

National models of multiculturalism and their implementation in higher education

В статье на основе системно-синергетического подхода рассматриваются национальные модели мультикультурализма и их влияние на высшее образование. Оценивается опыт мультикультурного образования различных стран и возможности его использования в процессе обучения будущих юристов в российских вузах.

Ключевые слова: мультикультурализм, межкультурная коммуникация, системно-синергетический подход, практико-ориентированные программы.

In article on the basis of system and synergetic approach national models of multiculturalism and their influence on the higher education are considered. Experience of multicultural formation of various countries and a possibility of his use in the course of formation of future lawyers in the Russian higher education institutions is estimated.

Keywords: multiculturalism, cross-cultural communication, practice-oriented programs, system-synergy approach.

В настоящее время общепринятого определения мультикультурализма не существует. В словаре Коллинза оно понимается как признание и развитие культурного плюрализма.

Следует разграничивать мультикультурализм как общественное явление, научную теорию, а также политику государства. Во всех своих формах это явление неоднозначное, неустоявшееся, находящееся сейчас в состоянии кризиса.

Кризис всегда имеет свои причины. Их можно увидеть, если представить межнациональные отношения как элемент общей системы государства, имеющий свои функции и подвергающийся действию центробежных (либо центростремительных) сил.

Далее, основываясь на системно-синергетическом подходе, рассмотрим национальные модели мультикультурализма, реализацию их в высшем образовании, определим истинные причины кризиса мультикультурализма и ту роль, которую высшее образование играет и сможет играть в разрешении этого кризиса, а также возможности использования зарубежного опыта в российском высшем образовании, а именно в профессиональной подготовке будущих юристов.

Считается, что как государственная политика мультикультурализм возник в Канаде в 60-е годы. Философскую теорию, которая легла в основу этой политики, создал коллектив ученых, среди них оказался и Ч. Тейлор, автор «модели признания», с помощью которой, как он считал, должен решаться вопрос статуса различных культурных групп [15].

Другой канадский философ У. Кимлика, разработчик экономической модели мультикультурализма («модель перераспределения»), сформулировал либеральную теорию «равенства прав и равенства возможностей». Важным положением теории Кимлика является то, что меньшинства могут быть наделены особыми правами лишь в том случае, если их ценности и образ жизни соответствуют принципам равенства и свободы, по которым живет государство [11].

Ч. Кукатас предложил концепцию «мягкого» и «жесткого» мультикультурализма, в зависимости от возможности государства контролировать жизнь и нормы поведения меньшинств и отдельных граждан. На основании этого М. Уолцер выделяет такие понятия, как изоляционизм, ассимиляция, апартеид [10; 17].

Появлению мультикультурализма способствовало развитие идеи постмодернизма, работы неомарксистов и складывающаяся ситуация в мире. Между тем мультикультурализм как явление уже имел печальный опыт в колониальной системе. Исследователи выделяют два основных направления его развития – американскую модель и европейскую модель.

Европейская модель строится на включении в ее культурное измерение элементов традиций иммигрантов из стран «третьего мира», но с адаптацией к европейским стандартам. Так, экономические причины в 1960-е годы обусловили миграцию населения из ранее колониальных стран в Европу. Однако, как сказала канцлер Германии Ангела Меркель, «в начале 1960-х наша страна пригласила иностранных рабочих в Германию, и сейчас они здесь живут. Некоторое время мы сами себя обманывали и говорили себе: “Они у нас не останутся, когда-нибудь они уедут”, но этого не произошло. И, конечно же, наш подход состоял в мультикультурализме, в том, что мы будем жить рядом и ценить друг друга. Этот подход... совершенно провалился» [2].

Кризис был обусловлен следующими причинами: 1) политической. Данный этап развития мультикультурализма совпал с созданием Евросоюза. Но понятие «европейский народ» так и осталось воображаемой нацией («fuzzy statehood»); 2) экономической. Европейские правительства финансируют строительство лагерей беженцев, пребывание мигрантов, программы их адаптации на фоне сокращения государственных социальных расходов, неизбежных в период экономического кризиса; 3) социальной. Большинство прибывающих в Евросоюз имеют недостаточный уровень образования и профессиональной подготовки и занимают место в самом низком социальном слое. В результате даже потомки мигрантов в 3 поколении чувствуют себя в Европе изгоями; 4) коренные европейцы и мигранты по-разному понимают мультикультурализм. Первые – как адаптацию приезжающих и принятие ими европейских ценностей и образа жизни. Вторые между тем не готовы отказываться от своих ценностей и традиций. Указанные выше причины выступают теми центроостремительными силами, которые препятствуют интеграции мигрантов в евро-

пейское общество как систему, способствуя их радикализации.

Американская модель, или модель «плавильного котла» (melting pot), означающая «переплавку» всех наций и народностей, живущих в стране, в единую общность с универсальными ценностями, идеологией и целями. Эта модель предполагает формирование нации, состоящей из иммигрантов (президент Франклин Рузвельт обращался к своему народу как к товарищам по иммиграции). Хотя в основе зарождения США как государства лежала англосаксонская правовая система и протестантские ценности, добровольно принятые и интегрированные с тем, что было привнесено всеми нациями. Модель, аналогичная американской, создана в Австралии, Канаде, Новой Зеландии и могла бы быть оценена как успешная, если бы не судьба коренных народов, так и не сумевших интегрироваться в систему.

Какую же роль сыграло высшее образование США как активная и созидательная сила в развитии идеи мультикультурализма?

По мнению Дж. Пуллиама и Дж. ван Паттена, «освобождение рабов вызвало к жизни социальные и образовательные проблемы, существующие в США и по сегодняшний день» [12]. Для их решения открывались негритянские колледжи (педагогические, сельскохозяйственные и другие). Б. Вашингтон говорил о том, что «главной целью высшего образования для меньшинств является формирование умения эффективно функционировать в существующей общественно-экономической системе». Бойс считал общественную систему США несправедливой, так как «вузы должны формировать личностей, способных возглавить процесс изменения этой системы» [12]. В предвоенный период возникает «Движение за прогрессивное образование», задача которого состоит в приобщении меньшинств к родовым ценностям этнической культуры. Но только в 60-е годы XX века, когда в результате борьбы за гражданские права афроамериканцев в США система расового апартеида была уничтожена, официальное образование признало ценность культурного наследия всех групп населения страны. Если до 1970-х годов в университетах в основном изучалась история и культура белого населения, то в 70–80-е годы начинают разрабатываться программы мультикультурного

образования для различных этнических групп. В 1980–90-е годы закладывается теоретическая основа мультикультурного образования (multicultural education). Среди его теоретиков – Д. Бэнкс, Ф. Риерстед и другие [1; 13].

Дж. Бэнкс вводит понятие «поликультурная гражданственность». Он считает, что «в 21 веке требуется новый вид гражданственности, которая признает и узаконивает право граждан принадлежать как к своей культурной общине, так и к общенациональной гражданской культуре, при этом государство имеет право быть признанным всеми своими гражданами, если оно способно... давать голос составляющим его различным расовым, этническим, языковым, религиозным общинам» [1, с. 81].

Если указанные выше ученые разработали теоретическое обоснование мультикультурализма, то применение их идеи на практике стало возможным благодаря команде Э. Холла, создавшей основы межкультурной коммуникации [5], коммуникативную теорию «культурных моделей взаимодействия» (cultural patterns of interaction) [7], эффективные программы подготовки специалистов для работы за рубежом. Межкультурная коммуникация (cross-cultural communication), по Э. Холлу, отличается междисциплинарностью, прикладным характером, динамическим пониманием культуры как системы ценностей и поведения ее носителей. Цель межкультурной коммуникации исследователь понимал как то, к чему «должен стремиться человек в своем желании как можно лучше и эффективнее адаптироваться к окружающему миру» [6, с. 24].

В середине 1970-х годов появляется термин «межкультурная компетентность», который трактуют как «комплекс аналитических и стратегических способностей, расширяющий интерпретационный спектр индивида в процессе межличностного взаимодействия с представителями другой культуры» [9]. Межкультурная компетентность нужна как для успешной ассимиляции и аккультурации, так и для установления прочных контактов с представителями других наций. Она предполагает знание языка, ценностей, норм, стандартов поведения другого коммуникативного сообщества, владение такими коммуникативными навыками, как толерант-

ность, эмпатия, умение слушать. В зависимости от профиля университета были разработаны системы межкультурных компетенций, набор соответствующих умений и навыков (от 7 до 73 в различных вузах).

В рамках курсов межкультурной коммуникации начиная с 80-х годов XX века преподавателями университетов Европы и США с целью формирования межкультурной компетентности создаются и широко внедряются в практику образовательные технологии (ролевые игры, дискуссии, фокус-группы), которые учат принимать человеческие особенности, формируют эмпатию, толерантность и плюрализм.

За последнее время в США открыто много специализированных университетов для этнических групп населения, в основном для афроамериканцев. Такая политика имеет как своих сторонников, так и противников. Первые считают, что занятия по собственным программам способствуют более успешной самореализации, глубокому раскрытию как индивидуальных, так и национальных особенностей. Противники такого образования заявляют, что невозможно формировать терпимость, уважение и интерес к представителям других групп в таких «закрытых» организациях. Появилось немало противников самого мультикультурного образования, ведущего, по их мнению, к разобщению, разделению по национальному и культурному признаку, провоцирующему споры по поводу нарушений прав человека в прошлом. Например, в рамках программ межкультурного образования часто поднимаются следующие вопросы: «Несет ли ответственность нынешнее поколение белых американцев за рабство черных? Можно ли поставить знак равенства между культурами?» [8]. Немало противников и у самой теории мультикультурализма. Так, М. Берлинер и Г. Халл считают, что теория и практика мультикультурализма учат разделять людей по цвету кожи, взглядам, традициям, внедряя в жизнь принципы «замаскированного расизма» [3].

В 80–90-е годы XX века в США возникает и активно развивается направление «положительных действий» (affirmative actions), имеющее целью исправление последствий расовой дискриминации, которое часто называют «дискриминацией наоборот» и подвергают критике [8].

Интерес представляют практико-ориентированные программы воспитания гражданина мультикультурного общества, создаваемые на базе вузов. В качестве примера можно привести Кэрролл-Колледж, штат Висконсин.

Практико-ориентированная мультикультурная программа колледжа направлена на формирование «межкультурных ценностей и терпимого отношения к различным расовым, этническим, культурным группам; знаний, умений и навыков, необходимых для эффективного функционирования внутри своей культурной группы, внутри других этнических и культурных групп и в контексте всего мира; знаний, умений и навыков, необходимых в ситуациях решения проблем и разделения власти с представителями различных расовых, этнических, культурных, национальных групп; знаний, умений и желаний действовать на уровне как личных, так и общественных отношений для того, чтобы сделать свое сообщество, нацию и мир соответствующими ценностям справедливости и человеческого достоинства» [19, с. 8].

Программа включает: еженедельные (4 часа в неделю) занятия в форме деловой игры, кейс-стади, фокус-группы, презентации, проектной работы и так далее; задания вне стен университета (в организациях, фирмах, органах управления); контроль уровня развития межкультурной компетентности (отчеты, тестирование), где важную роль играет самоаттестация (студенты регулярно заполняют листы отчета с критериями оценки).

Во многих вузах мультикультурное воспитание тесно связано с ценностным. Студентов учат понимать, как ценности их культурной группы (религиозные, национальные) участвуют в формировании общенациональной системы ценностей.

Таким образом, работа, проводимая в вузах США в рамках мультикультурного обра-

зования, весьма обширна. Однако в последние годы американский «плавильный котел» функционирует не столь успешно, о чем свидетельствует как возрастающая маргинализация отдельных этнических групп, так и ценностное «расщепление» общества. Ряд исследователей (А. Шлезингер, Э. Холл) утверждают, что, несмотря на прилагаемые усилия, Америка становится мультикультурной страной по европейскому типу [8; 14]. Именно поэтому американское общество сравнивают уже не с плавильным котлом, а с миской салата. Благодаря глобализации и увеличивающимся поликультурности и полипарадигмальности общества и система образования Евросоюза и США все более проявляют свои синергетические свойства: непредсказуемость результатов влияния элементов системы друг на друга, а также разбалансированность ее работы.

Системно-синергетический подход позволяет рассматривать общество и западное образование XXI века как сложные, изменяющиеся системы, в которых действуют центростремительные и центробежные силы, приводящие к кризису и смене парадигм их существования. Изучение данного опыта необходимо для российского образования, переживающего непростой этап своего развития.

В российских вузах, в том числе Ростовском юридическом институте МВД России и Ростовском филиале Российской таможенной академии, обучаются студенты – представители различных национальностей и конфессий. В связи с этим нельзя отрицать важность формирования мультикультурных ценностей в многонациональном студенческом коллективе. Кроме того, именно на будущих юристах во многом лежит ответственность за судьбу государства и общества, где межкультурный аспект играет сегодня столь важную роль.

В этой связи международный опыт, неза-

Литература

1. Banks J. A. Multicultural education: historical development, dimensions and practice // Handbook of Research on Multicultural Education. N. Y., 1995.
2. Beck U. Was ist Globalisierung? Frankfurt, 2014.
3. Berliner M., Hull G. Diversity and multiculturalism: the new racism // Ayn Rand Institute.

URL: http://www.aynrand.org/site/PageServer?pagename=objectivism_diversity.

4. Collins English dictionary, complete & unabridged. 3rd ed. Harper Collins Publishers. L., 2012.
5. Hall E. T. Understanding cultural differences. Yarmouth, 1990.
6. Hall E. T. Hidden differences: studies in

international communication. Grunder & Jahr, 1983.

7. Hall E. The silent language. N. Y., 1959.

8. Hall J. Is America Breaking Apart? Longman, 1996.

9. Kim Y. Y. Intercultural communication competence: a systems-theoretic view // Cross-cultural interpersonal communication. 1991. Vol. 15.

10. Kukatas Ch. Equality and diversity // Philosophy, politics and economics. 2002. № 1 (2).

11. Kymlicka W. Multicultural citizenship: a liberal theory of minority rights. Oxford, 1996.

12. Pulliam J. D., van Patten, James J. History of education in America. Seventh edition. Prentice Hall, 1995.

13. Rierstead F. D. and Wagner P. A. The ethical, legal and multicultural foundations of teaching. Madison, 1993.

14. Schlesinger A. M. The disuniting of America: reflections on a multicultural society. N. Y., 1992.

15. Taylor G. L. Diverse opinions on diversity. Washington, 2001.

16. Trager G., Hall E. Culture and communication: a model and an analysis // Explorations and communication. 1994. № 3.

17. Walzer M. Spheres of justice: a defense of pluralism and equality // Basic books. Washington, 1983.

18. Wiemann J. M. Explication and Test of a model of communicative competence // Human communication research. 1977. № 3.

19. Yeoman R. A course stressing multicultural skills for students of carrol college // Annual conference, proceedings. Milwaukee, 2001.

Аболмасова Татьяна Евгеньевна
Abolmasova Tatyana Evgenevna

адъюнкт Академии ФСИН России.

Adjunct, Academy of the Federal Penal Service of Russia.
E-mail: tanjukha@mail.ru

ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ПРАВА НА ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ В ДРЕВНЕРУССКОМ ГОСУДАРСТВЕ

Background of the emergence and development of the right to confession in the old Russian state

В статье рассматриваются отдельные вопросы принятия и становления христианства в форме православия как государственной религии в Древнерусском государстве. На основе анализа наиболее значимых источников русского права показывается влияние этого процесса на формирование древнерусского законодательства в контексте становления принципа веротерпимости в государственной и религиозной политике Руси.

Ключевые слова: Древнерусское государство, принятие христианства, рецепция права, свобода вероисповедания, источники права.

The article considers some issues of adoption and establishment of Christianity in the form of Orthodoxy as the state religion in the Ancient Russian state. On the basis of the analysis of the most important sources of law of the Ancient Russian state the impact of this process on the formation of ancient law, in the context of the formation of religious tolerance in the state and the religious policy of the Ancient Russia.

Keywords: Ancient Russian state, adoption of Christianity, reception of law, freedom of religion, sources of law.

Несмотря на то, что понятие «свобода вероисповедания» возникло в Западной Европе на рубеже средних веков и Нового времени, можно проследить отдельные предпосылки его формирования в древнерусском законодательстве на основании анализа отношений властной верхушки и населения в целом с представителями различных религий.

Принятие христианства на Руси произошло под влиянием многих факторов, прежде всего в связи с необходимостью укрепления международного положения государства и развития отношений с Византией, повышения авторитета княжеской власти внутри страны.

Повесть временных лет описывает момент выбора именно этой религии следующим образом: проповедники различных вероисповеданий являлись к Владимиру и убеждали его в превосходстве своей веры [6, с. 337]. Князь остановился на византийском типе христианства по ряду причин. Прежде всего, это связано с тем, что христианство в Византии было государственной религией, лояльной императорской власти и законопослушной. Владимиру импонировала идея освящения право-

славной церковью верховной власти. По словам В. С. Соловьева, «православная церковь принесла на Русь из православной Византии идею великого князя как Богом поставленного владыки, правителя и верховного судии подвластных народов» [16, с. 419].

В первые десятилетия после Крещения Русь не представляла собой единого культурного и социального пространства. Это было еще очень дифференцированное общество – поликультурное, многоэтническое, поликонфессиональное. Серьезным фактором, замедлявшим процесс распространения христианства, являлось наличие на территории Древнерусского государства нескольких этноконтактных зон, где славянские и неславянские народы тесно соприкасались и с той или иной степенью восприятия этнических различий строили свои взаимоотношения. Несмотря на то, что языческие обряды были запрещены и их отправление каралось суровым наказанием, в стране сложился некий религиозный и культурный симбиоз, выразившийся в двоеверии, когда языческие обряды тесно переплелись с христианством и в определенной степени дополнили друг друга.

При всем многообразии культур Древняя Русь воплотила в себе византийскую концепцию развития власти – «симфонию властей», которая легла в основу взаимоотношений церкви и государства. Смысл ее состоит в выгодном сотрудничестве, поддержке и, соответственно, взаимной ответственности, что тем не менее исключает вмешательство сторон в дела друг друга. Так, государству нужна поддержка церкви в решении духовно-нравственных вопросов, а церковь видит в союзе с государством возможность обретения большей свободы в своей миссионерской деятельности [14, с. 54].

Принятие христианства в форме православия в качестве государственной религии Киевской Руси стало важнейшей вехой на пути становления Российского государства.

Одной из причин установления единой государственной религии являлось стремление князей укрепить государство, для чего было необходимо примирить, объединить и консолидировать разные по вероисповеданию и социальному положению племенные союзы вокруг одного политического центра – Киева.

Распространение христианства среди населения Киевской Руси происходило медленно и тяжело. Например, Новгород оказал яростное сопротивление насильственному крещению [2, с. 175]. Несмотря на толерантность жителей города в вопросах веры, связанную, прежде всего, с тем, что население его всегда было многонациональным, в насаждении единой религии Новгород видел посягательство на свои свободы. Ряд крестьянских и городских восстаний XI века в Киеве, Новгороде, Суздальской земле, направленных против утверждавшегося феодального строя, поддерживаемого христианской церковью, возглавили волхвы [17, с. 114–115].

Следует отметить, что в целом распространение христианства, положенного в основу мировоззрения, характеризовалось сложной системой взаимоотношений с язычеством. Когда праславянский цикл стал постепенно заменяться христианским правосознанием, начавшаяся борьба с язычеством ознаменовалась не только искоренением, искажением и вытеснением всего, что с ним связано, но и некоторым заимствованием древних знаний.

Так, например, в 1227 году за занятия поговорами в Новгороде были сожжены 4 вол-

хва [20, с. 48]. В ходе христианизации Киевской Руси были уничтожены многие памятники языческой материальной культуры, в том числе священные книги, содержавшие ведическо-языческие знания, признанные вредными, греховными, разрушены символы-храмы, вырублены священные рощи [3, с. 120]. Тексты древних славянских культовых песен, мифов, сказаний были утрачены навсегда [1, с. 217]. Противостояние язычества и православия выражалось в запрете на упоминание языческих богов. Кроме того, христианство отрицало божественную сущность природы, а также способность человека познавать через нее божественное, что было присуще язычеству. В христианской религии духовное и материальное было разделено: материальное считалось незначительным, а духовное возвеличивалось (человек мог познать Царствие небесное только через почитание духовного). Христианское понимание греховности нашло свое отражение в княжеском законодательстве. Так, языческая форма вступления в брак – умыкание была запрещена ст. 9 Устава Владимира [10, с. 149]. Преследовались также ведовство, врачевание, молитва под овином, в роще, у воды. Особенностью процесса христианизации Древней Руси являлось переосмысление и использование древних знаний, верований, традиций. Значительная часть дохристианских понятий была положена в основу древней богословской христианской литературы (идеи закона, долга, понятия права, духовной чистоты, совести). Также была заимствована и преобразована идея существования божественных сил, приходящих на помощь людям, и другие [3, с. 122]. В крестьянском быту христианские молитвы и нехристианские песни переплетаются между собой, заговоры приобретают обращения «Господи благослови», в них начинают упоминаться Богородица, святые и т. п.

В своем послании к князю Изяславу «О вере хрестыянской и латинской» игумен Феодосий Печерский, один из основателей Киево-Печерской лавры и известнейшей проповедник XI века, предостерегает правителя от похвалы чужой вере, кроме православия, что он считал проявлением ереси. Но в то же время, будучи ярким противником совращения православных в чужую религию и призывая русского князя быть нетерпимым по отношению к

таким случаям, игумен настоятельно советует князю избавлять от беды, одаривать милостыней, одеждой, кровом не только православных, но и всех иноверцев, будь то католик, мусульманин, иудей, еретик или язычник.

Отношения с Византией, западноевропейским миром, в том числе военного характера, потребовали определенного согласования обычного права, распространенного на Руси, с чужеземными законами.

Процесс заимствования и усвоения одним обществом элементов культуры другого общества в науке обозначается термином «рецепция». В соответствии с этим под рецепцией права можно понимать восприятие в том или ином государстве элементов правовой системы другой страны [19, с. 4].

Именно с принятием христианства началось более тесное взаимодействие с Византией и другими христианскими странами, в результате которого произошла рецепция христианской культуры. Между тем появление на Руси церкви со своими каноническими законами, служителями, первоначально митрополитами-греками, а затем и духовными лицами более низкого ранга обусловило формирование образованной части общества и переосмысление обычного русского права, которое часто противоречило церковному праву и христианскому учению о морали и нравственности.

Нормы обычного русского права регламентировали почти все сферы жизнедеятельности человека в дохристианской Руси. Обычное право как источник права было удобно своей консервативностью: его нормы широко известны и привычны. Соблюдение норм правового обычая, обеспечивалось не только посредством государственного принуждения, но и их сакральным, религиозным характером.

В то же время византийская правовая культура для древнерусского общественно-го сознания оставалась чужой. Это можно увидеть в текстах договоров с греками 911 и 944 годов. Так, в договоре 944 года говорится: «Аще ли клячится украсти русину от грек что, или гръчину от Руси, достойно есть да възвратит не точью едино, но и цену его; аще украденное обрящется продаемо, да вдасть цену его сугубо, и то покаженн будет по закону Гречьскому и по уставу, и по закону Рускому» [13, с. 10].

Вместе с этим в русско-византийских договорах разделялись обычаи и религиозные нормы русских и греков. Так, в договоре 911 года устанавливалось, что крещеные греки клянутся соблюдать его статьи церковью и честным крестом, а некрещеные русские – по своим обычаям и верованиям.

В конце X – начале XI века происходит рецепция законодательных актов, преимущественно византийских и южнославянских, содержащих в себе фундаментальные основы церковного византийского права, ставшего одним из источников права Киевской Руси.

По мере распространения христианства на территории Русского государства и укрепления его позиций особое значение приобретает ряд византийских юридических документов – номоканонов, представлявших собой собрания канонических сборников церковных правил христианской церкви, а также постановлений римских и византийских императоров. К числу наиболее известных сборников законодательных актов этого периода можно отнести:

1. Номоканон Иоанна Схоластика, составленный из 50 титулов, написанный в VI веке (сборник светских законов, содержащий также церковные правила).

2. Номоканон 14 титулов патриарха Фотия (883 года).

3. Эклогу византийского императора Льва Исаврянина и его сына Константина (741 года) (содержала преимущественно постановления семейного и гражданского права, а также статьи о наказаниях за уголовные преступления).

4. Прохирон (то есть «ручная книга законов») Василия Македонянина (VIII век) (на Руси получил название «Градский закон»).

5. Закон судный людем (893–927) болгарского царя Симеона (представлял собой переделанный семнадцатый титул исаврийской эклоги, адаптировавший византийское уголовное законодательство к быту варварского народа, принявшего христианство).

6. Закон судный IX–X веков (более известен как Судебник царя Константина).

В указанных памятниках канонического права акцент делался на ответственности за совершение религиозных преступлений, к которым относились: «сворачивание» из христианской религии в иные исповедания, принадлежность к недозволенным государством и государственной религией верованиям; переход

из христианства в иные исповедания; богохульство; святотатство; ересь; волшебство; колдовство; прелюбодеяния и «непотребства». За подобные преступления греко-византийским каноническим правом предусматривались различные виды наказаний, начиная от «епитимий», налагавшихся церковными судами, до смертной казни, применяемой судами светскими [7, с. 19–43]. Князья при рассмотрении подсудных им дел должны были руководствоваться греческим Номоканонем. Например, в Номоканоне чародеям и волшебникам была определена смертная казнь или членовредительные наказания (Номоканон Фотия, тит. IX, гл. 25) [7, с. 75].

В этих сборниках впервые появляются трактаты о еретиках: трактат Елифания Кипрского о ересьях (включая разделы о сарацинах-агарянах и инакоборцах) и трактат Тимофея, пресвитера Софийского собора, о способах принятия еретиков, в том числе через помазание [20, с. 58]. Переводы этих правовых документов получили на Руси название «кормчие книги». Они представляли собой важнейшее пособие по организации административной и правовой деятельности церкви. С течением времени эти церковно-юридические документы трансформируются в полноценные законодательные акты [20, с. 49].

Н. Л. Дювернуа подобное влияние на развитие русского права характеризовал не как довлеющее, агрессивное, а как благоприятное и оправданное интегрирование развитой византийской культуры и традиционных русских обычаев и норм поведения в тех формах и в том объеме, которые были востребованы и принимались населением Древнерусского государства [4, с. 319–322].

Однако указанные источники права не отражали всю полноту сформировавшихся в древнерусском обществе юридических обычаев и не могли в полной мере обеспечить правовое регулирование отношений, существовавших в Киевской Руси. Таким образом, создание свода законов, обеспечивающего определенный баланс между нормами византийского права и обычного права, было объективно необходимым условием становления Древнерусского государства.

В то же время архаичное право Древней Руси благодаря принятию христианства, за-

крепившего и развившего существовавшие в народной среде представления о благочестии, постепенно преодолело этап перехода от регулирования общественных отношений с помощью одиозных обычаев к разумным и нравственно оправданным, подлинно правовым методам и институтам.

Значительная часть священных судов, деятельность которых впоследствии определялась церковными уставами Владимира Святославовича (IX век) и Ярослава Мудрого (XI век), должна была фактически находиться в руках церкви еще до признания ее власти, как и многие другие вопросы семейного права. Устав Владимира Святославовича предусматривал создание десятинной церкви и обеспечение ее десятиной, а также наделение митрополита и епископа судебной функцией [21, с. 12]. Подтверждением влияния норм греческого церковного права на содержание ст. 9 Устава Владимира можно увидеть, обратившись к ст. 4 и 5 этого документа, в которых прямо указывается на то, что он написан в соответствии с правилами греческой православной церкви, и ст. 10 и 11, где отмечается, что источниками ст. 9 являются постановления первых христианских царей и семи вселенских церковных соборов [9, с. 18]. Ссылка на Номоканон, содержащаяся в ст. 4 Устава князя Владимира, свидетельствует о востребованности на Руси византийского правила, по которому князь, его бояре и судьи не должны вмешиваться в юрисдикцию церковного суда. Но при этом ст. 3 вводит десятину в пользу церкви, не имеющую аналогов в церковном законодательстве Византии [21, с. 40]. Им также предоставлялась широкая власть не только над церковными, но и гражданскими и уголовными преступлениями, такими как ведовство, зелейничество, потвори, чародеяния, волхования, еретичество [7, с. 75]. Статьи 3, 8 и 9 Устава утверждали систему митрополичьих и церковных должностей вокруг престола митрополита в Киеве, а также устанавливали исключительную подсудность некоторых наиболее важных дел, рассматриваемых непосредственно митрополитом. Устав князя Ярослава представлял собой наиболее ранний кодекс семейного и брачного права Древнерусского государства, и, в то время как взаимоотношения внутри семьи феодального общества относи-

лись к юрисдикции церкви, кодекс о браке и семье стал уставом о церковных судах. Кроме того, ряд его статей посвящен другим сферам церковного суда [21, с. 178]. Так, в статье 1 Устава Ярослава говорится о поступлении десятины от княжеских доходов в пользу митрополита: «дал есмь митрополиту и епископом распуты по всем городам, десятую неделю мыта к церкви и к митрополиту» [21, с. 219].

Важнейшим памятником древнерусского права является Русская Правда (1016). Создание этого свода законов непосредственно связано с принятием христианства на Руси и необходимостью правового регулирования существовавших общественных отношений с учетом сформировавшихся у древних славян юридических обычаев.

Первоначальный текст Русской Правды не сохранился. Сыновья Ярослава во второй половине XI века существенно изменили и дополнили его, и объединенные Правда Ярослава и Правда Ярославичей составили основу Краткой редакции Русской Правды. Результатом законотворческой деятельности Владимира Мономаха стала Пространная редакция Правды. Все последующие редакции дошли до нас в составе летописей, различных судебных сборников. Заметим, что именно Русская Правда дает наиболее полное представление о правовой системе Древнерусского государства [18, с. 192].

Текст Русской Правды сложился в сфере не княжеского, а церковного суда, в среде церковной юрисдикции [5, с. 219]. Именно по этой причине ее положения больше применялись в церковных судах, нежели в княжеских, которые практиковали решение споров посредством свободного поединка – «поля», судебной клятвы – «ротъ» и других языческих обычаев. По мнению Б. А. Рыбакова, Русская Правда представляла собой не застывший свод христианских законов, а постоянно расширяющийся круг юридических установлений и правоположений [11, с. 410]. Она предусматривала деление населения Древней Руси на сословия и по роду занятий. Так, она различает русинов и словенинов, под которыми подразумеваются жители Южной Руси, точнее – Приднепровья, и северных областей, прежде всего земли Новгородской. В Русской Правде упо-

минается о двух инородческих разрядах – варягах и колбягах. Например, если убежавший холоп скрывается у варяга или колбяга и последний тайно продержит его три дня, то платит три гривны хозяину холопа за обиду. По обвинению в драке от варяга или колбяга требовалась только «рота», при этом туземцу необходимо было представить двух свидетелей: «А че попъх неть мужь мужа любо к собе ли от собе, любо по лицу о ударить, ли жердью о ударить, а видока два выведуть, то 3 гривны продажи; аже будеть варягъ или колбягъ, то полная видока вывести и идета на ротоу» (ст. 25 Пространной правды).

Между тем Русская Правда не предусматривает наказания за преступления против церкви, религии или нравственности и не регулирует церковные отношения. Вопросы веры в Русской Правде не озвучены, так как деление населения по признакам религиозной принадлежности появилось в русском законодательстве значительно позже.

Л. В. Сокольская в своей статье о рецепции как исторической форме правовой аккультурации отмечает, что великие князья киевские заимствовали только нормы светско-канонического права, учредили церковный суд и определили виды правонарушений, ему подсудных. В дальнейшем эти нормы компилируются в «кормчих книгах» и древнерусских канонических сборниках. Однако основой функционирования княжеского суда остаются нормы обычного права и княжеские указы, закрепленные в Русской Правде. Таким образом, в Древнерусском государстве функционировали параллельно две правовые системы – княжеская (светская) и каноническая (религиозная) [15, с. 1581–1588].

Я. Н. Щапов считает, что говорить о рецепции византийских установлений, касающихся христианских морально-этических норм, можно, хотя они и заменяются сознательно облегченными вариантами и приспособляются к новым условиям, однако в памятниках права – Русской Правде, древнерусских грамотах, княжеских церковных уставах – обнаружить определенное влияние византийских норм не удастся. Заимствование отдельных предписаний в церковно-правовых памятниках, регламентирующих не только внутрицерковную жизнь, но и определяющих основные функции феодаль-

ного общества, можно отнести только к концу XII – началу XIII века (Устав князя Ярослава). В сфере права рецепция византийских норм отмечается в еще более позднее время (Соборное уложение 1649 года) [20, с. 10].

В этой связи представляется, что византийские правовые тексты, с одной стороны, являлись определенным эталоном, к которому нужно было стремиться, но, с другой стороны, наличие в древнерусских юридических сборниках, наряду с византийскими правовыми нормами, текстов Русской Правды означает, что все они использовались субсидиарно, помогая судьям преодолевать пробелы в действующем праве, применяя нормы, соответствующие принципу справедливости.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. На начальном этапе отношения между государством и церковью определяли направ-

ление развития Древней Руси, в том числе системы законодательства. Выраженная этническая терпимость, отношение к представителям различных групп населения как к людям, имеющим равные права с православными русскими на житейские блага и защиту от бедствий, насилия, характерные для Российского государства на всех этапах его развития, станут одной из важнейших предпосылок формирования права на свободу вероисповедания.

2. Система законодательства Российского государства в рассматриваемый период формировалась под воздействием существующего обычного права славянских племен и византийского права, пришедшего на Русь вместе с христианством. При этом влияние византийского права не являлось решающим, в том числе в вопросах, связанных с религией.

Литература

1. Викторов В. В. Культурология. М., 2007.
2. Голубинский Е. Е. История русской церкви. М., 1900. Т. I.
3. Демченко Т. И. Правовое сознание в древнерусской и российской государственно-правовой жизни: монография. М., 2013.
4. Дювернуа Н. Источники права и суд в древней России. М., 1869.
5. Ключевский В. О. Курс русской истории. Т. 1: Лекция XIII. М., 1987.
6. Крывелев И. А. История религий. М., 1975.
7. Попов А. В. Суд и наказания за преступления против веры и нравственности по русскому праву. Казань, 1904.
8. Правда Русская: в 2 т. Т. II: Комментарий / под ред. Б. Д. Грекова. М.–Л., 1947.
9. Рассел Дж. Церковный Устав Владимира. М., 2013.
10. Российское законодательство X–XX веков. Т. I: Законодательство Древней Руси / под ред. О. И. Чистякова. М., 1984.
11. Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII веков. М., 1993.
12. Саваськов П. В. Нормы международного русского права в договорах Древнерусского государства, заключенных с Византией в X веке // Вестник МГУ. Серия «Право». 1973. № 4.

Bibliography

1. Viktorov V. V. Culturology. Moscow, 2007.
2. Golubinsky E. E. The history of the Russian Church. Moscow, 1900. Vol. I.
3. Demchenko T. I. Legal consciousness in ancient Russian state-legal life: monograph. Moscow, 2013.
4. Dujvernua N. Sources of law and the court in ancient Russia. Moscow, 1869.
5. Klyuchevsky V. O. The Course of Russian history. Vol. 1: Lecture XIII. Moscow, 1987.
6. Kryvelev I. A. The History of religions. Moscow, 1975.
7. Popov A. V. The Court and punishment for crimes against the faith and morals in Russian law. Kazan, 1904.
8. The Russian Pravda: in 2 vols. Vol. II: Review / under ed. of B. D. Grekov. Moscow–Leningrad, 1947.
9. Russell J. The Church Statute of Vladimir. Moscow, 2013.
10. Russian law of X–XX centuries. Vol. 1. Legislation of Ancient Russia / under edition of O. I. Chistyakov. Moscow, 1984.
11. Rybakov B. A. Kievan Rus and the Russian principalities XII–XIII centuries. Moscow, 1993.
12. Savasjkov P. V. The international Norms of Russian law in the contracts of the old Russian state, concluded with Byzantium in the X century // Vestnik MGU. Series «Right». 1973. № 4.

-
-
13. Свердлов М. Б. От Закона русского к Русской Правде. М., 1988.
14. Смолин М. Б. Православная государственность. 12 писем об Империи. Идея православной Империи как охранительницы церкви. СПб., 2003.
15. Сокольская Л. В. Рецепция как историческая форма правовой аккультурации // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 8 (45).
16. Соловьев В. С. Сочинение: в 2 т. М., 1989 Т. I.
17. Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания в Древней Руси. М., 1956.
18. Тихомиров М. Н. Пособие для изучения Русской Правды. М., 1953.
19. Томсинов В. А. О сущности явления, называемого рецепцией римского права // Вестник Московского университета. 1998. № 4.
20. Шапов Я. Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII веках. М., 1978.
21. Шапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI–XIV веков. М., 1972.
13. Sverdlov M. B. From the Law of the Russian to the Russian Pravda. Moscow, 1988.
14. Smolin M. B. Orthodox statehood. 12 letters about the Empire. The idea of the Orthodox Empire as the keeper of Church. St. Petersburg, 2003.
15. Sokolskaya L. V. Reception as a historical form of legal acculturation // Actual problems of Russian law. 2014. № 8 (45).
16. Solovyev V. S. Essays: in 2 vols. Moscow, 1989. Vol. 1.
17. Tikhomirov M. N. The peasant and urban uprising in Ancient Russia. Moscow, 1956.
18. Tikhomirov M. N. A manual for the study of Russian Pravda. Moscow, 1953.
19. Tomsinov V. A. About the nature of the phenomenon called reception of Roman law // Bulletin of the Moscow university. 1998. № 4.
20. Schapov Ya. N. The legal heritage of Byzantine and southern Slavs in Russia in the XI–XIII centuries. Moscow, 1978.
21. Schapov Ya. N. Princely charters and the Church in Ancient Russia XI–XIV centuries. Moscow, 1972.

Куликова Элла Германовна
Kulikova Ella Germanovna

заведующий кафедрой русского языка и культуры речи Ростовского государственного экономического университета (РИНХ) доктор филологических наук, профессор.

Head, Department of Russian Language and Speech Culture, Rostov State University of Economics, Doctor of Philology, Professor.

Тел.: 8 (988) 943-03-77.

СОЦИАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ИДЕЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКОЛОГИИ*

Social Communication and Social Relationships in the context of Linguistic ecology

Статья посвящена этикету в социальной коммуникации, формы которого способны оказывать гармоничное речевое воздействие на участников общения. Автор отмечает, что выбор лингвоэкологического принципа как варианта этикетного общения позволит сделать коммуникацию комфортной для всех реципиентов.

The article is devoted to etiquette in social communication. Forms of etiquette are able to provide a harmonious speech influence on participants of communication. The author notes that the choice of the linguoecology principle as option of etiquette communication will allow to make communication comfortable for all recipients.

Ключевые слова: социальная коммуникация, этикет, норма, лингвоэкология, вежливость.

Keywords: social communication, etiquette, norm, linguoecology, courtesy.

Знаки культуры, к выработке которых неизбежно приводит речевое общение, демонстрируют в своей совокупности нормы коммуникации, которые могут распространяться и перениматься в процессе усвоения и демонстрации образцов. В качестве гармонизирующего речевого воздействия на участников коммуникации используются устойчивые формулы этикета.

Антропология рассматривает этикет в широком и узком смыслах. При широком подходе всякое поведение человека трактуется в качестве этикетного, включающего всю совокупность норм и правил поведения, относящихся к внешним проявлениям во взаимоотношениях с людьми (общение с окружающими, формы обращений, приветствий, манеры, одежда, поведение в публичных местах). Общественно значимые ситуации, которые требуют особого этикетного (церемонного, официального, подчеркнутого) поведения при узком подходе противопоставляются естественным, бытовым, которые не требуют обязательных условностей.

Устоявшиеся формы этикета способны оказывать гармоничное речевое воздействие

на участников коммуникации. Этикет выполняет опознавательную, регулятивную, идентификационную, этическую и коммуникативную функции в социуме. По словам Дж. Лича [14, с. 23–27], мера необходимой вежливости напрямую зависит от таких прагматических компонентов, как власть реципиента над отправителем сообщения, социальное «расстояние» между коммуникантами, количество усилий, затраченных реципиентом на данный речевой акт.

Этикет ассоциируется с вежливой коммуникацией. Поскольку этикет является мотивацией для любого коммуникативного поведения, вежливость характеризуется двумя разновидностями: положительной и отрицательной. Негативная (отрицательная) вежливость направлена на максимальное сокращение невежливости в общении и нивелирование коммуникативного конфликта. Основной ее функцией является сокращение, предотвращение агрессии в коммуникации, сохранение, поддержание свободы поступков, соблюдение необходимой дистанции между участниками коммуникации. С этой целью во всех лингвокультурах выработан определенный арсенал как

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-04-00037.

вербальных, так и паравербальных стратегий, способов выражения. Вежливостью называется уважение к человеку. При этом она может иметь разнообразную палитру значений: это и корректность, подчеркнутая официальность; и учтивость, которую можно назвать почтительной вежливостью; и любезность как стремление и желание быть полезным и приятным, а также деликатность как особая тонкость и мягкость в понимании и общении с другими. Естественно, что к стратегиям положительной вежливости относится и максимально полное уважение и почтение к адресату, в ней реализуется тактика достижения согласия.

Русская речевая культура и речевой этикет как никогда сегодня нуждаются во всестороннем и глубоком изучении, сохранении, разумной и посильной реставрации.

Под этикетом понимается привязанная к шаблонным ситуациям функционально-семантическая система единиц языка, заданных обществом, имеющих национально-культурную специфику и регулирующих речевое поведение. Речевой этикет, являясь ритуализированным речевым действием, располагает богатой синонимикой, которая позволяет представить особенности развертывания общественной деятельности в коммуникации. «Сокращенность» значения формул этикета восполняют тонкой прагматической (экспрессивно-стилистической) градацией, учет которой представляет известную трудность. Впрочем, именно семантика единиц, составляющих этикетные формулы, определяет уместность или неуместность их использования. Ср., как нарушение этико-лингвистической нормы ощущается самим говорящим: Он [следователь Лев Гуров] *помедлил, кашлянул, произнес: Добрый день! – И тут же понял, что такое приветствие звучит нелепо: приехали к покойнику. Из боковой двери вышел атлетически сложенный мужчина:*

– *Милиция? Мы вас ждем, проходите.*

Лева заглянул в комнату, увидел на полу тело, повернулся к товарищам: мол, проходите, приступайте (Н. Леонов «Ловушка»).

Будучи в высшей степени динамическим образованием, этикет подвержен влияниям экстралингвистического характера, и многие существенные изменения в русском этикете произошли в последнее десятилетие. Этикет-

ными формулами исчерпывается так называемая фатическая коммуникация. Основная функция фатического общения – контакт (установление, проверка и поддержание контакта, а также методическое разрушение контакта). При фатическом общении не столько важна информация, которую говорящие передают друг другу, сколько исключительно психологический контакт, который в дальнейшем может стать основой и более содержательного, информативного общения. Фатическое общение, которое имеет целью саму речь в качестве источника самосознания человека, характеризует особый тип коммуникативного поведения.

Когда задается вопрос: *Как дела?* – не ожидается длинный отчет о делах. Однако, по русскому этикету, задавший этот вопрос должен быть готов потратить несколько секунд, чтобы выслушать ответ. Кроме того, важно, что этот вопрос уместен только в отношении к младшему или равному по возрасту и по положению в социальной иерархии.

Еще недавно в русской лингвокультуре на вопросы: *Как дела? Как Вы поживаете? Как Вы?* предполагался ответ; в настоящее время, вероятно, в результате влияния английской лингвокультуры [8], эти вопросы переходят постепенно в стандартную форму приветствия, которая не требует полного ответа. При этом в русской лингвокультуре принято отвечать сдержанно: *Нормально. Ничего. Хорошо.* Такой ответ, как *Прекрасно!* не используют из суеверных соображений. В том случае, когда после этикетного вопроса следует подробный ответ, фатическая коммуникация переходит в информативную.

Известный теоретик лексикографии В. Д. Девкин [4] считает необходимыми и важными словарями фатических выражений, которые будут способствовать установлению, поддержанию и прекращению речевого общения. Разговоры о погоде часто используются исключительно в качестве фатического средства, и важно, чтобы такое облигаторное явление нашло отражение в специальном словаре. Сказать просто: *Здравствуйте!* без имени (имени и отчества) приветствуемого всегда считалось неучтивым. Прагматика такого приветствия без именования изменилась: оно допустимо в некоторых ситуациях, притом, конечно, что приветствие с именем – более вежливый вариант.

В русской лингвокультуре является социально значимой дифференциация обращений на *Вы* и на *ты*, каждое из которых может меняться в соответствии с условиями общения («ты» детское, отеческое, начальственное, дружеское и «ты» хамское). Сегодня этикетные нормы использования личного местоимения претерпели значительные изменения, которые касаются, прежде всего, расширения использования форм единственного числа [2; 3]. Чтобы продемонстрировать уважение к собеседнику, коммуниканты используют форму множественного числа. «Естественный» человек в процессе общения обращается ко всем на *ты*, образованный человек понимает разницу и различает формы *Вы* и *ты*, интеллигентный человек ко всем незнакомым людям использует только обращение *Вы* (не принято «тыкать» – это оскорбительно). Сегодня СМИ активно внедряют в публичную коммуникацию и формы единственного числа.

Употребление вежливого местоимения второго лица множественного числа всегда ассоциировалось с важнейшим требованием нравственного, уважительного отношения к человеку, признанием его достоинства. Эта форма стала неотъемлемой чертой таких важных понятий, как справедливость и равенство. «*Вы* – социальный знак; стачки и бунты начала XX века в числе требований содержали такое: ко всем обращаться на *Вы*; первый декрет Временного правительства 1917 года отменил “тыканье” солдатам со стороны офицеров. *Вы* – символ иерархии; начальник к подчиненным обращается на *ты*, подчиненные к нему – на *Вы*. То же соотношение и при возрастных различиях собеседников», – писал В. В. Колесов [5, с. 177].

В. З. Санников отмечал, что местоимение *ты* является обычным, когда обращаются к животным или растениям, явлениям природы – морю, солнцу и т. п. Это внедиалоговое употребление местоимения, поскольку его используют не в реальном диалоге, а мысленно [9, с. 82–83]. Автор пишет, что причиной «тыканья» богу или покойнику, несмотря на почтительно-трепетное отношение к ним, является отсутствие реальной коммуникации. Лицу, к которому обращались на *Вы* или с которым не были вообще знакомы, говорим: *Спи спокойно, дорогой друг!* [9].

Ю. Д. Апресяном было обращено внимание на такие случаи, при которых обращение на *ты* не воспринимается как грубое или фамильярное, а, наоборот, является узуальным и нормативным в русском языке. Ребенку можно говорить только *ты*, *Вы* выглядело бы определенным образом аффектированным [1, с. 644–645]. К литературной норме, без всякого налета грубости или фамильярности, относится *ты* при мысленном обращении к любому человеку (в родовом статусе), которого призывают к выполнению долга, предупреждают о грозящей в определенном случае опасности. Такие формулы используются при мысленном обращении к явлениям природы, космическим объектам (к олицетворениям природы в том числе), городам, странам. К животным также обращаются на *ты*.

Хорошо известны (прописаны даже в школьных учебниках) этикетные ограничения на использование местоимений *он*, *она* в присутствии человека, которого это местоимение называет. Пособия по культуре речи и этикету объясняют такую норму тем, что местоимение третьего лица должно именовать того человека, который не участвует в диалоге; соответственно, такое именование присутствующего при разговоре как бы выводит его за рамки коммуникации, что является невежливым. Вежливым будет именование – имя, имя-отчество. Как пишет В. В. Колесов, «в присутствии третьего не говорят *он*, *она* – это оскорбительно, потому что удаляет участника разговора за пределы видимости, хотя он находится рядом» [5, с. 176].

Основным средством самовыражения является местоимение *я*. Если говорящий / пишущий многократно употребляет местоимение 1-го лица *я* в одном и том же речевом произведении, то это создает впечатление нескромности, нарушает главное правило ведения коммуникации, которое предписывает говорящему собственное *я* не делать центром внимания. Отсюда известные напоминания о том, что *я* – последняя буква алфавита. В русском языке в большинстве случаев предпочтительно подлежащее с незамещенной позицией (односоставное предложение). Тем не менее есть такие ситуации, в которых этикет предписывает использовать местоимения 1-го лица. В числе ситуаций, в которых «избыточное» представление *я* допускается, Н. И. Формановская на-

зывает этикетные ситуации при выражении приглашения, просьбы, сочувствия: «...со-чувствовать – чувствовать совместно. Наш адресат должен знать, что он в беде не одинок, что рядом с ним утешающий, и в выражениях снова возникает я: *Я так тебя понимаю! Я очень сочувствую Вам!*» [10, с. 76].

Просьба является чаще всего отражением интересов говорящего, чтобы выразить просьбу нередко используют предложения, языковая структура которых эксплицитно содержит я (вместе с ты-ориентированными предложениями): *Я Вас прошу, Я хочу Вас попросить, Я хотел бы Вас попросить, Мне хотелось бы Вас попросить* (нисходящая градация в просьбе – по убыванию категоричности). Решительность и осознанность действий адресанта получают выражение в соответствующих двусоставных предложениях (*Я хочу... Я прошу...*), более уместных в коммуникативной ситуации настоящей, убедительной просьбы.

Возвращение, допустимость формы обращения на ты во многих сферах межличностной коммуникации связывают с заимствованием, точнее – с заимствованием англо-американской коммуникативной стратегии, которая в том числе находит отражение и в редукции отчества. Согласно новым правилам речевого этикета во многих деловых коллективах допускается обращение без отчества, только по имени, в том числе к лицу, которое находится на более высокой ступени в социальной иерархии. Возможно, что это пока только тенденция, которая в наибольшей степени проявляется в современном бизнес-сообществе и которую настойчиво культивирует телевидение. К приглашенному в телестудию гостю, имеющему высокий социальный статус, ведущий ток-шоу сегодня обращается только по имени-отчеству, а в 3-см лице, то есть в речи, которая не адресована ему, использует только имя. М. В. Колпунова в пособии, адресованном студентам вузов, пишет: «Грубейшим нарушением норм русского речевого этикета является складывающаяся под влиянием западной культуры тенденция двуименного официального обозначения (имя и фамилия) первых лиц государства: *Борис Ельцин, Евгений Примаков*. Эта тенденция нарушает традиции трехименного обозначения лица и представляет собой жест неуважитель-

ного отношения к особо важной персоне, так как именование является индексацией статуса человека. Только развернутые трехименные именованья – *Борис Николаевич Ельцин, Евгений Максимович Примаков* – являются единственно допустимыми в этом случае согласно нормам русского речевого этикета» [6, с. 226]. За прошедшие 15 лет норма в этом отношении существенно изменилась: редукция отчества стала более обычной, круг ситуаций, в которых строго применяются отчества, значительно сузился. Утрата русского отчества – привнесенная черта, которая полностью обусловлена современными условиями жизни и внешним влиянием, потому что, кроме рецепции в сфере лексики и грамматики, в тесном контакте различных лингвокультур может заимствоваться и коммуникативная стратегия, в том числе в сфере этикета. Сегодня даже в официально-деловом общении не требуется непременно использование имени-отчества. Эта черта, хотя и заимствованная, в русской речи уже является объективной реальностью. Но сказать *Сергей Эйзенштейн – мой учитель* по-прежнему нельзя. Вообще в педагогическом дискурсе отчество в полной мере сохраняет прежние позиции. Хорошо известно, что люди старшего поколения болезненно переживают тенденции, связанные с редукцией отчества. Ср. факт, приведенный Н. И. Формановской: в провинциальном городе поставили памятник Пушкину с надписью *Александр Пушкин*. Жители города «перессорились» из-за надписи на пьедестале: одни считали, что можно написать только *Александр Сергеевич Пушкин*, другие – *Александр Пушкин* [11, с. 68]. Обращение только по фамилии обязательно указывает на статусные различия: так обращается лицо, находящееся на более высокой ступени социальной лестницы, к лицу, имеющему более низкий социальный статус (начальник к подчиненному, медработник к пациенту, учитель к ученику, офицер к курсанту и так далее). Обратное является разрушением иерархии и отступлением от норм этики. Но эта этикетная норма не всегда существовала. Использование только фамилии лица, к которому обращаются, могло обозначать дистанцию, официальность, отсутствие дружеских отношений и даже быть нейтральным.

Этот «заграничный обычай» пришел и в Россию. В XIX веке фамилию как обращение часто использовали в отношении малознакомых, неблизких людей. Татьяна в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин» использует обращение *Онегин*, она по-другому просто не могла обратиться к малознакомому человеку (и только мысленно она может называть его по имени: *Здесь он! Здесь Евгений!*). В комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» Софья также обращается к главному герою по фамилии – *Чацкий*, и этим обращением подчеркивает отчуждение. Преведняя доминантность в качестве обращения слова *товарищ* сохранилась сегодня только в армии. Согласно информации, которую дает Полная энциклопедия этикета [12, с. 95], 73 года советской власти «способствовали» тому, оно стало популярным в России и вряд ли имеет тенденции к исчезновению, несмотря на форму *господин*, которая вновь возвращается постепенно в обиход. Но, скорее всего, правы те, кто полагает обращение *товарищ* уместным на митинге КПРФ или в том случае, если коммуниканты действительно являются товарищами (друзьями). К обращению *господин* русское общество постепенно привыкает: представление о том, что такое обращение неприемлемо к людям с невысоким социальным статусом, сгладилося, хотя как обращение к незнакомому человеку оно по-прежнему не используется. Внутренняя форма слова, которая ассоциативно связывает его с идеей, понятием господства, по-прежнему обуславливает ограничения в употреблении. Таким образом, общепринятого нейтрального обращения, которое подходило бы для всех ситуаций, не существует. И хотя лакуна сохраняется уже на протяжении минимум двух десятилетий, у галлицизмов, которые использовались в качестве обращений в дореволюционной России, нет шансов вернуться в этом качестве: за ними закрепилась исключительно ироническая модальность (*мадам Брошкина* как сценический образ Пугачевой). По-прежнему экологическим принципам соответствует отказ от прямого обращения и замена его словами *извините*, *простите*, поскольку все другие способы, особенно обращения *мужчина*, *женщина*, маркированы как просторечные.

Ю. Поляков в повести «Демгородок» использует аббревиатуру *господарщ*, с помощью которой (по мысли только ее создателя) преодо-

левается лакуна, образовавшаяся в русской системе речевого этикета с уходом на периферию слова *товарищ*. Как пишет И. Б. Лобанов, достаточно широкая практика использования обращения *господин/госпожа* в ситуациях официального общения и в СМИ постепенно нейтрализует негативные оценки [13, с. 106–107]. Ученый с большим чувством пишет о том, как хороши эти обращения: «Можно включить фантазию и представить себе, что социальные отношения будут связывать не рабов и господ, как полагают противники данного обращения, а господ и ...господ. В таком случае обращение ...окажется выражением уважения к другому человеку, которое непременно подкреплено встречным уважением. Произнося слово *господин*, не нужно превращаться в раба! Нужно чувствовать себя господином – равным своему собеседнику и не менее достойным, чем он. И в таком случае слова утрачивают свою сословно-классовую природу, трансформируясь в обычные вежливые выражения. И нет смысла вкладывать в них представление о социальном неравенстве. Об этом надо просто забыть! *Господин дворник, господин водитель* – это нормально!» [13, с. 108]. Думаем, что жизнь подтвердит правоту цитируемого автора, но к таким изменениям в этикете должны привести масштабные позитивные перемены в социальной и экономической жизни нашей страны.

Русское языковое сознание, считает И. Б. Лобанов, склонно воспринимать это обращение как универсальное, интернациональное, как эквивалент национально-специфическим *мистер/мисс*. Менее понятна характеристика обращения *сударь/сударыня* в качестве «ироничных, шуточно-вежливых, как бы заигрывающих» [13]. И при этом И. Б. Лобанов рекомендует их для «текущего общения в магазине, общественном транспорте» [13].

Не думаем, что эти обращения играют сколько-нибудь заметную роль в современном этикете. Это тем более удивительно, что они, лишённые тех коннотаций, которыми отягощены как *товарищ*, так и *господин*, наилучшим образом подходят для нейтрального обращения. В середине 90-х годов XX века знаменитый офтальмолог и кандидат в президенты С. Федоров активно внедрял это обращение и даже вел телепередачу под названием «Сударь». Однако популярность этого обращения, по нашим на-

блюдениям, нисколько не возросла за прошедшие два десятилетия.

Согласно современным этикетным нормам, обращение *профессор* считается разговорным, полуофициальным и вежливым. Из двух существующих наименований по профессии – *врач* и *доктор* – только *доктор* может использоваться как обращение в ситуации, когда пациент не имеет возможности обратиться по имени-отчеству (возможно, это связано с этимологией слова *врач*).

Широко распространены имеющие ограничения по возрасту обращения *молодой человек* и *девушка*. Если современный русский язык при обращении к молодым по возрасту людям выработал какие-то варианты обращений в пределах литературного языка (хотя и в его разговорно-обиходной разновидности), то какого-то приемлемого, допустимого обращения к людям старшего возраста все еще нет. В культурном сообществе невозможно обращаться к незнакомым людям «по половому признаку» (*мужчина, женщина*), приходится заполнять лакуну формами извинения. Соответствие лингвоэкологическим принципам в этом случае состоит в том, чтобы следовать узусу культурного сообщества. Обращение, по сути, является перформативным и относится к сигналам установления контакта и определенных отношений между собеседниками в процессе коммуникации. Именно поэтому обращения так зависят от экстралингвистических условий. Заметим, однако, что отсутствие нейтральных обращений к незнакомому человеку вынуждает прибегать к извинениям.

Этикетные формы динамичны, что обусловливает сосуществование новых и устаревающих форм, которые эмоционально оцениваются носителями языка. В воспоминаниях К. И. Чуковского о Кони читаем: *Один милый почтительный юноша, уходя от него,*

сказал ему вместо «до свидания» – «пока». Кони был так возмущен, словно тот кровно обидел его.

Не меньшее возмущение вызывает современное *пока-пока*, которое усвоили некоторые телеведущие. Эту модификацию просторечного прощания *пока* М. А. Кронгауз называет «ужасной»: «У каждого времени свои пугала. Сегодня появилось... ужасное *пока-пока!* В первый раз я услышал его в телепередаче Сергея Шолохова “Тихий дом” ...меня поразил убыстренный темп речи, так что слышалось только «*пка-пка!*». Конечно же, это «*пка-пка!*» было только модной калькой с английского «*bye-bye!*» [7, с. 114–115].

Этикет представляет собой систему норм и правил, в которых ритуализируется поведение (в том числе и коммуникативное), и имеет различные градации в социальной коммуникации. Формулы этикета бывают достаточно жесткими и в то же время свободными, и чем официальнее коммуникативная ситуация, тем этикетные требования оказываются более жестко регламентированными. Нормы этикетной вариативности обусловлены многими обстоятельствами (национально-специфическими и универсальными особенностями, социолингвистическими характеристиками условий коммуникации, статусными различиями коммуникантов). Итак, нормы речевого этикета, то есть такого коммуникативного поведения, которое обусловлено культурными и ситуативными нормами, в высшей степени динамичны: старые этикетные нормы оказываются «размытыми», а многие новые находятся еще в стадии становления. И соответствие лингвоэкологическому принципу при выборе варианта этикетного общения обусловлено главной интенцией – сделать коммуникацию комфортной для всех ее участников.

Литература

1. Апресян Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Интегральное описание языка и системная лексикография. Избранные труды. М., 1995. Т. II.
2. Брусенская Л. А. Множественное число отвлеченных существительных // Русский язык в школе. 2012. № 6.
3. Брусенская Л. А. Гендер как продукт

Bibliography

1. Apresyan Yu. D. Deixis in lexicon and grammar and naive model of the world // Integral description of language and systemic lexicography. Selected works. Moscow, 1995. Vol. II.
2. Brusenskaya L. A. Plural of abstract nouns // Russian language in school. 2012. № 6.
3. Brusenskaya L. A. Gender as a product of culture and social relations: principles of gender

культуры и социальных отношений: принципы гендерного словаря // European social science journal. 2014. № 4. Vol. 10-1 (49).

4. Девкин В. Д. О неродившихся немецких и русских словарях // Вопросы языкознания. 2001. № 1.

5. Колесов В. В. Язык и ментальность. СПб., 2004.

6. Колтунова М. В. Язык и деловое общение. Нормы. Риторика. Этикет: учебное пособие для вузов. М., 2000.

7. Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. М., 2008.

8. Ларина Т. В. Англичане и русские: язык, культура, коммуникация. М., 2013.

9. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. М., 1999.

10. Формановская Н. И. Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1987.

11. Формановская Н. И. Нужно ли русскому человеку отчество? // Русская речь. 2004. № 5.

12. Южин В. И. Полная энциклопедия этикета. М., 2007.

13. Лобанов И. Б. Говорим правильно по-русски: речевой этикет. Ростов н/Д, 2013.

14. Leech G. N. Language and tact (L.A.U.T. series A Parer № 46). Trier, 1977.

dictionary // European journal of social sciences. 2014. № 4. Vol. 10-1 (49).

4. Devkin V. D. About the unborn German and Russian dictionaries // Problems of linguistics. 2001. № 1.

5. Kolesov V. V. Language and mentality. St. Petersburg, 2004.

6. Koltunova M. V. Language and business communication. Norm. Rhetoric. Etiquette: textbook for high schools. Moscow, 2000.

7. Krongauz M. A. Russian Language on the verge of a nervous breakdown. Moscow, 2008.

8. Larina T. V. British and Russian: language, culture, communication. Moscow, 2013.

9. Sannikov V. Z. Russian language in the mirror language game. Moscow, 1999.

10. Formanovskaya N. I. Russian speech etiquette: linguistic and methodological aspects. 2-e ed., rev. Moscow, 1987.

11. Formanovskaya N. I. Do Russian people need middle name? // Russian Speech. 2004. № 5.

12. Yuzhin V. I. Complete encyclopedia of etiquette. Moscow, 2007.

13. Lobanov I. B. We speak correctly in Russian: speech etiquette. Rostov-on-Don, 2013.

14. Leech G. N. Language and tact (L. A. U. T. series Parer 46). Trier, 1977.

Фетисов Тимофей (протоиерей)
Fetisov Timofei (archpriest)

ректор Донской духовной семинарии кандидат богословия.

Rector of the Don Theological Seminary, PhD in Theology.

Тел.: 8 (928) 159-17-50.

БОГОСЛОВИЕ КЕНОЗИСА В ХРИСТИАНСКОМ ПОНИМАНИИ ПРАВА

Theology of the kenosis in the Christian concept of law

Автор в статье раскрывает кенотические истоки библейского права в контексте теократического принципа абсолютной власти, находя в их связи онтологическое единство любви и справедливости, нравственности и закона. Делает вывод о том, что право гораздо шире отведенных ему законодательных границ и включает в себя все то, что способно стать регулятором нормативного поведения человека в социуме, в частности религиозные идеи и ценности.

Ключевые слова: кенозис, кенотическое право, теократия, власть, закон, справедливость, монотеистическая этика, послушание.

The author describes kenotic sources of biblical law in the context of the theocratic principle of absolute power in the present article, showing the ontological unity of love and justice, morality and law in their communications. Concludes that the law is much broader than its legislative frontiers and includes everything that is able to be a regulator of normative human behavior in the society, in particular, religious ideas and values.

Keywords: kenosis, kenotic right, theocracy, power, law, justice, monotheistic ethics, obedience.

Понятие «кенозис» прочно вошло в тезаурус восточной патристики и в целом христианского богословия как результат осмысления известного христологического текста святого апостола Павла (Фил. 2, 5-8) об уничижении и славе Спасителя. Наряду с этим в аскетической литературе кенозис имеет также антропологический глубоко личностный смысл и отождествляется с добродетелью смирения [6, с. 82].

То или иное понимание понятия «кенозис» определяло развитие целых богословских направлений на почве православия, католичества и протестантизма, в свою очередь, повлиявших на теоретико-рефлексивный горизонт философской мысли. Выявлению этого влияния посвящено, в частности, исследование В. Б. Рожковского [21].

Следует отметить, что исследователи в области философии или богословия права пытались раскрыть смысл и природу этого феноменального явления. И если для светского ученого игнорирование библейских идей и ценностей является предсказуемым и в какой-то степени даже оправданным, то для богослова, исследующего божественное происхождение права, такая постановка вопроса является упущением.

Мы не разделяем точку зрения тех исследователей, которые считают, что право исчезает там, где начинается религия с ее нравственными установками. Особые этические потенции высокого аксиологического порядка, изначально заложенные в праве, позволили ввести в философско-правовой оборот научные выражения, которые встречаются, например, в работах таких выдающихся теоретиков права, как И. А. Ильин или Е. В. Спекторский: «христианское правосознание» [7, с. 185], «христианская философия права», «юриспруденция Нового Завета» [17, с. 343] и т. п. Однако, полагаем, что с точки зрения богословия права смысл, вкладываемый в эти выражения, остается несколько неопределенным. Предлагая новый, вынесенный в название правовой термин, мы не претендуем на выявление некоего отдельного вида права. В данном случае понятие «кенотическое» обозначает некое свойство, признак или качество, раскрывающее смысл и содержание исследуемого нами библейского права. Таким образом, задачей данной работы является исследование специфики библейского права, заключающейся, на наш взгляд, в его особом, кенотическом характере.

Следует уточнить, что библейское право мы намерены рассмотреть как единый по своему генезису и целеполаганию феномен, данный первым людям, конкретизированный в Синайском законодательстве и получивший свое максимальное раскрытие в учении Божественного законодателя Нового Завета. Поэтому под библейским правом понимаются все религиозно-правовые нормы и идеи, которые имеют божественное происхождение.

Несложно обнаружить, что в рамках библейского богословия отношения человека и Бога чаще всего выражаются в правовых категориях власти и послушания, нарушения закона и раскаяния. Эти правоотношения тем не менее носят особый характер, который им придает любовь, заключающаяся в основе закона. Так, первой нормой, регулирующей поведение Адама и Евы, была заповедь о «невкушении запретного плода», в которой легко прослеживается структура любого правового установления «если-то-иначе».

Однако это не означает, что протозакон охранял какие-то особые интересы Бога, тем более Его права собственности на данный плод. Первозаповедь должна была уберечь людей от греха непослушания и самости, которые понимались как преступление против взаимной любви Отца и первозданной пары, попрание отеческой власти любви Творца. Поэтому состав преступления первого беззакония состоял в попрании любви, которая выражалась через заповедь.

Любовь лежала в основе закона, и потому проступок против любви и стал первым в истории нарушением закона. С внешней же стороны причина грехопадения первых людей состояла в несоблюдении единственного закона, что явилось следствием утраты смирения. Если бы первые люди пребывали в смирении, то закон не был бы нарушен. Бог заповедал, что «вкусать от древа добра и зла есть зло». Несмотря на это Ева, а затем и Адам, вероломно присвоили себе право самим определять, что есть добро и что зло. Так впервые появляется то, что с точки зрения философии объяснит И. Кант и назовет «автономной этикой».

Следует заметить, что в библейском богословии не существует независимой от Бога морали и этики. В системе монотеистической этики, где царствует теократический принцип, моральные ценности не имеют никакого другого

основания, кроме воли Бога, который и определяет, что есть добро и зло. Теократический принцип библейского права приучал ветхозаветного человека к покорности воле Творца посредством данного Им Синайского законодательства. Тем не менее беззакония народа Израильского много раз приводили его к тяжелым историческим испытаниям, в результате которых смирение как априорное знание того, что только воля Бога, а не своя воля, ведет ко благу ко времени прихода Мессии, стало важнейшим внутренним элементом библейского правосознания.

Благодаря дисциплине послушания закону до эпохи Нового Завета смирение осознавалось не только как аскетическая, но и религиозно-правовая добродетель. Обусловлено это было рядом причин. Во-первых, Израиль отождествил юридически точное следование Моисееву законодательству с религиозным поклонением и служением Богу. Во-вторых, добродетель послушания закону Божию в практической плоскости обеспечивала равные права членов Израильского государства, причастность к которому обозначалась через участие в Синайском завете – так называемом «завете послушания». Когда ветхозаветное законодательство принималось вместе с Синайским заветом, договор сопровождался жертвоприношением. Эта традиционная для древнего права сакраментальная деталь юридического акта на религиозном языке означала, что ради выполнения договора человек готов принести в жертву нечто для себя ценное.

Послушание Богу уже в Ветхом Завете имело кенотические черты, ибо предполагало и принесение в жертву своей воли, своей внешней свободы, которая ограничивалась рядом жестких правил в договоре. Ветхий Завет исполняется пришествием Мессии. Бог не только отказывается от жертв, предлагаемых человеком, но и в бескрайнем умалении Своим добровольно становится закланным Агнцем. Заключение Нового Завета скрепляется не кровью тельцов, а собственной кровью воплощенного Бога. Что бы человек ни вознамерился принести Богу в качестве жертвы, отныне теряет всякую ценность, поскольку ничто в мире не может превзойти цены той жертвы, в которой Он есть и приносящий и приносимый. Следовательно, вступить в Новый Завет с Богом, Завет, основанный на его крови (Лк. 22, 20),

---

с этого момента возможно лишь через сопричастность жертве великого первосвященника. Отношения с Богом теперь не разграничены двумя сторонами договора. Человек не один, как в Ветхом Завете, несет свои обязательства, но Бог своим крестом участвует в них лично, разделяя боль, страдания и смерть со своим творением.

Таким образом, служение Творцу и участие в Его Новом Завете хотя и утратили договорно-возмездный принцип, но приобрели еще более жертвенный, кенотический характер. Если Ветхий Завет регламентировал жертвы посредством закона, то Новый Завет провозгласил жертву как закон, основной принцип социальной жизни.

Как правило, никто никогда не возражает против того, чтобы признавать библейское законодательство в его ветхозаветной части правом, а его заповеди – нравственно-юридическими мононормами. Но когда речь заходит о Новом Завете, то многие соглашаются с теми, что учение Христа – прямой антипод права. В контексте вышесказанного напомним, что сама по себе заповедь о любви к ближним отнюдь не нова, ведь мы находим ее еще в Книге Левит (Лев. 19,18), а значит, Христос цитирует ту самую заповедь, которая в Ветхом Завете уже была неотъемлемой нормой законодательства Моисея. Нормой она остается и в Новом Завете и даже делается основополагающим правовым принципом. Она не только не теряет статус закона, но признается сутью и основой Богоустановленного права (Мф. 22, 35-40). Единственным отличием здесь является новое понимание образа этой любви – «как Я возлюбил вас», то есть любви бесконечной, не останавливающейся перед необходимостью пожертвовать не только чем-то личным во имя ближнего, но способной отдать, подобно Христу, и саму жизнь. Древний юридический принцип «каждому – свое», который считали классики сущностью права, в кенотическом праве Христа замещается противоположным установлением: «Никто не ищи своего, каждый пользы другого» (1 Кор. 10, 24), где благо другого видится как свое собственное.

Естественно предположить, что здесь возникнет возражение со стороны секулярных правоведов. Заметим, что кенотическое правопонимание действительно крайне непонятно светскому юристу, твердо выучившему, что

сущность права содержится в справедливости, а не в *любви*. Основное заблуждение, являющееся препятствием понимания сущности кенотического права, состоит в расхожем восприятии любви как некоей эмоции, очень сильной симпатии, вкусового предпочтения или романтической страсти. Поэтому для уразумения евангельского понимания права необходимо вначале раскрыть христианское учение о любви, согласно которому она заключается в способности самоотречения, возможности жертвовать своими интересами или даже самой жизнью в пользу другого.

В христианской любви отсутствуют сентиментальные или романтические мотивы, а движущей силой является желание блага другому человеку. По этой причине даже наказание, которое, на первый взгляд, кажется необходимым возмездием и проявлением справедливости, на самом деле будет ничем иным как проявлением любви, постольку оно служит исправлению или искоренению греха, препятствующего вечному спасению. Справедливость несколько не противоречит любви, если она продиктована не возмездием, а заботой о нравственном исправлении преступника, «основанием, побуждением и целью правосудия должна быть любовь» [17, с. 152–153]. Цель кенотически понятого правосудия заключается в том, чтобы преступивший закон воскликнул вместе с Псалмопевцем: «Благо мне, что я пострадал, дабы научиться уставам Твоим» (Пс. 118; 71).

Взгляд на справедливость как на равное воздаяние характерен не только для секулярного правоведения. Так же справедливость, лишь с оговоркой на ее метафизическое происхождение, понимают сторонники Божественного происхождения естественного права. Однако притча Христа о рабочих, получивших равную плату за разный труд, разрушает все классические стереотипы справедливости. В этом Евангельском откровении мы видим, как хозяин заплатил тем, кто работал с самого утра, и тем, кто трудился только один час, одинаковое вознаграждение – один динарий. С точки зрения естественной нормы это вопиющая несправедливость. Однако хозяин «... в ответ сказал одному из них: “Друг! Я не обижаю тебя; не за динарий ли ты договорился со мною? Возьми свое и пойдешь; я же хочу дать этому последнему то же, что и тебе; раз-

ве я не властен в своем делать, что хочу? Или глаз твой завистлив от того, что я добр?»» (Мф. 20, 13–15). В этом отрывке Евангелия мы видим следующие отличительные свойства Божественной справедливости:

1) она совершается властью и господством Бога («разве Я не властен в своем делать, что хочу?»);

2) свобода человека и его права не нарушаются («возьми свое и пойдди»);

3) Бог, несмотря на неравные заслуги, воздает всем равную любовь («последнему то же, что и тебе»);

4) божественная справедливость совершается по его любви («Я добр»).

На наш взгляд, телеологическое единство справедливости и любви наиболее полно и ярко раскрывается в богословии кенозиса, центральной идеей которого является добровольное, даже до Креста, самоумаление Бога. Ведь именно на искупительном Кресте посредством жертвенной любви Господа нашего Иисуса Христа была восстановлена справедливость. Крест Христов становится, таким образом, онтологическим источником кенотического права.

Отрицая любовь как основание права, было бы непоследовательным искать его в справедливости, поскольку справедливость, как и любовь, является, нравственным принципом, тесно связанным с миром идеального. В этом смысле любовь – не более идеальное, умоглядное понятие, чем справедливость, которая, как мы видим, не всегда бывает выгодной. Напротив, она как проявление совести иногда требует от нас самих отказаться от каких-то прав или благ в пользу ближнего. Но как быть в тех случаях, когда сила сосредоточена в руках одного, а правда – на стороне другого? Что тогда может заставить человека быть справедливым?

Закон есть воплощенная воля Божия, которая полностью сотериологична. Это означает, что защита законных прав человека, внешне выглядящая как восстановление справедливости, в библейском понимании должна быть не служением холодно-беспристрастной богине Фемиде, а осуществлением Правды Божией, то есть исправлением последствий греха ради спасения человека. При этом основной идеей справедливости служит

милосердие, проистекающее из духа любви и сострадания к ближнему. Прекрасно пишет об этом древнехристианский апологет начала IV века Лактанций: «Ибо что есть сама человечность, как не справедливость? Что есть справедливость, как не сострадание? Сострадание же есть не что иное, как познание жертвы Господней» [1, с. 125].

Итак, справедливость, традиционно признаваемая ценностью этически более низкого порядка, нежели любовь, в христианском понимании способна быть проявлением любви. На этом можно было бы остановиться, но одинаково божественное происхождение двух вышеупомянутых ценностей и божественное их отображение понуждают искать и находить их бытийное единство. На наш взгляд, оно заключается, в частности, в том, что любовь реализуется не без справедливости. Если любовь – это жертва чем-то «своим», то кем и на чем основано признание того, что ты жертвуешь действительно «своим»? И тут мы вступаем в сферу правового, где критерием того, что есть «свое», будет принцип справедливости, разграничивающий «мое» и «твое». Этим, в сущности, и занимается юриспруденция. Следовательно, принцип любви неразрывно связан со справедливостью. Может ли быть ошибкой то, что Господь благоволил столь длинным путем вести человека к Своему Царству, используя для этой цели Царство Кесаря? Случайным ли было Его воплощение именно в цивилизации самого совершенного права? Центральная идея Нагорной проповеди есть не что иное, как требование пожертвовать своим правом, что невозможно без изначального признания законного права.

Подставить другую щеку может только тот, кто пожертвовал своим правом защищать личное достоинство. Отдать верхнюю одежду, если даже у тебя просят только одну рубашку, невозможно без жертвы правом собственности. Служить подчиненным, а не себе, можно, если ты имеешь власть на законных основаниях. И наконец, отдавая жизнь «за други своя», человек, не обязанный умирать, добровольно жертвует своим правом на жизнь. Дореволюционный автор этой мысли, профессор Харьковского университета М. А. Остроумов подытоживает: «Таким образом, мы видим, что любовь изменяет порядок, водворяемый

справедливостью, изменяет, но не отрицает, а, напротив, утверждает и признает. Любовь требует жертвы, но жертвовать я могу только тем, что мне принадлежит по справедливости, что признано за мной гражданским правом» [14, с. 433].

Таким образом, христианство не требует отказа от права, но заповедует по любви жертвовать им. Думается, именно в этом контексте необходимо трактовать известное изречение преподобного Паисия Святогорца о том, что чем больше в человеке духовного, тем меньшими правами он обладает [15, с. 115]. Примечательно, но в другом месте афонский подвижник высказывается, что у человека, живущего по Евангелию, есть «право на Божественную помощь» [15, с. 101], что можно понимать как право на любовь Божию. Без сомнения, это выражение также выявляет уникальную взаимосвязь справедливости и любви.

Онтологическое родство права и любви проявляется в самом эмпирическом опыте социальных отношений и доказывает то, что любовь, как и право, должна быть регулятором общественной жизни в здоровом обществе. Более того, только она придает государству истинную стабильность. И наоборот, справедливость в отрыве от любви может стать саморазрушительной, если точно следовать римскому юридическому принципу «*Recreat mundus et fiat justitia*» («Пусть погибнет мир, но восторжествует закон»). Неслучайно именно оскудение любви видится в православном предании главным признаком общественного кризиса, ибо «не воля к самоутверждению и самовластия способна создать и сохранить общественную жизнь, а только ее самоограничение и самообуздание. Не стихийная половая страсть создает устойчивую семью – она только разлагает последнюю, а ее самоограничение; не голод и корысть создают экономический строй, упорядоченное частное хозяйство и упорядоченное взаимодействие их между собой, – их создает честность, трудолюбие, ограничение потребностей, взаимное доверие, рождаемое выполнением обязанностей; не страх и не властолюбие творит государственное единство – оно создается готовностью к жертвам, ас-

кетизмом воина и аскетизмом гражданского служения, верою в нравственную святость государственного начала. Человек как таковой не имеет вообще никаких “прирожденных” и “естественных” прав: его единственное и действительно неотъемлемое право есть право требовать, чтобы ему было дано исполнить его обязанность. Непосредственно или косвенно к этому единственному праву сводятся все законные права человека» [19, с. 16].

Таким образом, любое право всегда должно оцениваться исходя из принципа любви. Только те права и в тех пределах достойны признания общества, которые способствуют воспитанию в его членах истинной любви к человеку и искоренению трех основных, по словам аввы Дорофея, источников всех болезней человечества: славолобия, сребролюбия, сластолюбия [13]. Смирение как ограничение собственного эгоизма в социальных отношениях может быть и правовой добродетелью. Даже в обыденной жизни неверующего лица правовое поведение предполагает некий навык смиряться перед законом, хотя бы он и не устраивал его лично и даже вступал в противоречие с его интересами. Страх уголовного или административного наказания не способен надежно защитить общество от циничного правонарушителя, ставящего свою волю выше воли не им установленных правил. «Я сам себе закон» – вот типичное кредо всякого преступника. И в данном антиправовом мышлении явно проявляется грех гордыни, который прямо противоположен добродетели смирения. Таким образом, каким бы «неюридическим» ни казалось это понятие, заимствованное из религиозного лексикона, светским правоведам приходится признать смирение одной из важных составляющих правопорядка. «Борьба с собственным эгоизмом и представляет собой деятельность подлинного правосознания. Сущность правосознания состоит в подчинении своей гордыни принципу любви к ближнему» [12, с. 104].

На наш взгляд, это справедливое утверждение в той же степени относится и к значимости эдемской истории для понимания сущности права. При этом неважно, какую версию о времени возникновения права можно признать истинной. Если считать, что право возникает

одновременно с зарождением отношений между первыми людьми, то логично отыскивать его исконный смысл в самом начале истории человечества. Если же рассматривать право как предвечную Божественную идею, как отображение свойств Бога, то и здесь мы вынуждены искать ответ в человеке, потому что он также является образом, воплощающим некие свойства Бога. Отсюда можно сделать вывод о том, что смысл и образ права тесно связаны с образом личности [3, с. 41].

Эту истину «от обратного» подтверждает тот факт, что кризис права и последовавшие вслед за этим социальные потрясения XX века явились следствием потери смысла права, который, к сожалению, был так и не найден в научном дискурсе правоведов и социологов XIX столетия. Секулярная наука к этому времени навсе-

гда отказалась от той истины, что подлинным человеком может быть только богочеловек. Таким богочеловеком призван был стать Адам, но не справился с этой задачей. Тогда Бог сам становится Адамом. Христос, Он же «новый Адам», как его традиционно именует святоотеческая мысль, и есть Тот, Кто в послушании Богу Отцу явил подлинный образ Божий в своем человечестве. Это значит, что истинный смысл права мы можем открывать в познании Господа нашего Иисуса Христа, в его богочеловеческой Личности и тех делах, которые энергично выразили Его сущность. Поэтому для понимания истинного смысла права, на наш взгляд, много больше именитых ученых сделал простой афонский монах Паисий, который однажды произнес поразительные слова: «Бог есть Смирение» [15, с. 76].

Литература

1. Алексеев Н. Н. Основы философии права. СПб., 1998.
2. Берман Г. Дж. Вера и закон: примирение права и религии. М., 1999.
3. Борщ И. В. Русская наука церковного права в первой половине XX века: поиск методологии. М., 2008.
4. Даниел Ж. Тайнство будущего: исследования о происхождении библейской типологии. М., 2013.
5. Зарин С. М. Аскетизм по православно-христианскому учению. Киев, 2006.
6. Иларион (Алфеев) (митр). Духовный мир преподобного Исаака Сирина. М., 2013.
7. Ильин И. А. Путь духовного обновления. СПб., 2004.
8. Иринеи Лионский (св.). Творения. М., 1996.
9. Киреевский И. В. Духовные основы русской жизни. М., 2007.
10. Мацейна А. Бог и свобода. М., 2009.
11. Новгородцев П. И. О своеобразных элементах философии права // Русская философия права: философия веры и нравственности. Антология. СПб., 1997.
12. Овчинников А. И. Духовный смысл права в юридической герменевтике // Правоведение. 2014. № 16.
13. Осипов А. И. Свобода христианина, свобода церкви и религиозная свобода. URL: [#### **Bibliography**](http://
</div><div data-bbox=)

1. Alekseev N. N. Fundamentals of legal philosophy. St. Petersburg, 1998.
2. Berman G. J. Belief and law: conciliation of the right and religion. Moscow, 1999.
3. Borsch I. V. The Russian science of an ecclesiastical law in the first half of the XX century: search of methodology. Moscow, 2008.
4. Daniel Zh. Tainstvo of the future: researches about an origin of a bible typology. Moscow, 2013.
5. Sarin S. M. Asceticism on orthodox christian teaching. Kiev, 2006.
6. Illarion (Alfeev), miters. Inner world of the Reverend Isaac the Syrian. Moscow, 2013.
7. Ilyin I. A. Way of spiritual updating. St. Petersburg, 2004.
8. Irenaios Lionsky (st.). Creations. Moscow, 1996.
9. Kireevsky I. V. Spiritual bases of the Russian life. Moscow, 2007.
10. Matseyna A. God and freedom. Moscow, 2009.
11. Novgorodtsev P. I. peculiar elements of philosophy of law // Russian philosophy of law: philosophy of belief and morality. Anthology. St. Petersburg, 1997.
12. Ovchinnikov A. I. Spiritual sense of the right in a legal hermeneutics // Jurisprudence. 2014. № 16.
13. Osipov A. I. Freedom of the Christian,

---

www.pravbeseda.ru/library/index.php?page=book&id=694.

14. Остроумов М. А. Принципы государственного и церковного права // Вера и разум. Харьков, 1887. Т. I. Ч. III.

15. Паисий Святогорец (св.). Слова. Т. 3: Духовная борьба. М., 2008.

16. Софроний (Сахаров) (арх.). Видеть Бога как Он есть. Свято-Иоанно-Предтеченский монастырь, Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2006.

17. Спекторский Е. В. Христианство и правовая культура // Русская философия права: философия веры и нравственности. Антология. СПб., 1997.

18. Феофан Затворник (свт.). Наставления в духовной жизни. М., 2000.

19. Франк С. Л. Религиозные основы общности // Путь. 1925. № 1.

20. Эллинек Г. Адам в учении о государстве. М., 1900.

21. Рожковский В. Б. Парадокс идеи уменьшения человека в православной мысли: монография. Ростов н/Д, 2013.

freedom of Church and religious freedom. URL: <http://www.pravbeseda.ru/library/index.php?page=book&id=694>.

14. Ostroumov M. A. Principles of the state and ecclesiastical law // Belief and reason. Kharkov, 1887. Vol. I. Part III.

15. Paisius Svyatogorets (st.). Words. Vol. 3: Spiritual fight. Moscow, 2008.

16. Sofrony (Sakharov) (arkh.). To see God as He is. Sacred St. John the Baptist Monastery, Trinity Lavra of St. Sergius, 2006.

17. Spektorsky E. V. Christianity and legal culture // Russian philosophy of law: philosophy of belief and morality. Anthology. St. Petersburg, 1997.

18. Theophan the Recluse (prelate). Manuals in spiritual life. Moscow, 2000.

19. Franc S. L. Religious bases of the public // Way. 1925. № 1.

20. Ellinek G. Adam in the doctrine about the state. Moscow, 1900.

21. Rozhkovsky V. B. A paradox of the idea of derogation of the person in an orthodox thought: monograph. Rostov-on-Don, 2013.

Фоминская Марина Дмитриевна
Fominskaya Marina Dmitrievna

профессор кафедры теории и истории государства и права Ставропольского института кооперации (филиала) Белгородского университета кооперации, экономики и права кандидат юридических наук, доцент.

Professor, Department of Theory and History of State and Law, Stavropol Institute of Cooperation (branch) of the Belgorod University of Cooperation, Economics and Law, PhD in Law, Associate Professor.
Тел.: 8 (962) 440-01-48.

СТАНОВЛЕНИЕ ХРИСТИАНСКОЙ ИДЕИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА The formation of the Christian idea of human rights

В статье анализируется процесс формирования христианской философии права и теории прав человека. Определяется правовая природа прав человека, представлена современная научная их классификация. Делается вывод о том, что христианская мысль выступила в качестве метаюридической основы становления и развития доктрины прав человека.

Ключевые слова: права человека, христианские правовые ценности, римское право, теория естественного права.

The article analyses the process of the formation of the Christian philosophy of law and of human rights theory. The legal nature of human rights is defined, their modern scientific classification is presented. Concludes that Christian thought acted as the extralegal basis of formation and development of the doctrine of human rights.

Keywords: human rights, christian legal values, roman law, theory of natural law.

Наибольшее влияние на формирование христианской философии права и теории прав человека оказало время первых веков христианства. Поэтому историю христианского правопонимания можно разделить на два этапа. Первый этап связан с Византийской имперской правовой традицией, прежде всего, речь идет о правлении святого равноапостольного императора Константина Великого, который оставил после себя не доктрины и идеи, а практическую реализацию своих идеалов – законодательство, отражающее основные ценности христианского правового сознания. Особое значение последнее имеет для правовых систем не только христианских государств, но и тех, где получили закрепление принципы европейской доктрины прав человека.

Основными ценностями законодательства Константина Великого являются: равенство всех перед законом, независимо от социального и материального положения, расовой и конфессиональной принадлежности; признание неумолимости достоинства человека, его права на жизнь, здоровье; равноправие мужчин и женщин; равенство всех народов; запрет на агрессию и захватнические войны; свобода

вероисповедания; запрет на смертную казнь и многое другое.

Христианские ценности и духовно-нравственные стандарты, революционные в положительном, нравственном смысле для государственной и общественной жизни, вопли сначала в право Римской империи, а затем и других народов Миланского эдикта, провозгласившего право на свободу веры.

«С давних пор считая, что не следует стеснять свободу богопочитания, но, напротив, надо предоставлять уму и воле каждого заниматься божественными предметами по собственному выбору, мы издали повеление, как всем другим, так и христианам хранить свою веру и свое богопочитание... Угодно нам совершенно отменить... распоряжения относительно христиан, весьма нелепые и несовместимые с нашей кротостью» [1, с. 323]. Отныне всякий мог свободно исповедовать христианскую веру. В империи, где религиозный культ играл роль государственной идеологии, такой плюрализм и свобода выбора были совершенно новым явлением.

Константин Великий отличался мягким и терпеливым характером. Он последовательно защищал христианскую веру, не выделяя ее

особенно, полагаясь на естественные превосходства красоты христианской проповеди по сравнению с языческими культами, обреченными на забвение.

В 313 году священникам христианской церкви было предоставлено право служения Творцу без несения общественных обязанностей, чтобы «они не были отвлекаемы от служения Богу». Кроме того, обеспечено полное, немедленное и беспрекословное возвращение того, что у христиан отняли во время гонений. При этом не ущемлялись права тех, кто приобрел имущество церкви: им дано было право в судебном порядке получить за него вознаграждение.

В 315 году император освободил земли церкви от налогов, отменил распятие как вид смертной казни, запретил иудеям возбуждать мятежи против христиан, приказал вернуть всех ссыльных христиан, восстановить их в должностях и вернуть конфискованную собственность им или церкви в случае смерти владельца. Кроме того, он делает церкви щедрые денежные и земельные пожертвования, принимает меры против выбрасывания родившихся детей и так далее. Константин не предпринимает никаких насильственных мер по отношению к язычеству и в своих эдиктах лишь призывает обратиться к христианству: «Для сохранения мира я постановил, чтобы и те, которые еще остаются в заблуждении язычества, пользовались таким же спокойствием, как и правоверные. Пусть и те, которые удаляются от послушания Богу, пользуются, если хотят, своими посвященными лжи храмами».

Христианское мировоззрение нашло отражение и в конституции 315 года, которая предписывает клеймить руки и голени преступников, но не лицо, поскольку оно сотворено «по образу небесной красоты» [2, с. 168].

В 318 году Константин подверг сомнению истинность и справедливость классического римского права, что являлось прямым подтверждением его христианского мышления. Так, в гражданское судопроизводство вводились христианские нормы поведения: всякое заинтересованное лицо могло по взаимному согласию с противоположной стороной передавать дело на рассмотрение церковного суда. Решение епископского суда считается непреложным.

Таким образом, епископу дано право судить по справедливости и христианской милости. При этом юрисдикция епископов распространяется на все сословия, и структуры, обладающие полномочиями светской судебной власти, должны принимать к исполнению эти решения. Все дела, подпадающие под действие гражданского права, будучи разрешены епископским судом, приобретают характер не частной, а общей нормы, то есть становятся обязательным судебным прецедентом. Римским юристам была ранее свойственна отсылка к естественному порядку, праву, справедливости: «хотя это и не по праву, но справедливость требует», «это желательно по справедливости, хотя “четкое” правовое предписание и отсутствует», «естественная справедливость предпочтительнее строгости права», «никому не причиняется вред осуществлением своего права», «во всех делах справедливость имеет предпочтение перед строгим пониманием права». Однако после утверждения эдикта абстрактная и разнопонимаемая справедливость обретает очертания евангельской нравственной истины.

Константин утверждает эдикты о запрете языческих гаданий и частных жертвоприношений, о всеобщем праздновании воскресного дня с полным запретом всех работ, торговли и судопроизводства. Император запрещает размещать свои изображения в христианских церквях, восстанавливать разрушенные языческие храмы, а чиновникам приказывает воздерживаться от языческих обрядов. В 325 году Константин предписывает префекту претория, чтобы суды приговаривали виновных в совершении тяжких преступлений к работам на рудниках вместо участия в гладиаторских боях и бросания их на растерзание диких зверей на потеху толпе.

В области семейного права также произошли изменения. Константин видит в супружеской измене одно из самых гнусных преступлений, о чем можно судить хотя бы потому, что по амнистии, проведенной им в 322 году, из тюрем предписывалось выпустить всех, кроме отравителей, убийц и виновных в адальтере. Процедура развода становится более сложной, появляются новые основания. Затрудняется, по закону 331 года, и свобода развода. Так, женщина не может дать развод мужу

на основании того, что он склонен к азартным играм, пьянству или супружеской измене. Причинами развода являются только тяжкие преступления мужа – убийство, осквернение могил. Муж может развестись с женой, только если она окажется сводницей, отравительницей или нарушит супружескую верность. Развод, состоявшийся по другим причинам, карается оставлением приданого супругу, а, кроме того, для женщины – высылкой на остров, для мужчины – запретом на заключение другого брака [2, с. 168]. При Константине социально-экономическое положение женщины фактически приравнивается к положению мужчины: в 321 году вышел закон, даровавший женщинам полную гражданскую правоспособность.

Следует отметить, что многие веления императора были направлены на христианизацию нравов. Это и запрет похищения девушек, и ограничение конкубината, и запрет кастрации и торговли евнухами, и право епископа даровать рабам свободу, и реформа права домовладыки – отца семейства распоряжаться жизнью и свободой детей, и запрещение изображений языческих богов и другое.

В Восточной империи идея права постепенно обожествляется (обретает нравственную легитимность), хотя закон нужен человеку до Христа, до воцерковления, христианину закон не нужен – у него есть совесть. Царь должен, пользуясь властью, смягчать строгость закона, когда его механическое применение противоречит высшей справедливости, а Божественная справедливость является единственным нравственным источником закона, имеющим всемирное значение в границах вселенской Римской империи, где император выступает высшим гарантом этой гармонии. Новый взгляд на право требовал большого мужества, так как римское право, по сути, консервативно. У Константина не была пистета перед установившейся правовой традицией. Между тем именно право делает из человека гражданина, а выше статуса римского гражданина не может быть ничего. Поэтому неудивительно, что право для римлян стало более чем просто источником умственного наслаждения и удовольствия, «оно было для них предметом *нравственного возношения*» (Рудольф Иеринг).

Как христианский законодатель, Констан-

тин Великий руководствовался христианским правосознанием, а не юридическим формализмом, и поэтому без колебаний вносил изменения в законы, не считаясь с культом римского права.

Права человека порождены его природой, естеством, но смысл в словосочетание «природа человека» разные мыслители вкладывали свой. Для рационалистов Нового времени (Дж. Локка, Т. Пейна, Т. Джефферсона) человек представлял собой двуногое творение живой природы, отличающееся от животных наличием разума и веры в Бога, который, создав мир, удалился и не вмешивается в его жизнь. Поэтому естественные права человека – право на жизнь, свободу, собственность или стремление к счастью понимаются, скорее, гедонистически, чем идеалистически. В то же время идея равенства всех людей, независимо от происхождения, расы, пола, социального положения, связана с несколько иным, более идеалистическим взглядом на природу человека.

Таким образом, в первые века христианства сформировался образец практической реализации религиозно-нравственных ценностей христианства в действующем законодательстве. В своей книге «Путешествие по христианской Европе» оксфордский историк Хью Тревор-Ропера ясно показал, что принятие в Римской империи христианской религии существенным образом изменило движение западноевропейского государственно-правового развития, сформировало христианские цивилизации, сохранило римское право и греческую культуру в эпоху варварского и мусульманского нашествия. Кроме того, возрождение римского права стало важной вехой в формировании и возвышении Европы, а Кодекс Юстиниана, являющийся византийским культурно-правовым феноменом, определил правовое и государственное развитие всех континентальных систем [3, с. 33].

Обобщая итоги влияния христианства на правовые представления граждан Римской империи, необходимо указать на то, как изменилось их мировоззрение, а затем и сущность всех континентальных правовых систем. Если бы не христианизация Римской империи, мы никогда не узнали бы идею прав человека, ко-

тору, зачастую ошибочно, современные правоведы трактуют как результат развития теории естественного права. Христианская мысль выступила в качестве метаюридической основы становления и развития доктрины прав человека. Идея равного достоинства человека, независимо от его физического, морального, социального, культурного развития, – результат распространения именно христианской веры, начавшегося при императоре Константине в IV веке. Концепция прав человека основана на библейском учении о человеке как образе и подобии Божиим, онтологически свободном существе.

Второй этап связан со средневековой правовой культурой. Период средневековья имеет существенное значение для понимания становления западной традиции права, основных характеристик и параметров континентальной (романо-германской) правовой системы, так и в целом развития правовых идей, принципов и аксиом юридического мышления и культуры. Вообще, именно христианство принесло в западноевропейскую и иные цивилизации понятие «история». По замечанию историка Э. Трельча, мировоззрение Античности (до принятия христианства) было совершенно внеисторическим и основывалось на метафизике вневременных законов [5, с. 7].

Для того чтобы философское познание (а вместе с ним и юридическое, политическое и пр.) могло анализировать социальные феномены (право, власть, политику и так далее) в контексте времени и пространства, «понадобилось именно христианство» с его «официальным принятием», чтобы «западное сознание озаботилось историей» [7, с. 112].

Так, для А. Августина христианство, с одной стороны, определило и привело в действие историю («Мир сотворен Богом и придет, поскольку время линейно и ограничено»), а с другой стороны, сформировало стремление к истине, ответственность самого человека с его свободой и достоинством («после первородного греха единственное значимое событие – это Воскресение. Истина, одновременно историческая и спасительная, возведена в Библии» и теперь «у Истории есть смысл и конечная цель») [8, с. 40–41].

Причем именно христианское мировоззрение оформило идею о свободе и ответствен-

ности личности, где свобода напрямую связана с ответственным выбором субъекта. В свою очередь, свобода выбора имеет, согласно учению Ф. Аквинского, два измерения: *волевое* (или *желающее*), то есть фактическое действие субъекта, и *интеллектуальное* (или *познающее*). При этом важно подчеркнуть, что христианская антропология представляет их единство (гармонию). Данные измерения, как и свобода и ответственность, должны рассматриваться в органичном единстве. Это существенным образом изменило представление о человеке и впоследствии философско-правовое понимание свободы, власти, ответственности, права и т. п. Так, например, волевое начало в человеке движет разумом, предписывая ему принимать решения, который, в свою очередь, направляет волю, выбирая для нее соответствующие цели. В этом и есть, по Аквинскому, диалектическое единство двух начал в человеке.

Однако, по утверждению автора, в непосредственной реальности, в своем предметно-материальном существовании человек далек от такого единства, и, следовательно, при выборе тех или иных жизненных целей вполне возможны *девиации* как в сторону благого, так и злого (противного Богу, противоправно естественному праву и т. п.): «Свободное произволение равным образом относится к избранию благого и злого» [9].

Именно благодаря христианской вере формируется человек, право, закон, власть и другие феномены, вплетенные в «историческую ткань» и связанные с земной, пространственной организацией. Другими словами, появляется идея достоинства, свободы, прав личности и ее пространственно-временное развитие, организованное и направляемое в том числе правом и государством. Благодаря этим христианским идеям история воспринимается в качестве совокупности именно единовременных решений индивидуальных волей, обязательных для движения этой истории, свершения мира и выполнения божественного предназначения.

В данный период формируются и своеобразные практики мышления, соединяющие рациональные процедуры познания и различные сакральные практики открывания истины (схоластика, мистика, еретические и другие духов-

ные традиции), сформировавшие неповторимый облик западной цивилизации и специфику западноевропейского правового мышления. Так, например, «юристы-схоласты были уверены, что могут с помощью разума доказать универсальную истинность и справедливость авторитетных юридических текстов, поскольку для них римское право было письменным “естественным правом”, *ratio scripta*, которое следовало принимать как священное наряду с Библией, патристикой и канонами церкви. Из истинных и справедливых норм римского права путем аподиктического рассуждения можно было выводить новые истины. А двусмысленность и противоречивость текстов решалась синтезом разных точек зрения, дефиниций и классификаций. Так, на основе сакрализации римского права (“верую, чтобы понять”) диалектический метод стал научным методом права... С помощью интуиции и воображения в ходе “смелых” аналогий заполнялись многочисленные лакуны в формирующейся на основе канонического и римского права средневековой правовой системы, так как понятие римского права приходилось привязывать к конкретным ситуациям нового социально-экономического порядка. Иррациональные процедуры присутствовали наряду с теми методами, которые широко распространялись в современном правовом мышлении, известны под названием юридической догматики» [10, с. 234].

Данная эпоха и сформированные в рамках нее политико-правовые учения и доктрины создали крупную религиозно-правовую систему (соединившую римское юридическое наследие, христианские идеи времени, человека, его свободы, обязанности и так далее), на основании которой выстраивается современная западная цивилизация. Причем, несмотря на радикальные повороты в развитии континентальных систем права, случившиеся в конце XV века (средневековая ересь,

религиозные идейные и вооруженные конфликты, войны), в эпоху Возрождения и Реформации, стиль и общая перспектива развития, заложенные в средневековье, сохраняются и сегодня.

Даже революционные преобразования Нового времени, секуляризация права и юридического мышления не повлияли на логику и стиль правовых рассуждений, обоснование правовой иерархии (например, юридической силы) и так далее, сохранив их «исходное идейное ядро». Совместное развитие христианской религии и права «создают своеобразные проекты человеческого существования», представляющие собой преемственно воспроизводимую «систему ценностей, с помощью которой человек может “навести порядок” в себе и оптимизировать свои отношения с другими людьми в разных формах социальной коммуникации» [11, с. 333].

Таким образом, на развитие религиозных учений о праве, их эволюцию и содержательную трансформацию в средневековой Европе существенное влияние оказало религиозно-мировоззренческое и социально-экономическое противоречие между официальной католической системой теонормативных принципов социальной, государственной, правовой организации и «земными» (как их называли в средневековье) сословными социально-религиозными учениями, которые принято обобщенно относить к учениям средневековой ереси. Под последними понимались как религиозные концепции, признающие основные идеи (догматы) христианства, но понимающие и толкующие их иначе, чем господствующая католическая доктрина. Общим для всех еретических движений и учений было то, что их сторонники считали себя истинными христианами, но не соглашались с доминирующими в то время представлениями и властно-церковной иерархией, считая их противоречащими истинным заветам Христа [12].

Литература

1. Евсевий Памфил. Церковная история. М., 1993.
2. Рудоквас А. Д. О христианизации римского права в эпоху императора Константина Великого // Древнее право. 2002. № 1.

Bibliography

1. Eusebius Pamphilus. Church history. Moscow, 1993.
2. Rudokvas A. D. About the Christianization of the Roman law in the era of Emperor Constantine the Great // Ancient right. 2002. № 1.

---

3. Стрелков В. И. О христианских мотивах в философии истории Новейшего времени // Ценностный дискурс в науках и теологии. М., 2009.

4. Трельч Э. Историзм и его проблемы. Логическая проблема философии истории. М., 1994.

5. Исаев И. А. *Politica Hermetica*: скрытые аспекты власти. 2-е изд., пераб. и доп. М., 2003.

6. Элиаде М. История веры и религиозных идей: от Магомеда до Реформации. Изд. 2-е. М., 2009.

7. Аквинский Ф. Сумма теологии. Киев, 2002.

8. Овчинников А. И. Правовое мышление: теоретико-методологический анализ. Ростов н/Д, 2003.

9. Туркулец С. Е. Вера как духовная ценность в религиозном и правовом сознании // Ценностный дискурс в науках и теологии. М., 2009.

10. История политических и правовых учений / под ред. д-ра юрид. наук, проф. О. Э. Лейста. М., 2002.

11. Trevor-Roper H. *The Rise of Christian Europe*. L., 1965.

12. Butterfield H. *Writings on Christianity and History*. N. Y., 1979.

3. Strelkov V. I. On the Christian motives in the history of philosophy of modern times // Value discourse in sciences and theology. Moscow, 2009.

4. Trench E. *Historicism and its problems. The logical problem of the philosophy of history*. Moscow, 1994.

5. Isaev I. A. *Politica Hermetica: the hidden dimensions of power*. 2 edition, processed and added. Moscow, 2003.

6. Eliade M. *History of faith and religious ideas: from Muhammad to the Reformation*. 2 edition. Moscow, 2009.

7. Aquinas F. *Amount of theology*. Kiev, 2002.

8. Ovchinnikov A. I. *Legal thinking: theoretical and methodological analysis*. Rostov-on-Don, 2003.

9. Turculets S. E. Faith as a spiritual value in religious and legal consciousness // Value discourse in sciences and theology. Moscow, 2009.

10. *History of political and legal doctrines / under ed. of doctor of law, professor O. E. Leist*. Moscow, 2002.

11. Trevor-Roper H. *The Rise of Christian Europe*. London, 1965.

12. Butterfield H. *Writings on christianity and history*. New York, 1979.

Нефедовский Геннадий Викторович
Nefedovsky Gennady Viktorovich

аспирант Южно-Российского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Postgraduate Student, South-Russian Institute of Management – branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.
Тел.: 8 (915) 134-39-18.

ЦЕРКОВЬ, ПРАВОСУДИЕ И СУД В ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Church, justice and court in the Byzantine Empire

В статье рассматриваются взаимоотношения между светской и духовной властью в Византии в вопросах правового обеспечения правосудия и деятельности суда на основе идей законодательства Константина Великого, Юстиниана и других. Указывается, что в процессе формирования византийской модели государственно-конфессиональных отношений в сфере правосудия «симфония властей» приобретала особые черты. Ее вершиной, по мнению автора, стало участие архиереев в составе так называемого вселенского суда – суда присяжных того времени.

Ключевые слова: «симфония властей», государственно-конфессиональные отношения, правовые идеалы, Византийское государство, государственность, христианство, правосудие, суд присяжных.

The article discusses the relationship between secular and spiritual authority in the Byzantine Empire in matters of legal justice and of the court's activities based on the ideas of the legislation of Constantine the Great, Justinian etc. Indicates that in the process of formation of the Byzantine model of Church-state relations in different phases of a «Symphony of powers» in relation to justice has gained special traits. Her top was the participation of bishops in the so-called universal court – the court of assize of the time.

Keywords: «symphony of powers», church-state relations, legal ideals of the Byzantine state, statehood, Christianity, justice, jury.

Известно, что в Византии система «симфонии властей» достигла абсолютного воплощения. Особый интерес исследователей вызывает проникновение духовной власти, христианских представлений о благочестии и справедливости в юриспруденцию.

Однако именно в Древнем Риме появляется идея правового государства, которая и сегодня считается идеологической программой европейских стран. Цицерон вводит термин «республика», под которым понимает союз людей, объединенных общими интересами, имеющими общее право и власть. Для Цицерона государство – это не народ Рима, а нечто гораздо более широкое. «Государство есть достояние народа, а народ не любое соединение людей, собранных вместе каким бы то ни было образом, а соединение многих людей, связанных между собою согласием в вопросах права и общностью интересов», – полагал мыслитель [11]. Здесь важно подчеркнуть, что государство – это не абсолютный человеческий союз, не отечество, а некоторое состояние правовой культуры народа.

В первые века нашей эры возникает потребность в едином нравственном основании существования различных народов в империи. «Человек той эпохи остро ощущал, что, помимо юридического закона, империи был нужен закон любви. Безусловно, римская культура была великолепна, но требовалось нечто большее, чтобы собрать воедино все народы империи, подчинив их не только единому закону, но и единой нравственности. И это большее не могло быть плодом рук человеческих... Христианство, пришедшее на смену римскому пантеону прежних лет, влилось в имперские формы для того, чтобы явить чудо из чудес – Католическую православную церковь и православную Византию как непосредственное творение Бога на земле» [12, с. 27]. Таким образом, христианство стало основой для построения нового государства, развитие которого было обусловлено невозможностью сохранить старые порядки и обычаи Священной Римской империи, которые все чаще напоминали морально-нравственный нигилизм языческого мира (сцены повсеместного разврата

и падения римского общества хорошо всем известны).

Первые христиане свои конфликты предпочитали разбирать на суде епископов, так как в языческих судах их вера мешала принятию решений. Римское правосудие знало также и языческие обряды, например, воскурение фимиама Фемиде. Следует иметь в виду, что в языческом Риме верховная власть не стремилась уничтожить местные общины, делала все возможное для сохранения их быта и социальной иерархии. Именно римское право сыграло главную роль в примирении местных и общегосударственных интересов.

Постепенно шел процесс признания нелатинян римскими гражданами, расширялись границы действия *jus latinum* и *jus civitas*, а также права *peregrine*. Во время правления императора Каракалы все подданные Римской империи получили римское гражданство. Так, римское право распространилось на всю территорию империи и стало доминирующим, хотя вековые обычаи, не противоречащие ему, все еще продолжали существовать как основа жизни местного населения [7, с. 161].

Византийское государство, как известно, возникло на рубеже двух эпох – заката Поздней Античности и возникновения средневекового общества. В IV веке (395 год) ранее единая Римская империя разделилась на Западную и Восточную. В целом история византийской государственности берет свое начало в эпоху правления императора Константина Великого. Как отмечает А. И. Овчинников, «особое значение он играет для правовых систем самых разных государств, не только христианских. Если для христианской церкви он значим, во-первых, тем, что прекратил почти трехсотлетние гонения на христианскую церковь и даровал ей равноправие с прочими религиями Римской империи; во-вторых, тем, что заложил фундамент государственно-церковных отношений на долгие столетия, то для права современных государств он значим христианским, нравственным очищением права, его преобразованием и новым этапом развития. Благодаря Миланскому эдикту возникает новое право в истории человечества – “человеколюбивое право”» [6, с. 15].

С принятием христианства право стало уже не основным общим идейным первоначалом: политическое единство оказалось скреплен-

ным еще и духовно. Так, в 318 году в эдикте Константина Великого закреплялось, что гражданское дело может быть рассмотрено епископским судом, даже если оно уже прошло слушания в обычном гражданском суде. Отметим, что решение епископа по таким делам не подлежало обжалованию и пересмотру в высших судебных инстанциях, что было особо выделено и закреплено эдиктом от 5 мая 333 года, который подтвердил безапелляционность епископского решения.

Кроме того, под влиянием христианского мировоззрения император запрещает доносы под страхом смертной казни, ставит клейма на лица преступников, отменяет распятие как вид смертной казни и т. п. Константин называют новатором и разрушителем старых законов и древних обычаев. Его решения в сфере права носят явно модернизационный характер. Благодаря государственному мышлению и таланту он первый из римских правителей оценил христианскую религию как колоссальную нравственную всемирно-историческую силу. Более того, он смог привлечь эту силу для упрочнения своей власти и строительства новой империи. Сделав христианскую веру государственной религией, Константин получил поддержку стремительно растущей христианской общины. Однако божественные истины не всегда были главными ориентирами в политической жизни: некоторые историки полагают, что убийство Лициния, сына Криспа, и других членов семьи императора стали результатом дворцовых интриг.

Следует иметь в виду, что языческий мир не признавал права на свободу совести и свободу вероисповедания. Миланский эдикт впервые закрепляет право на свободу веры.

Юрисдикции церкви и государства, несмотря на единство и «симфонию властей», отличались. Однако только с момента установления христианства в качестве официальной религии проводится государственная кодификация права, состоящего из имперских законов и сочинений римских юристов. Самая масштабная кодификация была связана с именем императора Юстиниана I. Она состояла из ряда книг: Кодекса Юстиниана, включающего 4 600 указов и эдиктов императоров (от Адриана до Юстиниана); Дигестов, представляющих собой отрывки из более 2 тысяч сочинений классических юристов; фрагментов текстов из ин-

ституций, то есть из учебников права, в 4 книгах, имеющих нормативный характер. Далее, новеллы императора Юстиниана были добавлены к своду, и в средние века эта совокупность нормативных установлений получила название *Corpus juris civilis*, или Свод гражданского права. Важнейшей частью Кодекса Юстиниана стало законодательство о христианской церкви. Уже первая книга Кодекса посвящена догматам православного христианства, а вводная конституция содержит молитву к Святой Троице.

Каноническое право получило свое развитие в первые три века христианской эры, до появления Миланского эдикта 313 года, автономно от римского классического права. Главное их различие заключалось в том, что римское право было подчинено формально-логической рациональности и потребностям экономической практики высокоразвитого рабовладельческого строя, а каноническое право регламентировало отношения в религиозной, иррациональной сфере. В каноническом праве важнейшим элементом было регулирование деятельности богоустановленного института церкви, которая есть сообщество верных. Следует отметить, что неверные попадали в поле компетенции церкви и канонического права только после обращения в церковь для крещения или покаяния в случае падения в ересь.

Императорский суд на Ипподроме являлся высшей судебной инстанцией, которая просуществовала вплоть до начала XIII века. В церковных судах регулировались споры между священнослужителями, христианами, а также вопросы, связанные с православной верой, богослужебными делами. При патриархе Константинопольском Николае I Мистике на императора Льва VI за его неканонический четвертый брак была наложена епитимия. Однако в одной из новелл неизвестного императора был сформулирован и закреплён принцип «наш дворец и казна не подлежат каноническим законам».

Между клириками споры часто возникали по финансовым и имущественным вопросам, однако они не могли прибегнуть к светскому суду, так как представителям клира нельзя было заниматься какой-либо нецерковной деятельностью, например, они не могли выступать защитниками на судах. Принятый еписко-

пом правоприменительный акт подлежал реализации государственными чиновниками. Однако участие священнослужителей в светских судах было возможно в случаях, когда они оказывались в тяжбе вне своей епархии в столице. Кроме того, во время правления императора Ираклия (29 г.) была принята новелла «истец следует юрисдикции ответчика». Уголовные дела рассматривались епископом в случае участия в них рядового священнослужителя и патриархом – в случае епископата. Если священник или епископ лишался на церковном суде сана, то впоследствии он подлежал юрисдикции светского суда или суда наместника провинции. На епархиальных соборах рассматривались иски священнослужителей против епископов по церковным делам, а разбирательства между епископами – экзархом диоцеза или высшим патриаршим судом в Константинополе, где разбирались тяжбы архиереев [6, с. 183].

Следует отметить, что пренебрежение церковной юрисдикцией и попытки найти решение в светских судах со стороны клириков подлежали наказанию церкви. Однако светские власти не могли в отдельные периоды оказать существенное влияние на внутрицерковные отношения. Между тем светское право строго наказывало за измену православной вере, секты и ереси государство изживало, а некрещенных ущемляло в правах и свободах.

Важной особенностью византийской государственности был принцип теократии, который, несмотря на цезарепапизм, проявлялся в законотворчестве. В IX веке, во время патриарха Фотия, духовная власть принимала участие в составлении свода законодательства. Неслучайно одним из требований к кандидатам на должность патриарха было хорошее знание законодательства – и церковного, и гражданского, а многие патриархи были юристами по образованию и первоначальному роду деятельности [3, с. 301–302], в том числе и патриарх Константинопольский Иоанн III Схоластик (VI век), и патриарх Антиохийский Феодор IV Вальсамон (XII век), и патриарх Иоанн VIII Ксифилин. Позднее церковь стала активно участвовать в государственном управлении, правотворчестве и отправлении правосудия. Архивы свидетельствуют о том, что в XIV–XV веках константинопольские патриар-

хи занимались и решали дела из области брачно-семейного, наследственного права, участвовали в составлении сборников церковного и гражданского права [9, с. 17–54]. Встречаются и императорские распоряжения о включении архиереев в судебные институты империи. Так, император Андроник II Палеолог (1282–1328), создавая институт 12 присяжных «вселенских судей ромеев», распорядился включить в него и архиереев. Юрисдикция так называемых вселенских судей распространялась и на императора и его семью. Таким образом, император становится подсудным.

Литература

1. Дигесты Юстиниана. М., 1984.
2. Диль Ш. Юстиниан и Византийская цивилизация в VI веке: пер. с фр. СПб., 1908.
3. Медведев И. П. Византийское право на заключительном этапе своего развития // Культура Византии XIII – первая половина XV века. М., 1991.
4. Максимович К. А. Право и церковь // Православная энциклопедия. М., 2004. Т. VIII.
5. Овчинников А. И., Мамычев А. Ю., Мамычева Д. И. Социокультурные основы кодирования государственно-правового развития // Социально-экономические и гуманитарно-философские проблемы современной науки. М.; Уфа; Ростов н/Д, 2015.
6. Овчинников А. И. Миланский эдикт и его роль в формировании ценностей современного права // Философия права. 2013. № 3 (58).
7. Перетерский И. С. Дигесты Юстиниана. Очерки по истории составления и общая характеристика. М., 1956.
8. Покровский И. А. История римского права. Петроград, 1915.
9. Сокольский В. О характере и значении Эпанагоги // Византийский вестник. 1894. Т. 1.
10. Успенский Ф. И. История Византийской империи VI–IX веков. М., 1996.
11. Цицерон. Диалоги. М., 1994.
12. Величко А. М. Священная империя и святой император (из истории византийских политических идей): сборник статей. М., 2012.
13. Евсевий Памфил. Церковная история. М., 1993.

Впоследствии был учрежден отдельный императорский суд, в который входили также архиереи. Однако эта реформа не была осуществлена ввиду невозможности разрешить огромное количество дел в разумные сроки. В одном из указов Андроника III прямо определяется участие церкви в отправлении светского правосудия: «Вселенские судьи ромеев избраны и поставлены святою церковью Божией и моею царственностью», а проводился данный вселенский суд в храме Святой Софии в Константинополе.

Bibliography

1. Digest of Justinian. Moscow, 1984.
2. Diehl Sh. Justinian and the Byzantine civilisation of the sixth century: transl. from the French. St. Petersburg, 1908.
3. Medvedev I. P. Byzantine right to the final stage of development // Culture of the Byzantine Empire of the XIII – first half of XV century. Moscow, 1991.
4. Maksimovich K. A. Law and the church // Orthodox encyclopedia. Moscow, 2004. Vol. VIII.
5. Ovchinnikov A. I., Mamishev A. Yu., Mamytcheva D. I. Social and cultural foundations of coding state-legal development // Socio-economic and humanitarian-philosophical problems of modern science. Moscow; Ufa; Rostov-on-Don, 2015.
6. Ovchinnikov A. I. Edict of Milan and its role in shaping the values of modern law // Philosophy of law. 2013. № 3 (58).
7. Peretersky I. S. Digest of Justinian. Essays on the drafting history and General characteristics. Moscow, 1956.
8. Pokrovsky I. A. History of Roman law. Petrograd, 1915.
9. Sokolsky V. On the nature and value of Epanagoge // Byzantine messenger. 1894. Vol. 1.
10. Uspensky F. I. History of the Byzantine Empire of the VI–IX centuries. Moscow, 1996.
11. Cicero. Dialogs. Moscow, 1994.
12. Velichko A. M. Holy Empire and the Holy Emperor (from the history of Byzantine political ideas): collection of articles. Moscow, 2012.
13. Eusebius Pamphilus. Church history. Moscow, 1993.

Громов Владимир Геннадьевич
Gromov Vladimir Gennadevich

профессор кафедры уголовного, экологического права и криминологии Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского доктор юридических наук, профессор.

Professor, Department of Criminal, Ecological Law and Criminology, Saratov State University
behalf of N. G. Chernyshevsky, Doctor of Law, Professor.
Тел.: 8 (927) 140-00-66.

Шонин Иван Георгиевич
Shonin Ivan Georgiyevich

магистрант юридического факультета Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского.

Master's Student of the Faculty of Law, Saratov State University behalf of N. G. Chernyshevsky.
Тел.: 8 (927) 278-75-10.

**ВОЗНИКНОВЕНИЕ «ИСЛАМСКОГО ГОСУДАРСТВА»*:
ФАКТОРЫ УСПЕХА**

The emergence of «Islamic state»: success factors

В статье анализируется история возникновения и развития «Исламского государства». Выявляются факторы успеха ИГИЛ, которые способствовали перерастанию небольшой террористической группировки в серьезную угрозу всему цивилизованному миру.

Ключевые слова: «Исламское государство», ислам, халифат, «Аль-Каида».

The article analyzes the history of the «Islamic State». Success factors of ISIL which promoted development of the small terrorist group into serious threat to all civilized world come to light.

Keywords: «Islamic state», Islam, caliphate, «Al-Qaeda».

В 2014 году международное сообщество потрясло событие, подобного которому в практике борьбы с международным терроризмом еще не происходило, – было образовано «Исламское государство». За несколько месяцев одна из множества исламских радикальных группировок превратилась в первую международную империю терроризма, существование которой представляет угрозу всему цивилизованному миру. И чтобы победить такого врага, необходимо познать его историю, философию, сильные и слабые стороны. Так, генерал-майор Майкл К. Нагат, начальник Управления войск спецназначения по Ближнему Востоку, в рапорте о борьбе армии США с «Исламским государством» отметил: «Мы не то что не убили идею, мы

ее пока даже не поняли» [1]. Поэтому, на наш взгляд, необходимо более глубокое изучение исторических и иных аспектов функционирования ИГ.

Говоря о создании «Исламского государства», необходимо отметить, что в обывательском сознании, а также частично в профессиональной среде о джихадистских группировках сложилось мнение как о едином монолитном течении, преследующем одну общую цель, имеющем единую союзную структуру, идеологию и иерархическую подчиненность. Однако в действительности это не так. Долгое время основным воплощением идей джихадистов была организация «Аль-Каида», возглавляемая Осамой Бен Ладеном. Но за последние десять лет джихадизм сильно изме-

---

* «Исламское государство» (ИГ, ИГИЛ) – террористическая организация, запрещенная на территории Российской Федерации.

нился. И теперь, подобно тому как Коммунистическая партия Китая в середине прошлого века «открестилась» от идей Маркса и Энгельса, выбрав собственный путь развития под руководством «великого кормчего Мао», современные джихадисты, почтительно отзываясь о «шейхе Осаме», в то же время считают его идеи пережитком прошлого.

Одной из причин подобных изменений стало снижение авторитета и общий упадок «Аль-Каиды». Пик ее «славы» пришелся на 1993–2003 годы, когда эта организация совершила свои самые громкие террористические акции. Однако к 2006 году «Аль-Каиду» сместили практически со всех ключевых позиций в пределах Ближневосточного региона: в Саудовской Аравии королевской семье наконец-то удалось свести на нет местный «джихад»; «Имарат Кавказ» был успешно разгромлен российским правительством, власть в Ираке после падения режима Саддама захватили шииты; Сектор Газа перешел под контроль оппозиционной «Аль-Каиде» группировки «ХАМАС».

«Аль-Каида» оказалась заперта американскими войсками в горах Афганистана и Пакистана, где пыталась объединиться с бойцами «Талибана». В результате борьбы на несколько фронтов основные силы группировки были парализованы либо вовсе уничтожены, и, чтобы не лишиться последних рычагов влияния в регионе, «Аль-Каиде» фактически пришлось «торговать лицом» – объявлять свое покровительство и оказывать финансовую и иную поддержку местным исламским радикальным группировкам. Одной из таких групп являлась боевая организация Абу Мусаба аз-Заркави, созданная им еще в 1999 году, но звездным часом которой стало американское вторжение в Ирак в марте 2003 года. США начали военную операцию под предлогом связи режима Саддама Хусейна с международным терроризмом, а также с целью поиска и уничтожения якобы имеющегося в стране оружия массового поражения. Позже выяснилось, что оба предлога – просто заблуждение, несоответствие действительности. Однако негативные последствия уже наступили – в регионе была полностью дестабилизирована обстановка.

Заркави быстро развернул активную деятельность против нового правительства Ирака, которое состояло полностью из шиитов. Этим он завоевал популярность у местного суннитского населения, которое ранее считалось правящей социальной группой и после падения режима Саддама опасалось за свое будущее. Подарком судьбы для Заркави стало и решение нового иракского правительства, которое объявило все военные организации и саму саддамовскую армию вне закона. Благодаря этому акту четыреста тысяч военных мгновенно превратились в бесхозную вооруженную армию проигравших озлобленных безработных.

Это произошло в разрушенной войной стране, правительство которой состояло из лиц, которые еще год назад были целью «номер один» для данной армии. Тем самым Абу Заркави получил уникальные возможности для политического роста своей организации:

- симпатии и моральную поддержку суннитов региона;
- большое количество профессиональных военных, желавших заработать или отомстить за проигрыш в войне;
- финансовое обеспечение и материальную поддержку известной «Аль-Каиды».

При этом Заркави обладал практически полной независимостью в вопросах деятельности своей организации.

К 2011 году, после эскалации серии конфликтов на Ближнем Востоке, а также смерти Бен Ладена, настало время «Исламского государства». Используя гражданские военные конфликты в Сирии, Ираке (армия США покинула Ирак в 2011 году) и Ливане, новый лидер «Аль-Каиды» Айман аз-Завахири призвал лояльные группировки начать джихад на территории указанных государств. На этот призыв откликнулось множество группировок, в том числе «Исламское государство» и «Джабхат ан-Нусра» [1].

С самого начала военного конфликта в Сирии «Исламское государство» стало вести агрессивную политику привлечения добровольцев: бойцы ИГ захватили восемь тюрем, в которых содержались исламисты; массово использовалась тактика переманивания успешных бойцов из других исламских груп-

пировок, что не нравилось их лидерам. В результате массовых жалоб джихадистских группировок на «Исламское государство» руководству «Аль-Каиды» в 2014 году Айман аз-Завахири предложил ИГИЛ снизить накал борьбы в Сирии, сосредоточившись на Ираке, однако лидеры ИГ отказались, чем фактически закрепили за собой статус независимой организации.

Необходимо отметить, что новый глава ИГИЛ Абу Бакр аль-Багдади оказался не только грамотным богословом, но и лидером, хорошо разбирающимся в тактике и стратегии вооруженной борьбы, понимающим, насколько и в чем сильна его организация. После того, как стало понятно, что конфликт в Сирии перерастает в позиционную стадию, войска ИГ развернулись в сторону Ирака. Наличие бывших военных в рядах «Исламского государства» определило боевые успехи данной группировки: пока остальные джихадисты и светские оппозиционеры в Сирии только начинали учиться и приобретать практический опыт ведения боевых действий с сирийской армией, бойцы ИГИЛ были уже полностью обучены основам военной тактики.

Связи ветеранов саддамовской армии, влившихся в ряды ИГИЛ, с их бывшими коллегами в других оппозиционных группировках Ирака позволили довести численность бойцов ИГ и их союзников до ста тысяч человек. Наличие крупной боеготовой и обученной армии, а также поддержка местного населения дали возможность «Исламскому государству» относительно легко выбить правительственные иракские войска из ряда регионов страны, в том числе из богатого нефтью Мосула, где 29 июня 2014 года Абу-аль-Багдади объявил о создании исламского халифата.

При всех своих сильных сторонах «Исламское государство» не смогло бы так долго существовать без поддержки своих сторонников по всему миру, которые обеспечивают данную организацию всем необходимым: денежными средствами, информацией, логистикой, огромными арсеналами оружия и, главное, людьми. Так что же привлекает мусульман во всем мире под знамена этого халифата?

Необходимо отметить, что действительно

впервые в истории джихадизма создано сильное исламское государство. Если раньше исламские радикалы использовали средневековый ислам как способ оправдания своих действий, то «Исламское государство» *живет* средневековым исламом.

Все свои действия сторонники ИГ оправдывают «методологией Пророка» – извращенной версией толкования Корана, созданной основоположником ваххабизма Абд аль-Ваххабом, гласящей, что веры в Бога – единственного существа, достойного поклонения, – самой по себе недостаточно для превращения человека в мусульманина. Только строгое следование канонам Корана и поступкам Пророка делает мусульманина правоверным. Любое отклонение от норм Корана, даже вызванное объективной реальностью, является для сторонников данного течения *такфиром* – обвинением в неверии, за которое лицо должно понести самое серьезное наказание.

По сути, «Исламское государство» смогло, с поправкой на общее развитие цивилизации, воспроизвести на своей территории ситуацию, сложившуюся в первые годы существования ислама, его самую чистую *каноническую форму*. Это, безусловно, и привлекает миллионы мусульман по всему миру, которые мечтают прикоснуться к частичке истории своего Пророка наяву. И самое страшное и парадоксальное в этой ситуации то, что террористические акты, которые совершает «Исламское государство», воспринимаются мусульманами, *если не с одобрением, то с пониманием*, ведь каждое из таких действий находит свое основание в религиозном догмате.

Так, убийство шиитов оправдывается их богословским новаторством, не отраженным ни в Коране, ни в действиях Пророка; возвращение рабовладения над семьями *куффаров* (язычников) и взятие их женщин наложницами есть твердое установление шариата, отрицать и насмехаться над которым означает отрицать и насмехаться над Кораном и рассказами о Пророке, то есть «отступиться от ислама» [1].

В подобной ситуации деятельность «Исламского государства» обретает новый смысл – будучи окруженным «сетиками и язычника-

ми», оно, подобно первому халифату Пророка, ведет бесконечную войну с неверными. Прекращение данной войны невозможно, ведь если это произойдет, то будет означать признание власти любых других лиц, кроме Аллаха, то есть *ширк* – грех, а наказания за грехи в «Исламском государстве» очень суровы. И в то время когда христианский мир в ужасе и гнев содрогается после каждой атаки боевиков ИГИЛ, мусульмане всего мира все больше проникаются идеями новых джихадистов.

В июле 2014 года газета «Аль-Хайят» в соцсетях Саудовской Аравии опубликовала результаты соцопроса среди саудовцев, согласно которому 92 % респондентов считают, что «ИГ соответствует ценностям ислама и исламскому праву». По данным социальных опросов, в разных странах мира от 5 до 20 % мусульманского населения выражают симпатию «Исламскому государству» [2; 3; 4].

Таким образом, следует заключить, что основными факторами успеха деятельности «Исламского государства» являются следующие:

- поддержка местного суннитского населения, которое видит в ИГ не террористов, а народных и религиозных революционеров;
- в состав «Исламского государства» входят опытные бойцы – ветераны джихадистского движения, имеющие опыт идеологической борьбы, бывшие военные режима Саддама Хусейна, которые обеспечивают тактическую и стратегическую подготовку действий ИГ, а также привлекают своих бывших коллег из иных группировок;
- захват богатых ресурсами (главным об-

разом нефтью) провинций Ирака и Сирии, который обеспечил экономическую независимость ИГ от внешних факторов;

– идеологический «вакуум», образовавшийся в среде джихадистов после потери позиций «Аль-Каиды» на Ближнем Востоке, создавший возможность для привлечения новых рекрутов из других стран под знамена ИГ;

– «Аль-Каида» вела агитацию, пользуясь абстрактными аргументами – призывами к защите мусульман и ислама по всему миру. «Исламское государство», призывает своих сторонников оказывать *помощь в защите халифата* с целью легитимизации и построения исламских государственных институтов, что является более конкретным, понятным и выраженным аргументом для мусульман в борьбе с неверными;

– идеологической основой жизни всех правоверных мусульман в ИГ является вера в Аллаха и твердое, неуклонное следование в жизни нормам Корана, в котором содержатся ответы на все возникающие вопросы.

Таким образом, «Исламское государство» в качестве своей идеологии выбрало то, что всегда имело ключевое значение на Ближнем Востоке, – религию. Грамотное использование и извращение канонического учения ислама для своих целей сделали «Исламское государство» эмоционально, религиозно и интеллектуально привлекательным для многих мусульман по всему миру. При этом очевидно, что деятельность ИГ представляет серьезную угрозу мировому сообществу, и победить такого врага силой только оружия и денег невозможно.

Литература

1. Вуд Г. Чего хочет ИГИЛ? / пер. с англ. Р. Раскольников // Sputnik & Porgrom. URL: <http://sputnikipogrom.com/greatermiddleeast/40008/what-isis-really-wants/#.VnK4DPmLTIW>.
2. Комаров П. Более 20 % мусульман Хабаровского края поддерживают ИГИЛ: интервью с экс-муфтием. URL: <http://newsader.com/15519-bolee-20-musulman-khabarovskogo-kрая-po/>.
3. Support for ISIS in the Muslim World –

Bibliography

1. Wood G. What ISIS Really Wants? Transl. from the English of R. Raskolnikov // Sputnik & Porgrom. URL: <http://sputnikipogrom.com/greatermiddleeast/40008/what-isis-really-wants/#.VnK4DPmLTIW>.
2. Komarov P. More than 20 % of the Khabarovsk Region Muslims support ISIS: an interview with the ex-Mufti. URL: <http://newsader.com/15519-bolee-20-musulman-khabarovskogo-kрая-po/>.
3. Support for ISIS in the Muslim World Ĩ Per-

Perceptions vs Reality. URL: <http://etrocosm.com/support-isis-muslim-world-perceptions-vs-reality/>

4. Poushter J. In nations with significant Muslim populations, much disdain for ISIS // [www.pewresearch.org](http://www.pewresearch.org/fact-tank/2015/11/17/in-nations-with-significant-muslim-populations-much-disdain-for-isis/). URL: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2015/11/17/in-nations-with-significant-muslim-populations-much-disdain-for-isis/>.

Perceptions vs Reality. URL: <http://metrocosm.com/support-isis-muslim-world-perceptions-vs-reality/>

4. Poushter J. In nations with significant Muslim populations, much disdain for ISIS // [www.pewresearch.org](http://www.pewresearch.org/fact-tank/2015/11/17/in-nations-with-significant-muslim-populations-much-disdain-for-isis/). URL: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2015/11/17/in-nations-with-significant-muslim-populations-much-disdain-for-isis/>.

Гуляихин Вячеслав Николаевич
Gulyaikhin Vyacheslav Nikolaevich

профессор кафедры теории и истории права и государства Волгоградской академии МВД России доктор философских наук, доцент.

Professor, Department of Theory and History of Law and State, Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Associate Professor.
E-mail: gulyaich@yandex.ru

Пантелеев Евгений Васильевич
Panteleev Yevgeniy Vasilevich

начальник кафедры теории и истории права и государства Волгоградской академии МВД России кандидат исторических наук.

Head of the Department of Theory and History of Law and State, Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, PhD in History.
E-mail: paant@rambler.ru

АРХЕТИПИЧЕСКИЙ БАЗИС ПРАВОВОГО ВОСПИТАНИЯ ЛИЧНОСТИ

Archetypal basis of legal education of the individual

В статье анализируются проблемы определения степени воздействия базовых архетипических конструкций общественного бытия на процессы правового воспитания человека. В качестве методологического основания исследования авторы использовали положения учения об архетипах коллективного бессознательного К. Г. Юнга и диахронической теории архетипов А. Ю. Бодьяковой. Авторы приходят к выводу, что в своей совокупности архетипы являются матрицей правового воспитания, особенностью которой педагог должен интуитивно чувствовать и учитывать в своей деятельности.

Ключевые слова: правовое воспитание, архетип, правосознание, коллективное бессознательное, правовое бессознательное, личность, общественное поведение, внушение, матрица.

The article analyzes the problem of level determining of basic archetypal social life structures' influence on the processes of the legal education. The methodological basis of the research is presented by the doctrine of the collective unconscious' archetypes of K. G. Jung and archetypes diachronic theory of A. Yu. Bod'jakova. The authors concluded that in their totality archetypes serve as the matrix of legal education with own specialties that teacher has to intuitively feel and certainly take into account in his activity.

Keywords: legal education, archetype, legal consciousness, collective unconscious, legal unconscious, person, social behaviour, suggestion, matrix.

В традиционном сознании многих народов распространено убеждение в том, что фундаментальные качества личности (ум и глупость, отвага и трусость, благородство и низость) наследуются человеком от его предков. Вера в «кровь», в которой якобы сохраняется хорошая или плохая наследственность, трактуемая как в физиологическом, так и этическом контекстах, является неперемной составляющей архаического мировоззрения. В соответствии с такими представлениями «дурная кровь» становится причиной многих неблагоприятных, позорящих и преступных деяний индивида.

Э. Золя положил архаические представления о «дурной крови» в фабулу своего ро-

мана «Человек-зверь». На примере главного героя Жака Лантье, мечтающего об убийстве, он показывает генетическую предрасположенность некоторых людей к преступлению, образно назвав ее «испорченной кровью». Ж. Лантье «...мало-помалу пришел к мысли, что расплачивается за других – за своих дедов и прадедов, за целые поколения горьких пьяниц, от которых он унаследовал испорченную кровь: она медленно отравляла ему мозг и превращала его в первобытного дикаря, который, точно свирепый волк, терзал в лесных чащах женщин... Почему его всякий раз внезапно охватывал приступ слепой ярости, постоянно терзало дикое желание отомстить

за какие-то очень давние обиды, хотя он и сам толком не мог бы сказать какие? Не было ли первопричиной всего этого страдание, в незапамятные времена причиненное женщинами людям его пола? ...Он весь был во власти тревоги, как всякий, кого, помимо его воли, толкают на такие поступки, побудительные причины которых скрыты от него» [7, с. 287]. Когда роман «Человек-зверь» увидел свет, то критики обвинили писателя в грязном романтизме. Тем не менее эта книга стала одним из самых популярных произведений Э. Золя. В XX веке по ее сюжету снято пять фильмов в разных странах Европы и Америки. Тонкое авторское мастерство и глубина психологизма писателя, описавшего архетипические особенности характера преступника, не перестают восхищать современных читателей и зрителей.

Что же толкает человека на хорошие или дурные деяния: внешняя среда или внутреннее состояние души, находящейся порой под игом наследственности? Очевидно, что как первое, так и второе. Учение К. Г. Юнга об архетипах коллективного бессознательного позволяет пролить свет на вопросы, связанные с решением проблем иррациональной предопределенности легитимности тех или иных общественных поступков человека.

Видимо, следует согласиться с А. Ю. Большаковой в том, что необходимо диахронически определять архетип как психологический и культурный феномены [5, с. 50]. Если в первой своей ипостаси он предстает как «био-психологическое» явление, находящее свое отражение в мифах, то уже во второй – «ноосферической» – он воплощается в литературе и искусстве. Сюжет романа «Человек-зверь» подтверждает отчасти этот тезис исследователя. Схожей позиции придерживается Д. Р. Гриффин, увидевший в архетипической психологии основу космологического мышления [19].

Современный человек находится в определенном общественно-правовом пространстве, которое оказывает влияние на интенции его сознания. Важной его составляющей является институт правового воспитания, под воздействием которого он находится в течение всей жизни. Правовое воспитание – это сложный психосоциальный процесс, в котором личность выступает как в качестве его субъекта, так и объекта. Ее поведение опреде-

ляется совокупностью различных архетипов. Дж. Р. Хаул пишет: «Архетипы направляют наше восприятие и поведение, зачастую без нашего осознания этого влияния... Каждый из нас “помнит” тот же самый “пакет” опыта, который получили наши предки» [20, с. 11]. В ходе анализа проблемы взаимосвязи правового воспитания и архетипов возникает множество вопросов. Приведем только некоторые из них. Нужно ли воспитателю учитывать в своей деятельности силу «психической энергии» архетипов, поддающейся лишь весьма опосредованному влиянию логики внешнего мира? Следует ли признавать содержание архетипов коллективного бессознательного в качестве матрицы данного процесса? Если сам основоположник аналитической психологии К. Г. Юнг отказался от какой-либо классификации и универсальной характеристики архетипов, то, возможно, следует их признать некой неизвестной силой, непознаваемой «вещью в себе», которая не поддается какому-либо осмыслению и, соответственно, прогнозированию ее воздействия на воспитательный процесс?

Правовое воспитание направлено на формирование системы духовно-нравственных ценностей, которые выступают этическим базисом формализованных социальных регуляторов, узаконенных государством. Стратегической целью здесь выступает создание рационально обоснованной иерархической системы правовых ценностей, позволяющих субъекту вести себя адекватно меняющейся общественной ситуации, адаптируясь к легитимизированным требованиям современного социума. Для решения задач правового воспитания необходимо, чтобы они не противоречили культурным («ноосферическим») архетипическим установкам общественного и индивидуального сознания.

В российской науке существует дискурс, подчеркивающий неуместность аксиологического подхода к архетипам коллективного бессознательного, поскольку они лишь «пустые» формы и находятся вне ценностных и рациональных систем сознания. Одним из первых отечественных исследователей об этом заговорил С. С. Аверинцев: «...психическая энергия, которую сосредоточивает в себе архетип...нейтральна относительно всех определений добра и зла: архетип сам по себе не морален и не имморален, не прекрасен и не безобразен, не ос-

мыслен и не враждебен смыслу, но в нем заложены открытые возможности для предельных проявлений добра и зла... Архетипичность – эпитет, начисто лишенный всякого оценочного содержания» [1, с. 114]. С одной стороны, потенциальная амбивалентность архетипа связана с его позитивной функцией обеспечения равновесия психики индивида, которая спасает его в кризисных ситуациях, представляющих угрозу целостности сознания субъекта; с другой – доминирующее положение архетипических конструкций в активном поле сознания свидетельствует о расстройстве восприятия субъектом реальности и, как следствие, девиантности его поведения. В архетипах С. С. Аверинцев видит, прежде всего, источник силы, которая может служить как добру, так и злу, позволяя оставаться в поле рациональности и покидать его. Несмотря на их своеобразную «чистоту», изначально не замутненную ни злом, ни спекулятивными рациональностями, ученый констатирует наличие в «архетипических фигурах» значительной силы внушения, которую интуитивно используют художники и поэты, а также педагогические мастера.

Внушение предполагает не критическое восприятие социальных правил и общественно-правовых норм поведения. Особенно актуальным оно является для детей младшего возраста, которые не могут их воспринимать на рациональном уровне. Но и для взрослого человека внушение является важным механизмом его социализации, способствующим приобретению деловых качеств [3]. Многие правовые ценности могут не иметь для субъекта четкой системы рационального обоснования и быть лишены смысла. Внушение является важной составляющей пропаганды, рекламы и пиара. С. С. Аверинцев уверен, что «всякое эффективное внушение осуществляется через архетипы» [1, с. 115]. Ими пользуются как величайшие гуманисты, внушающие человечеству идеалы свободы, равенства и братства, так и демагоги-манипуляторы, обращающиеся к низменным началам человека, используя его в качестве средства в своих неблагоприятных и корыстных целях и низводя до животного уровня [12].

Внушение – это одна из базовых составляющих всех социально-педагогических технологий. Применительно к правовому воспитанию это означает, что невозможно воплотить

в реальность высокие идеалы права без эмпатической чуткости педагога к архетипическим конструкциям, образовавшимся в сознании воспитанника.

Исследование архетипов и определение их места в системе регулирования социального поведения связаны со многими трудностями как онтологического, так и гносеологического характера. По утверждению К. Г. Юнга, архетипы – «это не просто имена и даже не философские понятия. Это куски самой жизни, образы, которые через мост эмоций интегрально связаны с живым человеком. Вот почему невозможно дать произвольную (или универсальную) характеристику любого архетипа. Его нужно объяснить способом, на который указывает вся жизненная ситуация индивида, которому она принадлежит» [15, с. 109].

К. Г. Юнг признает невозможной какую-либо систематизацию архетипов из-за их субъективного содержания, выражавшегося в их зависимости от «всей жизненной ситуации» субъекта. Тем не менее такую систематизацию провели его современные последователи, использовавшие учение о коллективном бессознательном в прагматических целях [9].

Архетипы коллективного бессознательного являются своеобразным продуктом прошлого человека: «...архетипы, сокровенная сущность которых опыту недоступна, представляют собой осадок психического функционирования у целого ряда предков, то есть это суть опыт органического бытия вообще, накопленный миллионкратными повторениями и ступенные в типы. Поэтому в этих архетипах представлены все опыты, которые издревле встречались на нашей планете. И чем чаще и интенсивнее они бывали, тем явственнее они выступают в архетипе» [18, с. 487]. Через архетипы прошлое воздействует на настоящее, обуславливая его инерционное развитие, консервируя традиционные общественные структуры, национальные модели социализации и воспитания.

В системе социализации личности важное место занимает правовое воспитание, участвующее в формировании паттерн общественного сознания, обусловленных контекстом исторического времени. Эти паттерны являются во многом продуктом прошлого и оказывают сильное влияние на социальное, правовое и экономическое бытие личности [13, с. 19], от-

носителем опосредованное и проходящее через разные формы общественного сознания, имеющие архетипы в качестве своего основания. К. Г. Юнг утверждает, что «... в то время как личностные комплексы характеризуют лишь особенности одного конкретного человека, архетипы создают мифы, религии и философии, оказывающие воздействие на целые народы и исторические эпохи, характеризующие их» [16, с. 61]. Можно сделать вывод о том, что архетипы коллективного бессознательного, отражаясь в доминирующих в общественном сознании «мифах, религии и философии», играют важную роль в процессе эволюции действующей модели правового воспитания в социуме.

Ссылаясь на последние научные достижения психофизиологии и психогенетики, современные исследователи склонны понимать под архетипами «первичные записи генетической памяти» [6, с. 68]. Создатели современных образовательных технологий должны учитывать наличие таких факторов социальной памяти [10]. Правовое воспитание – это процесс формирования аксиологического компонента правосознания человека, проходящий под влиянием не только внешних детерминант общественной жизни, имеющих как глобальное, так и локальное значение, но и психологических форм его внутреннего мира.

Формируя аксиологическую компоненту правосознания человека, правовое воспитание оказывает существенное воздействие на развитие личностного бессознательного, состоящего из элементов, которые были когда-то вполне осознанными, но со временем вследствие их подавления или забывания перестали быть таковыми. Современный человек ситуационно погружен в правовую реальность, образы которой могут вытесняться в его бессознательное, наполняя содержанием архетипы, и в различные моменты жизни «подсказывать» ему решение социальных проблем, давая «формулу» ответа на возникающие вызовы и угрозы. Поскольку архетипы правосознания составляют глубинную психическую первооснову правовой жизнедеятельности, то их можно отнести к наиболее значимым факторам, которые необходимо учитывать в процессе обучения.

На память и забвение накладывает отпечаток воспитание, которое способствует поме-

щению легитимных социальных норм в актуальное поле сознания, тем самым препятствуя их забыванию. Оно не только нейтрализует асоциальные установки, но и делает соблюдение общепринятых норм привычным, полагает переносить правовые нормы в виде неких образов в сферу правового бессознательного. Воздействие общественной системы воспитания на коллективное бессознательное является крайне опосредованным личностным бессознательным. О ее влиянии на глубинные архетипы коллективного бессознательного можно говорить только в том случае, если она укоренилась в правовых традициях и обычаях и имеет достаточно длительную историю.

Благодаря глобализации социальное время начинает повсеместно ускоряться, что приводит к значительному обострению общественных конфликтов, вызванных борьбой между новыми веяниями и старыми политическими, правовыми и экономическими укладами жизни [4, с. 15]. Их разрешение объективно нуждается не только в наличии эффективной системы нормативно-правового регулирования, но и внесении модернизационных изменений в национальные модели социализации, так как традиционные ценностно-смысловые установки воспитания, сложившиеся в контексте национальной правовой культуры, зачастую не соответствуют требованиям современной эпохи.

Новое наполнение архетипов коллективного бессознательного – это крайне медленный процесс, а социальное время все более ускоряется. В общественном сознании это неизбежно порождает когнитивный диссонанс, выступающий психосоциальным фактором угрозы распада социума. Значимым становится необходимость понимания субъектом закономерностей общественно-правового прогресса.

Правовое воспитание должно строиться на понимании необходимости торжества принципов гуманизма, справедливости и законности в общественных отношениях. Все это кажется вполне очевидным для любого здравомыслящего человека. Но почему тогда возникают порой значительные трудности и непреодолимые препятствия при их претворении в жизнь? Каким образом появляются внутренние установки, не позволяющие человеку понять и принять их? Это связано в первую очередь с негативным социальным опытом, полученным

в процессе социализации. Нередко асоциальный опыт вытесняется из сознания, наполняя таким содержанием архетипы, которые начинают отрицательно воздействовать на правовое поведение. К. Г. Юнг утверждал, что «архетипы являются типичными видами понимания, и где бы мы не встретились с единообразными и регулярно возникающими формами понимания, мы имеем дело с архетипом» [15, с. 336]. Являясь универсальной операцией мышления, понимание представляет собой оценку значимого для субъекта феномена на основе имеющейся у него культурной парадигмы сознания. Современное правовое воспитание полагает целесообразным вносить в нее коррективы, наполняя ее новым содержанием, менять устоявшуюся систему идей и представлений.

Когда под влиянием внешних факторов субъект вынужден действовать вопреки тому, что ему «подсказывает» содержание архетипической конструкции, то возникает тревожный и беспокойный эмоциональный фон, оказывающий давление на выбор его дальнейшей стратегии и тактики поведения, заставляющий вернуться в привычное лоно архетипов с целью обретения душевного равновесия. Используя свою психическую энергию, эта конструкция оказывает влияние на важные аспекты человеческой деятельности (когнитивные, регулятивные, эмоционально-волевые и коммуникативные). Можно утверждать, что архетипическая конструкция является одной из базовых составляющих психосоциальной матрицы правового поведения субъекта.

На самом глубинном общечеловеческом уровне коллективного бессознательного лежат архетипические основания естественного права. В любом сообществе они оказывают воздействие на социальные отношения, выступая в качестве базисной константы правового воспитания. Человек испытывает когнитивно-аксиологический диссонанс в случаях, когда в его социальном окружении не признаются по каким-либо причинам архетипические установки естественного права. Аристотель отмечал в трактате «Никомахова этика», что «естественное право везде имеет одинаковое значение и не зависит от признания или непризнания его» [2]. Философ полагал, что «должно быть, существует и какое-то иное естество (p λ ysis) души, которое, будучи лишено суж-

дения (logos), все же как-то ему причастно» [2]. Значительно позже аристотелевское предположение К. Г. Юнг переводит в статус доказанного научного знания, назвав «архетипом» данное естество души, лишенное смыслового содержания. Несмотря на отсутствие рациональности, оно оказывает значительное воздействие на поведение человека. Аристотель описывает его следующим образом: «Мы хвалим суждение (logos), то есть часть души, обладающую суждением, применительно к воздержному и невоздержному за правильные побуждения, [обращенные] к наилучшим [целям]. Но в этих [то есть в воздержных и невоздержных, людях] обнаруживается и какая-то другая часть души, существующая по своей природе вопреки суждению, которая борется с суждением и тянет в другую сторону. Так же как при намерении сдвинуть парализованные члены вправо, они повертываются, наоборот, влево» [2]. Порой человек сам удивляется своим поступкам: ведь заранее планировал поступить определенным образом, но неожиданно для себя начал действовать по-другому. Подобные ситуации, вызванные «вывертами» души, были положены Ф. М. Достоевским в основу сюжета романа «Преступление и наказание». Его главный герой сознательно совершает тяжкое преступление, но, не выдержав душевных терзаний, признается в убийстве. Затем он сильно сожалеет об этом («глупо и глухо пропал»).

Составляя константы коллективного бессознательного нации, архетипы оказывают воздействие на его культурное и историческое развитие, в том числе и на генезис национальной модели правового воспитания. Как известно, она генетически связана с общественной моралью. К. Г. Юнг оценивал моральные и интеллектуальные качества нации весьма невысоко. Более того, большие социальные группы пугали его в силу (кажущейся ему) их безнравственности и иррациональности: «Никакая нация не держит своего слова. Нация – большой бессмысленный червяк, преследуемый чем? Конечно, роком, судьбой. У нации не может быть чести; она не может держать слова... Вы понимаете, что сто самых интеллигентных в мире людей составят вместе тупую толпу? Десять тысяч таких обладают коллективной интеллигентностью крокодила» [14, с. 190]. Психоаналитик убежден в том, что чем

меньше нация, тем она лучше, поскольку тем меньшие проблемы она создает для себя и окружающих. Здесь трудно с ним согласиться. Ведь если формально следовать его логике, то чем крупнее нация, тем она аморальнее и глупее. Подобные суждения являются следствием социальных фобий К. Г. Юнга, вызванных экспансионистскими действиями Германии и Советского Союза в конце 30-х годов XX века.

В ходе исследования бессознательного ученый приходит к выводу, что многие мифы можно интерпретировать как особое средство «ментальной терапии» народа, страдающего от различного рода массовых бедствий (эпидемий, голода, войн, внутренней смуты) [16, с. 25]. Например, к ним относятся мифы о национальных героях, спасающих свой народ от врагов, разрушений и смерти.

В каждой системе воспитания имеется своя мифологическая составляющая, основанная нередко на реальных событиях. Со сменой вектора общественного развития герои зачастую становятся антигероями в мифологизированном сознании социума. Соответственно, их модели общественного поведения осуждаются новыми властителями дум и со временем перестают быть образцами для подражания.

Современный человек является носителем коллективных ценностных представлений своей социальной группы (профессиональной, поколенческой, религиозной и так далее) о праве и свободе. Они образуются у него при адаптации к коллективной среде, в которую он оказывается погруженным. Правовая социализация способствует наполнению архетипов социальным опытом легитимизации общественных отношений, который постепенно выпесняется в бессознательное. Без сформировавшихся коллективных представлений субъект испытывает трудности в общении с членами своей группы, а также душевный дискомфорт, вызванный когнитивным диссонансом из-за дисгармонии коллективных суждений и личного мнения о значимых феноменах правовой жизни (законе, правах и свободах личности, правоохранительных органах, государстве и так далее).

Национально-государственная система воспитания задействована в формировании коллективных идей политики, права и хозяйственной жизни, без которых невозможно представить целостность нации [11]. Важную роль здесь играет не только система взаимо-

отношений власти и общества. Как известно, социализирующую и воспитательную функции выполняет семья, закладывающая основы отношения личности к окружающему миру. Она наполняет архетипы относительно конкретным ценностным содержанием. Так, архетип «мать» представляет собой могущественный первообраз, определяющий на протяжении всей жизни субъекта его отношение не только к женщине и семье, но и к обществу, политике и праву. «Мать Германия для немцев, как и *la douce France* для французов, составляет подоплеку политики, которую нельзя недооценивать и пренебрегать которой могут лишь оторванные от жизни интеллектуалы. Всеобъемлющие недра *mater ecclesiae* столь же мало представляют собой метафору, как и земля-матушка, мать-природа и вообще «материя»» [17, с. 124].

Особое положение занимает архетип отца, как и матери, поскольку именно родители задают вектор развития жизни своего ребенка. И здесь не всегда все складывается однозначно и прямолинейно. К. Г. Юнг замечает одну достаточно часто встречающуюся парадоксальность психосоциальной наследственности, имеющую для отца и матери компенсаторный характер. «Как правило, вся жизнь, которую не удалось прожить родителям, в силу сложившихся обстоятельств, передается по наследству детям, то есть последние вынуждены вступить на путь... который должен компенсировать неисполненное в жизни родителей. Поэтому и случается, что сверхморальные родители имеют, так сказать, аморальных детей, что безответственный и праздный отец имеет обремененного болезненным честолюбием сына и так далее» [13, с. 340]. Можно продолжить этот ряд: сверхзаконопослушные граждане имеют детей, совершающих серьезные правонарушения, а криминальные семьи, к всеобщему удивлению, – чрезвычайно законопослушных отпрысков. Обыденные представления, отражающие в различных вариациях пословицу «Яблоко от яблони недалеко падает», не всегда верны и соответствуют сложным и порой парадоксальным жизненным коллизиям. Воспитатели не должны становиться жертвами социальных стереотипов. От их умения учитывать диалектику развития педагогической ситуации и интуитивно предугадывать последствия противоречивого влияния архети-

пов зависит формирование нормального правосознания воспитанника.

Понятие «нормальное правосознание» пытался ввести в научный оборот И. А. Ильин, но оно так и не получило широкого применения в социогуманитарном познании. В духе гегельянства философ-правовед утверждал, что критерием нормальности правосознания должно выступать его внутреннее единство. Определяя сущность правосознания, И. А. Ильин подчеркивал, что «...нормальное правосознание ведет не раздвоенную, а единую и целостную жизнь, и если оно видит перед собою исторически данное раздвоение права, то оно целиком обращается к борьбе за единое, правое право и за восстановление своего внутреннего, предметного, духовного единства» [8, с. 81]. Следует добавить, что внутреннее духовное единство труднодостижимо, им обладают люди, которым пришлось пройти сложный путь духовных исканий. Правовое поведение большей части граждан зависит не только от внешних проблем и противоречий общественного развития, вызвавших раздвоение права, но и от содержания архетипов коллективного бессознательного, сказывающегося на формировании матрицы социального мышления. Раздвоение права обуславливает спутанное правосознание. Поэтому нередко один человек

может демонстрировать как нравственно достойное и законопослушное поведение, так и совершать аморальные и противоправные действия.

Таким образом, по своей природе архетипы – это изначально бессодержательные формы-схемы, которые по мере их перехода из коллективного бессознательного в личностное поле сознания субъекта наполняются «материей» социального (в том числе и правового) опыта. В зависимости от наполняемости и характера такого опыта, вытесненного в правовое бессознательное, происходит увеличение регулятивной роли архетипов в жизнедеятельности субъекта. Они становятся важным фактором формирования правовых представлений, создавая оживленный эмоциональный фон (положительный или негативный) и тем самым «оценивая» его действия и поступки. В целом и архетипы коллективного бессознательного выступают в качестве матрицы правового воспитания, определяя границы общественного поведения субъекта, через которые ему сложно переступить. Хороший воспитатель интуитивно чувствует архетипические особенности характера своих подопечных, что позволяет ему лучше следить за их душевным здоровьем. Он стремится учитывать данные особенности в процессе их правового воспитания.

Литература

1. Аверинцев С. С. «Аналитическая психология» К. Г. Юнга и закономерности творческой фантазии // Вопросы литературы. 1970. № 3.
2. Аристотель. Никомахова этика // Lib.ru: информ.-справочный портал. URL: <http://www.lib.ru/POEEAST/ARISTOTEL/nikomah.txt>.
3. Бельских И. Е. Проблемы развития потребительского патриотизма в России и деловая этика // NB: экономика, тренды и управление. 2014. № 4.
4. Бельских И. Е. Факторы экономического роста: стратегия национального развития России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2011. № 30.
5. Большакова А. Ю. Архетип – концепт – культура // Вопросы философии. 2010. № 7.
6. Думанская Е. И. Об одном подходе к исследованию преступной мотивации // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 9.

Bibliography

1. Averintsev S. S. «Analytical psychology» of K. G. Jung and regularity of the creative imagination // Literature questions. 1970. № 3.
2. Aristotle. Nikomakhova ethics // Lib.ru: information help portal. URL: <http://www.lib.ru/POEEAST/ARISTOTEL/nikomah.txt>.
3. Belskikh I. E. Problems of development of consumer patriotism in Russia and business ethics // NB: economy, trends and management. 2014. № 4.
4. Belskikh I. E. Factors of economic growth: strategy of national development of Russia // National interests: priorities and safety. 2011. № 30.
5. Bolshakova A. Yu. An archetype – a concept – culture // Philosophy questions. 2010. № 7.
6. Dumanskaya E. I. About one approach to a research of criminal motivation // Bulletin of the Chelyabinsk state university. 2010. № 9.
7. Zola E. Person animal // Collected works: in 26 vols. Moscow, 1962. Vol. 13.

7. Золя Э. Человек-зверь // Собрание сочинений: в 26 т. М., 1962. Т. 13.
8. Ильин И. А. О сущности правосознания // Общее учение о праве и государстве // Собрание сочинений. М., 1994. Т. 4.
9. Марк М., Пирсон К. Герой и бунтарь. Создание бренда с помощью архетипов. СПб., 2005.
10. Овчинников А. И. Архетипы правовой культуры и преемственность в государственно-правовом развитии России // Юридическая техника. 2011. № 5.
11. Овчинников А. И. Архетипы национальной культуры и правовая политика в сфере экономики // Advances in law studies. 2015. Т. 3. № 6–18.
12. Попандопуло О. А., Васильева Е. Н., Галкин А. П. Перспективы становления гуманистической модели правовой социализации человека в российском обществе // Политика и общество. 2016. № 1.
13. Юнг К. Г. Брак как психологическое отношение // Сознание и бессознательное. М.–СПб., 1997.
14. Юнг К. Г. Диагностируя диктаторов // Аналитическая психология: прошлое и настоящее. М., 1995.
15. Юнг К. Г. и др. Человек и его символы. СПб., 1996.
16. Юнг К. Г. Подход к бессознательному // Архетип и символ. М., 1991.
17. Юнг К. Г. Проблемы души нашего времени. М., 1994.
18. Юнг К. Г. Структура души // Проблемы души нашего времени. М., 1996.
19. Griffin D. R. Table of contents for Archetypal process: self and divine in Whitehead, Jung and Hillman. Evanston, 1989.
20. Haule J. R. Jung in the 21st century. Volume one: evolution and archetype. N. Y., 2011.
8. Ilyin I. A. About essence of sense of justice // General doctrine about the right and the state // Collected works. Moscow, 1994. Vol. 4.
9. Mark M., Pearson K. Hera and rebel. Creation of a brand by means of archetypes. St. Petersburg, 2005.
10. Ovchinnikov A. I. Archetypes of legal culture and continuity in state and legal development of Russia // Legal equipment. 2011. № 5.
11. Ovchinnikov A. I. Archetypes of national culture and legal policy in the sphere of economy // Advances in law studies. 2015. Vol. 3. № 6–18.
12. Popandopulo O. A., Vasilyeva E. N., Galkin A. P. The prospects of formation of humanistic model of legal socialization of the person in the Russian society // Policy and society. 2016. № 1.
13. Jung K. G. Marriage as psychological relation // Consciousness and unconscious. Moscow–St. Petersburg, 1997.
14. Jung K. G. Diagnosing dictators // Analytical psychology: the past and the present. Moscow, 1995.
15. Jung K. G., etc. Person and his symbols. St. Petersburg, 1996.
16. Jung K. G. Approach to unconscious // Archetype and a symbol. Moscow, 1991.
17. Jung K. G. Problems of soul of our time. Moscow, 1994.
18. Jung K. G. Structure of soul // Problems of soul of our time. Moscow, 1996.
19. Griffin D. R. Table of contents for Archetypal process: self and divine in Whitehead, Jung and Hillman. Evanston, 1989.
20. Haule J. R. Jung in the 21st century. Volume one: evolution and archetype. New York, 2011.

Загутин Дмитрий Сергеевич
Zagutin Dmitry Sergeevich

профессор кафедры связей с общественностью Донского государственного технического университета
доктор философских наук, доцент.

Professor, Department of Public Relations, Don State Technical University, Doctor of Philosophy, Associate Professor.
E-mail: rostov-zd@mail.ru

Самыгин Петр Сергеевич
Samygin Petr Sergeevich

профессор кафедры теории и истории государства и права Ростовского государственного экономического университета (РИНХ) доктор социологических наук, профессор.

Professor, Department of Theory and History of State and Law, Rostov State University of Economics, Doctor of Sociology, Professor.
E-mail: samygin78@yandex.ru

Самыгин Сергей Иванович
Samygin Sergey Ivanovich

профессор кафедры управления персоналом и социологии Ростовского государственного экономического университета (РИНХ) доктор социологических наук, профессор.

Professor, Department of Human Resource Management and Sociology, Rostov State Economic University, Doctor of Sociology, Professor.
E-mail: samygin78_@yandex.ru

**ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ
СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ
В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМся ОБЩЕСТВЕ**

Features of legal socialization of modern Russian youth in a transforming society

---

Статья посвящена особенностям правовой социализации молодежи в условиях трансформирующегося российского общества. Общей тенденцией социализационных траекторий современной российской молодежи, по мнению авторов, является уменьшение государственного сегмента институтов социализации. Авторами обозначена необходимость поиска механизмов, которые позволят обеспечить стабильность и правовую культуру в обществе посредством социализационных процессов.

Ключевые слова: социализация, правовая социализация, российская молодежь, российское общество.

The article deals with peculiarities of legal socialization of young people in transforming Russian society. The General trend of socialization trajectories of modern Russian youth is a reduction in public segment institutions of socialization. The authors indicated the need to identify mechanisms that will provide stability and legal culture in the society through socialization processes.

Keywords: socialization, legal socialization of the Russian youth, Russian society.

С конца XX века в российском обществе сложилась принципиально новая ситуация вхождения молодых поколений россиян в социум. Смена парадигмы общественного развития, кардинальные изменения в политике, экономике, праве, трансформация правовых и политических традиций, острая социальная дифференциация, правовая и социокультурная

реформации изменили положение человека в обществе, расширили границы автономии формирующейся личности. Особенности процесса социализации в целом и правовой социализации в частности, заключаются в том, что молодежь как особая социальная группа вынуждена проходить процесс личностного становления в сложных, противоречивых услови-

ях, порожденных трансформацией различных агентов и институтов социализации. Так, сегодня серьезные изменения претерпели семья, система образования, СМИ, политические, правовые и общественные организации [1].

В результате социально-экономических трансформаций [12, с. 11–19] в социуме молодежь оказалась самой незащищенной группой. А поскольку она является наиболее чувствительной к общественно-политическим изменениям, то характерными чертами ее социального портрета сегодня стали: социальная и правовая дезориентированность, социально-психологический алармизм, а также маргинальное поведение [2]. Зарубежный исследователь Е. Стоунквист применяет определенный перечень характеристик, на наш взгляд, четко отражающих степень влияния маргинального положения на политико-правовое сознание и социализацию молодежи: социально-правовая дезорганизованность, ощущение неприспособленности, внутреннее напряжение, изолированность, отчужденность, разочарованность, эгоцентричность, социальная агрессивность, криминализация и другие [3]. На увеличение масштабов различных отклонений в профессиональной социализации молодежи вообще и правовой социализации в частности указывают многие отечественные исследователи. Это проявляется в росте девиации в молодежной среде, в раннем, преждевременном или, наоборот, запаздывающем обретении молодежью социальных ролей и статусов, дисбалансе целенаправленно организованных процессов социализации в пользу стихийности, а также кризисе социокультурной и правовой идентичности молодых людей [4].

Для того чтобы каждый молодой человек освоил и осознал, смог применить на практике правовые и социально-политические знания, необходим процесс правовой социализации. Безусловным результатом правовой социализации молодежи является социально зрелая личность, у которой сформировалось устойчивое мировоззрение, способность к нравственно-правовой и социально-политической саморегуляции. Таким образом, процесс усвоения молодым человеком статусного и ролевого поведения, социокультурных ценностей и ориентиров, ведущий к формированию у него качеств и свойств, позволяющих адаптироваться

к конкретной правовой системе и выполнять определенные функции, является правовой социализацией [5]. Человек, не имеющий такого рода свойств, включаясь в политико-правовое поле, зачастую не способен принять его требования, защитить себя от сложных и жестких правовых взаимоотношений и эффективно отстаивать свои интересы.

На процесс правовой социализации существенное воздействие оказывают происходящие в российском обществе трансформации, например, социокультурные, общественно-экономические, мировоззренческие и идеологические кризисы, переживаемые конкретными социальными группами, характеризующиеся негативной окраской.

Правовая социализация российской молодежи в современном социуме имеет следующие особенности: во-первых, уже практически утрачен доминировавший в советский период единообразный и патерналистский характер политико-правовой социализации; во-вторых, увеличилось количество социализационных практик молодежи; в-третьих, произошло расслоение молодежи по социализационным траекториям, отражающим социально-политическую стратификацию общества, диверсификацию правовых и социокультурных сценариев и стилей жизни молодых людей.

Нарушение условий социализации молодежи в целом обусловило множество изменений в ее правовой социализации:

- ухудшилось социальное положение молодежи, что привело к конфликтным противоречиям с обществом;
- произошло ограничение возможностей молодежи в вертикальной мобильности: молодежь имеет неодинаковые стартовые возможности в социальном и правовом развитии и в доступе к образованию, что усиливает протестные настроения в молодежном сообществе;
- отсутствует единство социокультурных оснований, а потеря устойчивых социально-правовых связей с социокультурными и правовыми ценностями советского прошлого, доминирование статусных, материальных ценностей не позволяют создать гармоничную правовую иерархию ценностей молодежи [6];
- социальное рассмотрение приводит к деформации современной молодежи и, как след-

---

ствие, к аномии, отклоняющемуся и девиантному поведению.

Надо сказать, что социализационные траектории молодежи претерпевают расширение горизонтальных дифференциаций и стратификацию, связанную со значительными различиями в образе жизни, образовании, доступе к информации и различным социальным благам. В результате трансформационных изменений и деформации традиционных социокультурных ценностей, правил и норм поведения наблюдается усиление социально-экономического расслоения, отмечается расширение так называемой зоны бедности (как правило, за счет социально незащищенных групп, например молодежи), эмпирически фиксируется снижение доступности и качества образования, что влечет неблагоприятные последствия для политической и правовой систем.

В связи с отсутствием централизованных, контролируемых государством и социальными институтами правовой социализации организаций молодежи в трансформационных общественных условиях неизбежно возникают группы самореализации в виде различных дворовых и иных молодежных компаний, деятельность которых зачастую не является социально одобряемой, санкционируемой и контролируемой. Иными словами, на смену целенаправленному влиянию институтов социализации на сознание молодежи приходит стихийное воздействие социальной среды, которая, будучи неопределенной и рискогенной, может содержать предложения противоправного, неправомерного достижительного поведения со стороны молодежи.

Таким образом, общая тенденция социализационных траекторий современной российской молодежи – уменьшение государственного сегмента институтов социализации [7]. Данные траектории несут в себе потенциал внутреннего единства исторических, национальных, социальных и политико-правовых оснований развития индивида.

Правовая социализация является важной частью процесса социализации молодежи в целом, который включает освоение каждым молодым человеком правовых ценностей, норм и принципов, обретение навыков регулирования собственного поведения на основе

юридических установлений. Стоит отметить, что «в процессе правовой социализации индивид не только усваивает те или иные правовые нормы и ценности, но и определенным образом реализует усвоенные нормы в своей правовой активности, совершая юридически значимые действия» [8]. Как указывает М. А. Гусарова, правовая социализация базируется на спонтанных и целенаправленных механизмах и процессах освоения молодым человеком определенных правил и стандартов нормативного, правомерного поведения [9]. К спонтанным механизмам правовой социализации, как правило, относят интернализацию (непосредственное постижение социального факта в качестве определенного значения, основы понимания мира, по П. Бергеру и Т. Лукману, «как значимой и социальной реальности» [10, с. 211]) и идентификацию (отождествление, принятие поведения выбранных объектов в качестве образца).

Что же касается целенаправленных процессов, лежащих в основе правовой социализации, то к ним относятся искусственные воздействия, посредством которых можно формировать и корректировать те или иные свойства личности молодого человека. Самыми важными целенаправленными процессами, несомненно, являются воспитание, обучение и образование. Они связаны с приобщением к социально значимым, актуальным правовым ценностям и нормам, которые помогают молодым людям достигать необходимого уровня квалификации в той или иной профессиональной деятельности и относительно легко ориентироваться в условиях изменяющегося социума, при этом позволяют противостоять манипулятивному воздействию извне, то есть помогают избежать превращения в пассивный объект социально-политических манипуляций.

По сути, правовая социализация молодежи представляет собой определенный процесс развития и формирования способности молодого человека к нормативному сознанию и поведенческим практикам [11, с. 32–40], сопоставлению собственного образа жизни с общепринятыми образцами и стандартами.

Заметим, что правовая социализация молодежи в современной реальности носит общественно-исторический детерминированный

характер, поскольку любое общество имеет собственный тип государственного устройства, свои представления о праве и социальной политике, а также определенные стандарты, правила и способы участия различных социальных групп в социально-политических процессах. Кроме того, правовая социализация молодежи находится в прямой и непосредственной зависимости от заинтересованности государства в повышении уровня ее политико-правовой культуры.

Поиск механизмов, которые позволят обеспечить стабильное развитие и формирование правовой культуры в обществе посредством социализационных процессов, определение их наиболее перспективных моделей в современном российском обществе остаются важней-

шими проблемами общественной науки и социально-правовой практики. Бесспорно, общество и государство только тогда могут ожидать от молодого поколения россиян ценностно-нормативного, нравственно-ориентированного поведения, когда обеспечат ему социальную защиту и контроль, безопасное существование и развитие, возможность получения качественного образования [13, с. 10–14], гарантируют доступ к достоверным источникам правовой информации, морально-нравственную поддержку со стороны институтов социализации. Все обозначенные требования являются важными условиями и факторами успешной правовой социализации молодежи в сложных трансформационных условиях становления правового Российского государства.

Литература

1. Самыгин С. И., Попов М. Ю., Загугин Д. С. Социальные сети как социальный институт социализации молодежи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 5.
2. Гафиатулина Н. Х. Социологический анализ социального здоровья студенческой молодежи Юга России в рамках теории структурной маргинальности // Инженерный вестник Дона. 2015. № 1. Ч. 2. URL: <http://ivdon.ru/magazine/archive/n1p2y2015/2826>.
3. Моделирование профессиональной социализации студенческой молодежи в условиях социальной неопределенности / Л. В. Тарасенко, О. А. Нор-Аревян, В. А. Кирик и другие. Ростов н/Д, 2016.
4. Самыгин П. С., Попов М. Ю., Самыгин С. И. Отношение к праву как критерий эффективности правовой социализации современной молодежи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 5.
5. Ковалева А. И. Особенности социализации молодежи в изменяющемся обществе // Глобализация и социальные изменения в современной России: тезисы докладов и выступлений Всероссийского социологического конгресса. М., 2006. Т. 12.
6. Самыгин П. С., Исакова Ю. И., Печкуров И. В. Правовая социализация современной российской молодежи: монография / под ред. С. И. Самыгина. М., 2016.

Bibliography

1. Samygin S. I., Popov M. Yu., Sagutin D. S. Social network as a social institution of socialization of youth // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2015. № 5.
2. Gafiatulina N. K. Sociological analysis of social health of student's youth of the South of Russia in the framework of the theory of structural marginality // Engineering journal of Don. 2015. № 1. Part 2. URL: <http://ivdon.ru/magazine/archive/n1p2y2015/2826>.
3. Modeling of professional socialization of student's youth in conditions of social uncertainty / L. V. Tarasenko, O. A. Nor-Arevian, V. A. Kirik, etc. Rostov-on-Don, 2016.
4. Samygin S. P., Popov M. Yu., Samygin S. I. Attitude to the law as the criterion of efficiency of legal socialization of modern youth // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2016. № 5.
5. Kovaleva A. I. Features of the socialization of youth in changing society // Globalization and social change in contemporary Russia: abstracts of reports and speeches of the all-Russian sociological congress. Moscow, 2006. Vol. 12.
6. Samygin S. P., Isakova Yu. I., Pechkurov I. V. Legal socialization of modern Russian youth: monograph / under the editorship of S. I. Samygin. Moscow, 2016.
7. Gusarova M. A. Peculiarities of legal socialization of Russian youth in the period of animosity // Society: politics, economics, law. 2011. № 3.

-
-
7. Гусарова М. А. Особенности правовой социализации современной российской молодежи в период анонимизации // *Общество: политика, экономика, право*. 2011. № 3.
8. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.
9. Лубский Р. А. Государственность и модели социального поведения в современной России // *Научная мысль Кавказа*. 2014. № 1 (77).
10. Лубский А. В., Лубский Р. А. Адаптация народов Юга России к социальным трансформациям: проблемы методологии исследования // *Научная мысль Кавказа*. 2008. № 4 (56).
11. Лубский А. В. Методологические проблемы использования ИКТ в образовательном пространстве высшей школы // *Информатика и образование*. 2007. № 6.
12. Stonequist E. V. *The marginal Man. A study in personality and culture conflict*. N. Y., 2001.
13. Social and economic consequences of regional ethnic migration for national security and social health of the Russian youth / M. M. Shakhbanova, N. Kh. Gafiatulina, A. V. Vereshchagina, ect. // *Social science (Pakistan)*. 2016. Vol. 11. № 16.
8. Berger P., Luckmann T. *The social construction of reality. A treatise in the sociology of knowledge*. Moscow, 1995.
9. Lubsy R. A. *Statehood and models of social behavior in modern Russia* // *Scientific thought of the Caucasus*. 2014. № 1 (77).
10. Lubsy A. V., Lubsy R. A. *Adaptation of people of Russia to social transformations: problems of research methodology* // *Scientific thought of Caucasus*. 2008. № 4 (56).
11. Lubsy A. V. *Methodological problems of use of ICT in educational space of the higher school* // *Informatics and education*. 2007. № 6.
12. Stonequist E. V. *The marginal Man. A study in personality and culture conflict*. New York, 2001.
13. Social and economic consequences of regional ethnic migration for national security and social health of the Russian youth / M. M. Shakhbanova, N. Kh. Gafiatulina, A. V. Vereshchagina, ect. // *Social science (Pakistan)*. 2016. Vol. 11. № 16.

Шуваева Ольга Михайловна
Shuvaeva Olga Mikhailivna

преподаватель кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России кандидат философских наук.

Lecturer, Department of Socio-Economic and Humanitarian Disciplines, Stavropol branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, PhD in Philosophy.
Тел.: 8 (928) 760-30-32.

РОЛЬ НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ В ПРОЦЕССАХ ТРАНСФОРМАЦИИ МИРОВОЗЗРЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА

The role of scientific fiction in the process of transformation of the modern man worldview

В статье анализируется связь между трансформацией мировоззрения человека и актуализацией в культуре современности способности воображения и творческой импровизации. Показывается, что научная фантастика помогает раскрыть спецификацию мировоззренческих изменений человека, а потому представляет собой опытно-экспериментальную площадку для выявления трансформации мировоззрения, присущего человеку эпохи модерна, к системе представлений, характерной для постмодерна.

Ключевые слова: научная фантастика, мировоззрение современного человека, человек модерна, человек постмодерна, прогностическая функция, компенсаторская функция.

The article examines the relationship between the transformation of the human world and actualization in the culture of modernity the ability of creative imagination and creative improvisation. It is shown that science fiction helps to reveal the specification of the attitude change of a person, and therefore constitutes an experimental platform to detect movement of the worldview inherent in the era of modernism, the worldview inherent in the human epoch of postmodern.

Keywords: science fiction, worldview of modern man, modern people, postmodern people, compensatory function, prognostic function, science fiction.

Становление классической науки способствовало, помимо прочего, возникновению в XIX–XX веках особого явления – научной фантастики, отражающей самосознание человека современной техногенной культуры и использующей гипотетические достижения науки и техники для объяснения создаваемых фантастических изображений. В реальном творчестве писателей и мыслителей, актуализирующих область фантастики в разное историческое время, трудно провести жесткую границу внутри фантастики между теми или иными ее направлениями, сосуществующими и сопряженными друг с другом.

Научная фантастика, будучи особым жанром фантастической литературы, так называемой «science fiction», строится вокруг научных идей и допущений, а заданная картина мира в ней отличается логичностью и внутренней непротиворечивостью, и потому в своем первоначальном, «чистом» виде ее принято называть «твердой» (*hard science fiction*) [4], или «рациональной», научной фантастикой. В 70-е годы

прошлого столетия появляется термин «мягкая» научная фантастика (*soft science fiction*) [5], которым принято характеризовать развитие гуманитарной научной фантастики. В общем виде научная фантастика дополняет и специфицирует с помощью своих средств содержание науки. При этом «твердая» научная фантастика в большей степени опирается на научные достижения, ее дискурс сдержан демонстрацией научных идей, в то время как в «мягкой» фантастике в большей степени раскрываются и рефлексированы ценностно-смысловые темы философии и вообще гуманитаристики.

Можно сказать, что научная фантастика была в XX веке частью проекта «онаучивания» общества (по М. К. Петрову). «...Научная фантастика определяла наше видение будущего в уходящем веке», утверждал М. Н. Эпштейн [1, с. 100], что сближало ее с *социальным проектированием* [1, с. 100]. Действительно, научная фантастика была в некотором роде частью проекта «светлого будущего», в особенности советской

социальной утопии, расширенной в ней до возможности некоего идеального человеческого бытия в «лишь пока недоступных» космических пространствах. Творчество многих известных писателей-фантастов (например, И. Ефремова, А. Беляева, С. Лема и других) послужило «продвижению» этого проекта.

Научная фантастика оказывается органично встроена в общественное мировоззрение, в гуманитарную культуру XX – начала XXI века. Она отвечает новому типу «человека творческого», будучи устремленной в будущее, способствуя выстраиванию социальных проектов новой культурной и социальной реальности. В современной гуманитарной культуре она предстает некой альтернативой философскому самосознанию и одновременно является тем способом, который выводит самосознание культуры в лице лучших своих представителей, обращающихся к философским темам, на уровень художественно-образного осмысления философских проблем и идей.

Концепция изменения, трансформации человека представлена в различных проблемных полях современной философии и широко обсуждается в контексте понимания социальной, политической, духовной жизни, существования техногенной культуры и жизненного мира современного человека. Вряд ли подлежит сомнению то, что сегодня, по сравнению с эпохой традиционного общества, существенным образом трансформируется мировоззрение человека, хотя контексты этого изменения еще не имеют окончательных границ, а возникающие здесь философско-антропологические смыслы будущего человека, понимание разнообразных антропологических феноменов не имеют достаточной концептуальной проработки.

Ф. Ницше еще в конце XIX столетия, критикуя антиисторическую «метафизическую» философскую парадигму о «человеке вообще», «вечном человеке», своей метафорой о «смерти Бога» подтвердил идею радикального мировоззренческого изменения, обосновывая его смерть не трансцендентного как такового, а *прежнего* человека в культуре, живущего «метафизическими» ценностями и идеалами. Для немецкого мыслителя мировоззренческое изменение, происходившее с человеком в конце XIX столетия, включало в себя актуализацию в его жизненном мире творческого, свободно-фантазийного порыва.

В XX веке идея трансформации человека получила развитие и обоснование в различных философских школах – экзистенциализме, прагматизме, постструктурализме и других. Причем с этой идеей оказалась связана достаточно популярная в философской антропологии схема исторической мировоззренческой трансформации человека «премодерна» (человека традиционного общества) в человека модерна и постмодерна.

Важно отметить, что утверждение: «старый индивид, или индивидуальный субъект, “мертв”» (Ф. Джеймисон) означало в философском осмыслении фиксацию происшедших в человеке изменений ценностных ориентаций, а также самого способа мышления, типа рациональности. В связи с этим некоторые исследователи (Р. Рорти, Ю. Хабермас) утверждают, что в мировоззрении современного человека на задний план отходит «логическое», вместо этого появляются установки на диалогизм и коммуникативную рациональность, «солидарность», но не общечеловеческого, а локального прагматического характера. В современном описании человека существенно понимание его нового творческого облика, в котором действенным и полезным становится развитие сферы творческого воображения (творческой импровизации) средствами не столько чисто философскими, сколько более доступными массовому человеку коммуникативными средствами литературы, искусства и СМИ.

Вопрос о связи между трансформацией мировоззрения человека и актуализацией в культуре современности способности к творческому воображению и импровизации, о которой говорили, в частности, Р. Рорти, Ю. Хабермас и другие мыслители, подводит нас к вопросу о роли научной фантастики в современном гуманитарном мировоззрении. Новый контекст бытия человека, отраженный в научно-фантастической литературе, становится понятным в свете идеи мировоззренческой трансформации человека как следствия его глубокой вовлеченности в технологическую среду, вплоть до виртуализации многих актуальных человеческих качеств.

Научная фантастика как жанр литературы XX – начала XXI века, обусловленный контекстами технократической культуры и мышления, возникающий в эпоху человека модерна,

в контексте научных идеалов классической рациональности и продолжающий развитие уже в эпоху человека постмодерна и идеалов неклассической и постнеклассической науки, неслучайно становится предметом многих научных исследований и философских спекуляций. Писатели-фантасты оказались не просто «часовыми» мировоззренческого изменения человека, но и были вовлечены в процесс «последних вопрошаний» о нем, представляя в своем творчестве сопряжение часто одновременных образов и разноуровневых мировоззренческих смыслов. Содержащийся в научной фантастике, претерпевшей трансформацию и переплетение с другими возникающими жанрами литературы (утопия, антиутопия, фэнтези, технофэнтези, киберпанк и т. п.), импульс творческой импровизации относительно будущего человека сопрягается с тем изменением, которое в нем происходит и позволяет воспринимать его природу открытой и незавершенной.

Соответствующий мировоззренческим смыслам либеральной идеологии человек в «художественной философии» современной научной фантастики предстает, как отмечает В. А. Бачинин, анализирующий творчество современного фантаста В. Пелевина, «актером на мировом карнавале культур, религий, идеологий, философских идей...» [2]. Поэтому творческая импровизация оказывается следствием «осознания себя как игрока», а в культуре – «всеобщего иллюзиона» [2]. Такая творческая импровизация, являющаяся результатом пребывания «в мировоззренческой расщелине» [2], дает писателям-фантастам ощущение легкости и раскованности мысли. Так, по признанию В. Пелевина, для него все религиозные системы, представленные теми или иными смыслами или теориями, одинаково близки и далеки, потому что все они являются «взмахами ума в пустоте» [2]. Рефлексивно насыщенное развертывание дискурса современной фантастики в принципиальном удержании в «распахнутости души во что угодно» [2], конечно, выводит ее за рамки «жесткой» научной фантастики, основанной на демонстрации реализуемости какой-либо новой научной идеи или открытия. Однако именно поэтому научная фантастика заключала в себе немалый потенциал современного гуманитарного мировоззрения.

По мнению современного отечественного мыслителя и исследователя в области философской антропологии С. С. Хоружего, благодаря научной фантастике мы наблюдаем в течение последних нескольких десятилетий феномен специфической «актуализации антропологического воображения» [3]. Научная фантастика не просто отражает масштабное вбирание технократической культурой и мыслью в свою орбиту всего «человеческого», но и сама становится «одним из немаловажных факторов постепенного антропологического поворота европейской мысли» [3], отражающего изменения и разрыв мировоззренческой идентичности человека модерна и человека постмодерна, помогая в этой ситуации домысливать новую антропологическую реальность.

Актуализация «антропологического воображения» означает, что человек современной культуры каждый раз «обнаруживается» в новых и более условных контекстах жизненного творчества, в большей степени лишь воображаемых, что предоставляет ему возможность в технократической или виртуализированной среде произвольно изменять структуры собственной мировоззренческой идентичности. Это нашло отражение в созданных писателями-фантастами различных философско-антропологических образах, спровоцировавших их «впрыскивание» литературно-образными средствами в жизнь массового общества.

В конце XX – начале XXI веков происходит изменение культурного контекста существования научной фантастики. Уходит из массового сознания советская социальная утопия, ее эпигоны из среды писателей-фантастов. В культуре постмодерна с ее относительными ценностями изменяются и размываются критерии научно-фантастического через осознание достаточно большой роли творческой свободы автора при создании фантастических феноменов. Как отмечает М. Н. Эпштейн, «...грань между действительностью и воображением все более утончается и мы вступаем в мир, где вымысел становится формой знания о завтрашних вещах» [1, с. 100]. Неслучайно научная фантастика, несмотря на свой преимущественно рационально-когнитивный характер, не всегда отличима в массовом сознании от размытых форм фантастического, функционирующих в культуре.

Однако и в наше время феномен научной фантастики заслуживает внимания вследствие

творческой роли человеческого воображения вообще и ее оформления в качестве своеобразного ценностно-художественного транслятора идеалов современной техногенной культуры. При этом нужно признать, что непосредственно в художественных текстах научной фантастики философскому осмыслению данного феномена уделялось недостаточно внимания. Обусловлено это в первую очередь тем, что понятие фантастики нельзя просто вывести из некоей совокупности ее литературного выражения или рассматривать в качестве своеобразного текста. Это не столько определенный жанр литературы, а, скорее, инструмент, с помощью которого можно открыть новое в ней, как полагает У. Гибсон. Фантастика в современном виде, в том числе научная фантастика, – это опытно-экспериментальная площадка, которая часто «устанавливается» писателем и, на первый взгляд, не соответствует тому или иному литературному жанру, где при помощи художественно-образных средств раскрываются философские проблемы и идеи автора. Так, тема зла стала одним из примеров такого эксперимента, позволяющего разглядеть определенную условность в человеке гуманистического сознания.

Научная фантастика, будучи феноменом культуры XX – начала XXI века, явилась как своеобразным отражением происшедшего изменения человека, так и активным, творческим фактором, влияющим на формирование этого изменения. В течение целой эпохи в творческом процессе рождения фантастической образности ставились разные акценты. Если в первой половине прошлого столетия критерии фантастической образности в научной фантастике соответствовали преимущественно антропологическому типу человека модерна, то позднее (примерно с 70-х годов) можно говорить о постепенном их изменении в соответствии с сознанием человека постмодерна, которого Р. Рорти назвал «либеральным ироником».

Научные фантасты первой половины и вплоть до 70-х годов XX века, создавая свои произведения на основе пролонгации научно-рациональных идей, рассматривая последствия вовлеченности «человека творческого» (С. Лем) в технократическую среду, использовали тематику экзистенциальной философии, а также философии бессознательного. В целом это не только способство-

вало развитию проекта «онаучивания общества» в соответствии с идеалом научной рациональности, но и компенсировало его недостаточность. Фантасты конца XX – начала XXI века (У. Гибсон, Р. Желязны, В. Пелевин и другие), признавая важную роль научной фантастики, в своих произведениях использовали разноплановые элементы мифологических и религиозных верований, утопий и антиутопий, вместе с тем соединяя их в пространстве постмодернистской картины реальности с идеями условности, «прозрачности», бессосновности сущего, концептом пустоты и мировоззренческой установкой «игры с невозможным», что и придавало их творчеству особую раскованность и «сообщение» с различными фантастическими дискурсами.

Таким образом, научная фантастика помогает раскрыть спецификацию мировоззренческих изменений человека, а потому представляет собой опытно-экспериментальную площадку для выявления движения системы взглядов человека модерна к мировоззрению, присущему человеку эпохи постмодерна. Характерной чертой научной фантастики является исполнение ею функций компенсации и прогностики-предупреждения в культуре.

Процедура запределивания позволяет научной фантастике создавать виртуальные, то есть не имеющие статуса необходимости, образы возможных сценариев будущего как отдельного человека, так и всего человечества. Эти сценарии могут быть оптимистическими, пессимистическими, превращающими научную фантастику в одну из форм «духовной тревоги» (С. Лем), что сближает ее с экзистенциальной философией. Научная фантастика тесно связана и с философией бессознательного, поскольку описывает воздействие на человека подсознательных разрушительных образов, проникающих в жизненное и творческое пространство человека и составляющих его «расплавленное» и затягивающее зазеркалье. С философией постмодерна она соотносится через творческую импровизацию идей свободы, условно-возможного (бессосновного) и случайного, в которых отражается мировоззренческое изменение человека. Эксплицирование в научной фантастике философских идей и проблем творчества, Другого, зла и т. п. способствовало ее участию в формировании современного мировоззрения в культуре.

Литература

1. Ваганов А. Г. Предсказание настоящего времени // Социальное проектирование в эпоху культурных трансформаций. М., 2008.

2. Бачинин В. А. «Если верует, то не верует, что верует. Если же не верует, то не верует, что не верует» (постмодернистское письмо Виктора Пелевина в философско-теологическом контексте). URL: <http://pelevin.nov.ru/stati/o-esliver/1.html>.

3. Хоружий С. С. Проблема постчеловека, или Трансформативная антропология глазами синергийной антропологии. URL: <http://synergia-isa.ru/Horuzhy>.

4. Dictionary citations for the term «hard science fiction». URL: <http://www.jessesword.com/sf/view/1674>.

5. Science fiction citations for the term «soft science fiction». URL: <http://www.jessesword.com/sf/view/1843>

Bibliography

1. Vaganov A. G. Prediction of the present // Social design in the era of cultural transformation. Moscow, 2008.

2. Bachinin V. A. «If you believe, then disbelieve, believe. If you do not believe, then disbelieve, believe not» (letter Postmodernist Viktor Pelevin in the philosophical-theological context). URL: <http://pelevin.nov.ru/stati/o-esliver/1.html>.

3. Horuzhiy S. S. The problem of the posthuman, or Transformative anthropology eyes synergistic anthropology. URL: <http://synergia-isa.ru/Horuzhy>.

4. Dictionary citations for the term «hard science fiction». URL: <http://www.jessesword.com/sf/view/1674>.

5. Science fiction citations for the term «soft science fiction». URL: <http://www.jessesword.com/sf/view/1843>.

Нарыков Николай Владимирович
Narykov Nikolai Vladimirovich

профессор кафедры философии и социологии Краснодарского университета МВД России
доктор философских наук, профессор.

Professor, Department of Philosophy and Sociology, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor.
E-mail: nikkuban@mail.ru

Дементьев Сергей Александрович
Dementiev Sergey Aleksandrovich

доцент кафедры философии и культурологии Южно-Российского гуманитарного института
кандидат социологических наук.

Associate Professor, Department of Philosophy and Cultural Science, Southern Russian Humanitarian Institute,
PhD in Sociology.
Тел.: 8 (928) 270-02-27.

**ЧЕЛОВЕК В ИНФОРМАЦИОННОЙ СРЕДЕ
СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА: АМБИВАЛЕНТНОСТЬ ПРИРОДЫ
И СУЩНОСТИ ИНФОРМАЦИОННОГО ЧЕЛОВЕКА**

**Man in the information field of modern society: the ambivalence of nature
and the essence of the information person**

В статье рассматриваются особенности информационной среды современного общества, которые создают условия для его отчуждения. Авторы приходят к выводу, что информационная среда приобретает характер все большего господства над человеком, что является главной причиной возникновения угроз и рисков его информационной безопасности в информационном мире.

Ключевые слова: информационная среда, трансформация реальности, виртуальная реальность, амбивалентность, информационная безопасность, электронная культура, сетевая свобода.

The article discusses the features of the information environment of modern society, which create conditions for the alienation of man. Authors come to a conclusion that the information environment gains the nature of the increasing domination over the person that is the main cause of threats and risks of information security of the person in the information world.

Keywords: information environment, transformation of reality, virtual reality, ambivalence, information security, e-culture, freedom network.

Информационная среда современного социума является во многом агрессивной по отношению к конкретному пользователю информационных ресурсов, что вызывает потребность в анализе отрицательного воздействия информационной среды на человека. Именно негативная по отношению к человеку составляющая информационной среды создает условия для нарушения его информационной безопасности.

Человек не просто живет в информационном мире и пользуется ресурсами информационных технологий. Он является существом не только социальным, но и информационным. Он постоянно использует инфор-

мацию для решения различных задач – познавательных, образовательных, социальных или повседневных. Только постоянное приращение информации позволяет человеку быть востребованным в своей профессии, активно участвовать в социальной жизни общества.

Кроме реализации своих интересов, он нуждается и в удовлетворении информационных потребностей, спектр которых очень широк и простирается от новостной информированности до игровой и развлекательной. Не зря Н. Винер называл способность использовать информацию отличительным качеством человека [1]. Его поддерживает А. Д. Еляков, ут-

верждающий, что владение информацией является главным условием существования человека [2].

Информация является не только средством осведомленности о мире и способом адаптации к нему, это, прежде всего, как отмечает С. Д. Прудис, знание, а следовательно, информация – это часть человеческого сознания и самосознания [3]. Кроме того, она составляет основу рационального построения жизни, предвидения и прогнозирования, это средство и способ общения. Информация – это наука, культура, образование, а также форма существования человека и общества.

Между тем общество в его наличном бытии, в его истории, альтернативах развития и сценариях будущего есть информационный универсум, а человек является мельчайшим его элементом, информационным атомом информационной «вселенной».

Человек в информационной среде современного общества понимается как информационное существо. Основное отношение уже обозначено: современный человек как Homo Informaticus есть элементарная частица информационного универсума современного общества, причем общества, понимаемого как описываемого с помощью традиционного понятийного аппарата, так и общества виртуального, представляемого информационными фантомами, симулякрами, информационными дубликатами реальности, цифровыми явлениями и прочими информационными формами виртуальной реальности.

Как бы ни трактовалась современная виртуальная реальность и глобальный цифровой мир, но именно человек как мельчайший элемент этого информационного универсума является первоначальной внутренней причиной, мотивом реализации различных информационных потребностей. Это вторая грань отношений, которые характеризуют современного Homo Informaticus.

Но это надо понимать не в абсолютных характеристиках, а в относительных, поскольку человек лишь изначально является внутренней причиной и мотивом реализации различных информационных потребностей, поскольку с появлением цифрового мира, который развивается параллельно миру традиционному, виртуальная реальность «форматируется» по своим собственным законам. Можно сказать,

что она начинает свое независимое существование.

Следующая грань отношений Homo Informaticus связана с вопросом о том, кто кем управляет. Весь цифровой мир, глобальная информационная сеть, конечно, созданы человеком для более оптимального управления различными информационными ресурсами и производства информационных продуктов. Но уже сегодня мы видим, что человек попал в зависимость от глобальной сети, средств массовой коммуникации и связи, информационных технологий. Он уже не может обходиться без информационных ресурсов и средств, которые стали реальностью информационного универсума. Поэтому вопрос о том, кто от кого или от чего зависит и кто чем управляет, является далеко не риторическим.

Социальные мыслители пришли к выводу о том, что сущность человека определяется совокупностью всех общественных отношений, возникающих в различные исторические эпохи развития цивилизации. Особенностью современного этапа является то, что человечество вступило в фазу развития информационного общества, и, соответственно, с чем, доминантой социальности становится глобальная информатизация. Это выражается в широком спектре различных особенностей и, прежде всего, в том, что основные социальные потребности реализуются посредством глобальной информационной сети. Соответственно, именно в глобальном информационном обмене и информационном взаимодействии реализуется вся совокупность социальных отношений, то есть сущность современного человека типа Homo Informaticus (третья грань отношений).

Следовательно, свою человеческую сущность в виде совокупности общественных, в данном случае информационных, отношений индивид погрузил в информационный мир, в его базы данных, серверы, совокупность информационных узлов, информационные сети и другие проявления цифрового мира. В результате происходит отчуждение человеческой сущности от самого человека и общества с его совокупностью социальных отношений в традиционном их понимании, то есть отчуждение в пользу мира цифрового, информационного.

У этого процесса существует много граней: духовное отчуждение, кризис идентичности,

---

оскудение культуры, моральные и нравственные деформации современного общества, подмена реальности, в том числе реальной достижительской деятельности имитацией, трансформации социальных процессов в сторону гибридных дубликатов, кризис общечеловеческих ценностей, подмена их псевдоценностями, иллюзиями, социальными химерами и так далее.

В социально-онтологическом плане информационный человек имеет амбивалентную природу: с одной стороны, он является субъектом информационного общества, а с другой, как отмечает О. П. Знамцева, – выступает элементом информационной реальности [4]. Такой же подход характерен для понимания сущности информационного человека: с одной стороны, это личность, имеющая свою индивидуальность, с другой – он есть выражение всей совокупности общественных отношений применительно к информационному миру, то есть информационных отношений.

Следует также назвать такую грань амбивалентности, как виртуальная амбивалентность, согласно которой информационный человек как участник глобального сетевого информационного взаимодействия есть цифровой информационный актер, но в то же время он представляет собой некий конструкт: в социально-антропологической теории это антропологический конструкт, в социологической теории – социологический, экономической теории – экономический, политической – политический, а психологической – психологический.

Соответственно, человек эпохи информатизации выступает как *homo economicus*, *homo sociologicus*, *homo politicus* и так далее. И все его ипостаси и есть выражение той или иной грани человека информационного мира типа *Homo Informaticus*.

Средой жизнедеятельности человека типа *Homo Informaticus* является информационная сфера. Это новое явление в истории человеческой цивилизации, поскольку все основные социальные процессы ранее были связаны с производством, хранением и использованием информации, а основная деятельность человека типа *Homo Informaticus* предусматривает информационное взаимодействие и информационный обмен, приобретение информации и ее использование.

Учитывая вышесказанное, следует отметить, что все особенности бытия человека в современном социуме, а также угрозы и риски в основном связаны именно с информационной средой. Как понятие, информационная среда в отечественной исследовательской литературе было выделено еще в 1976 году Ю. А. Шрейдером [5]. В самом общем смысле информационная среда – это социальная и технологическая система, предназначенная в данном социуме для получения, хранения и эффективного использования информации.

С точки зрения такого понимания информационной среды рассматриваются и такие понятия, как информационные процессы (функционирование всех элементов информационной среды), информационные технологии (технологические средства получения, передачи, переработки и использования информации), а также формы взаимодействия различных сред бытия человека типа *Homo Informaticus* – социальной, экономической, производственной, образовательной, культурной и интеллектуальной, которые характеризуются как условия функционирования всего потенциала знаний, выражаемых информацией, что дает общую экспозицию информационной среды социума.

Информационная среда современного общества характеризуется рядом общих особенностей и закономерностей. Во-первых, ей присуще постоянное и неуклонное расширение, захватывание новых сфер человеческой жизнедеятельности. Она увеличивает свое влияние на жизнь отдельного человека, его повседневность, корректирует отношения между группами людей, организациями и социальными институтами. Во-вторых, информационная среда, в своих информационно-цифровых средствах и ресурсах отражает основные формы социальных отношений, всю социальную реальность. В-третьих, она порождает свои собственные аналоги реальности, свой цифровой мир, свою виртуальную реальность, которые, отчасти являясь аналогами традиционной реальности, подменяют ее, искажают и трансформируют соответствующим образом.

Все развитые страны отличает то, что информационная среда характеризуется такими показателями, как развитие высокотехнологичных информационных отраслей производства,

экспорт интеллекта в различных формах (технологии, специалисты, программное обеспечение), ускорение сферы информационных услуг, их высокие котировки, возрастание спроса на высококвалифицированных специалистов, усиление манипулирования массовым сознанием, «интернетизация» всех сторон жизни общества, увеличение роли инноваций во всех сферах общественной жизни, изменение мира повседневности каждого отдельного человека, его информатизация, увеличение роли знаний в его трансформации от *knowledge-of* (знания рецептов действия в типичных ситуациях) до *knowledge-about* (простой осведомленности о каких-то мало значимых элементах мира) и их значения для «новой экономики», или «экономики знаний» [6].

Трансформируя социальную реальность, информационная среда изменяет и природу человека, и присущие ему качества, формируя тип *Homo Informaticus*. И в этом кроется одна из угроз для человека, которая способна изменить его облик, потребности в освоении реального мира и получении знаний о нем, объективных, правдиво отражающих окружающий мир, а не мир симулякров и информационных фантомов, что, соответственно, представляет опасность его информационной безопасности.

Не секрет, что современный человек испытывает большое воздействие информационной, цифровой и электронной культуры. Она проникла во все сферы жизни общества: в межличностное общение, досуг и развлечения, игры и отдых, производство, социальную и политическую жизнь, увлечения, образование и самообразование, культуру и мировоззрение. На глазах у одного поколения произошла технологизация и виртуализация культуры. Новая электронная культура, как отмечает Л. В. Баева, дает возможность человеку приобщиться к иной форме бытия – к информационной среде, для которой характерны такие признаки, как глобальность, открытость, свобода доступа к информации, активность и интерактивность, анонимность общения, дистанционность информационного взаимодействия, возможность участия в формировании содержания того или иного контента, гипертекстуальность, дескриптивность, отсутствие социальной иерархии и жестких правил, инновационность, технократизм [8].

Электронная культура, по словам А. М. Рончи, не просто проникает во все сферы социума,

она меняет их и становится доступной посредством практически ничем не ограниченного информационного поиска, информационного обмена и взаимодействия. Ее доступность визуализирована и чувственно воспринимается. Эта культура одним кликом вызывается на экране персонального компьютера [9].

Так, электронная культура включает в себя, кроме обычных объектов и культурных артефактов, новые элементы в виде электронных цифровых объектов (электронные каталоги, электронные библиотеки, электронные выставки и экспозиции, электронные презентации, электронные музеи и так далее), новые формы – компьютерные игры, программы, социальные сети и т. п. Это порождает особую форму культурного бытия человека, но одновременно вызывает и новые угрозы, и опасности для человека. Человек становится потребителем электронной культуры, превращается в *Homo Informaticus*, то есть в виртуализированного биосоциоэлектронного субъекта, в электронно-виртуальное существо.

Реальной становится угроза утраты границы реальности, подмены ее иллюзорной, виртуальной реальностью, в которой взаимодействие происходит между электронно-виртуальными существами, анонимными и обозначенными произвольными «никами», замены операций с реальными объектами манипуляциями с цифровыми информационными фантомами и симулякрами.

Это происходит посредством замещения реальности виртуальностью и ее псевдообъективацией. Свобода реального бытия человека замещается свободой виртуального выбора в информационной сети, свободой моделей поведения в сетевых сообществах, свободой подмены собственной субъектности свободой оцифровывания своего участия в информационном взаимодействии.

Современное западное и российское общество в своем развитии характеризуется тенденциями к индивидуализации и атомизации социальных связей. Именно о таком обществе З. Бауман писал как об индивидуализированном [7]. В реальном человеческом измерении подобная индивидуализация чревата личным и социальным одиночеством. Сетевая свобода создает иллюзию сопричастности, коллективного действия, но это выражается лишь в том, что называется одиночеством в сети.

Литература

1. Винер Н. Кибернетика или управление и связь в животном и машине. М., 1968.
2. Еляков А. Д. Homo Informaticus и современная информационная среда // *Философия и общество*. 2012. № 3 (67).
3. Прудис С. Д. Информационный аспект сознания // *Человек*. 2010. № 4.
4. Знамцева О. П. Информационный человек: социально-видовые характеристики. Саратов, 2008.
5. Шрейдер Ю. А. Информационные процессы и информационная среда // *Научно-техническая информация*. Серия 2. 1976. № 1.
6. Сербинский Б. Ю. О содержании терминов «инновационная экономика», «новая экономика» и «экономика знаний» // *Научный журнал КубГАУ*. 2010. № 61 (07).
7. Бауман З. Индивидуализированное общество: пер. с англ. / под ред. В. Л. Иноземцева. М., 2002.
8. Baeva L. V. Anthropogenesis and dynamics of values under conditions of information technology // *International journal of technoethics*. 2012. № 3 (3).
9. Ronchi A. M. *E-Culture*. N. Y., 2009.

Bibliography

1. Wiener N. *Cybernetics or control and communication in the animal and the machine*. Moscow, 1968.
2. Elyakov A. D. *Homo Informaticus and modern information environment* // *Philosophy and society*. 2012. № 3 (67).
3. Prudis S. D. *Information aspect of consciousness* // *Man*. 2010. № 4.
4. Znamtseva O. P. *Information people: social and specific characteristics*. Saratov, 2008.
5. Schrader Yu. A. *Information processes and information environment* // *Scientific and technical information*. Series 2. 1976. № 1.
6. Serbinsky B. Yu. *The content of the terms «innovation economy», «new economy» and «knowledge economy»* // *Scientific KubGAU magazine*. 2010. № 61 (07).
7. Bauman Z. *The individualized society: transl. from the English / ed. V. L. Inozemtsev*. Moscow, 2002.
8. Baeva L. V. *Anthropogenesis and dynamics of values under conditions of information technology* // *International journal of technoethics*. 2012. № 3 (3).
9. Ronchi A. M. *E-Culture*. New York, 2009.

Немчина Вера Ивановна
Nemchina Vera Ivanovna

доцент кафедры регионалистики и евразийских исследований Института социологии и регионоведения Южного федерального университета кандидат социологических наук, доцент.

Associate Professor, Department of Regional Studies and Eurasian Researches, Institute of Sociology and Area Studies, Southern Federal University, PhD in Sociology, Associate Professor.
E-mail: nemchina@sfsu.ru

ИДЕНТИЧНОСТЬ ИНДИВИДА В СОЦИАЛЬНЫХ ИНТЕРНЕТ-ПРАКТИКАХ Identity of an individual in social internet-practices

В статье рассматривается проблема влияния Интернета в виде социальной инфраструктуры информационного общества на идентичность индивида. Отмечается, что важным качеством идентичности индивида является то, что она формируется под воздействием коллективных ценностей участников информационного взаимодействия соответственно практикам коммуникации, которые сложились у интернет-сообщества. Автор пытается ответить на вопрос о том, насколько реальная идентичность индивида совпадает или расходится с «воображаемой» виртуальной идентичностью.

Ключевые слова: интернет-практики, информационно-коммуникационное взаимодействие, информационное общество, коллективные ценности, виртуальная реальность, социальная ригидность, инфологемы.

The problem of the influence of the Internet in the form of the social infrastructure of the information society on the identity of the individual. It is noted that an important quality of an individual's identity is that it involves collective values of participants of information interaction, respectively, communication practices that have developed in this Internet community. Urgent is the question of how the real identity of the individual is the same, or at variance with the «imaginary» virtual identity.

Keywords: internet practices, information and communication cooperation, the information society, collective values, virtual reality, social rigidity, infology.

Одной из черт современного информационного общества является наличие Интернета. То, что Интернет есть продукт высоких информационных технологий, средство информационно-коммуникационного взаимодействия, всемирный информационный ресурс и глобальная информационная сеть, – это неоспоримый факт. Будучи важным элементом инженерной, технологической и информационной инфраструктуры информационного общества, он является также неотъемлемой частью его социальной инфраструктуры, что имеет для рассматриваемой темы большое значение.

Учитывая вышесказанное, отметим, что изучение роли Интернета в формировании идентичности индивида в информационном обществе является актуальной исследовательской задачей. В современной науке данная задача может быть решена следующими способами:

– путем выявления и анализа трансформации социальных институтов в условиях развития информационного общества;

– изучения информационных сетей как форм информационно-коммуникационного и социального взаимодействия;

– анализа влияния Интернета на различные социальные процессы, в частности на развитие «электронной экономики», «электронной демократии», «электронной политики», «электронного правительства», «электронного образования», «электронной культуры» и так далее.

Нас в большей степени интересует вопрос о том, каким образом Интернет в виде социальной инфраструктуры информационного общества влияет на идентичность индивида. Данная проблема предусматривает постановку следующих исследовательских задач: осмысление того, в какой среде осуществляется идентификационный процесс; определение характера этой среды; анализ механизмов идентификации, действующих в ней. Ответы на данные вопросы должны выявить сущность идентичности индивида в информационном обществе. Осмысление того, в какой среде

осуществляется идентификационный процесс, предполагает, казалось бы, простой ответ – в интернет-пространстве. Однако следует отметить, что Интернет – это не просто хранилище информации, гигантская электронная библиотека и, конечно, не только электронная почта. Интернет – это качественно новый вид глобальной коммуникации, технологическая электронная площадка, а также образовательное пространство для такой коммуникации. Существует и общепринятый термин, который используется для обозначения этого вида коммуникации – Computer-Mediated Communication (смс).

Исследования в области интернет-коммуникации являются относительно новыми, поэтому пока не получили однозначного терминологического определения. Это довольно широкая область исследования, и в ней принято выделять такие сферы, как электронная социальная наука (e-Social Science) и цифровая гуманитарная наука (Digital Humanities). Первая характеризуется посредством переноса методологии и методик различных социальных исследований в область информационно-коммуникационных технологий, а также кибернетической инфраструктуры. Частица «е» в термине «e-Social Science» означает расширение концептуальной сферы социальных наук до области электронных информационно-коммуникационных взаимодействий. Хотя, с другой стороны, название «e-Social Science» можно трактовать как электронную социальную науку, то есть комплекс исследований, посвященных сугубо электронным технологиям. Отметим, что зарубежные ученые С. Скотт и У. Вентерс определяют электронную социальную науку как «особенный метод виртуализации исследовательских практик» [13]. Что касается цифровых гуманитарных наук, то, по мнению Е. Ю. Журавлевой [2, с. 91–98], это в большей степени область, которая характеризуется тем, что новые электронные способы применяются для объяснения «форматирования» общества и общественных отношений. Это, как пишет Б. Фреше, не более чем собирательный термин для обозначения самых широких практик применения и интерпретации информационно-коммуникационных технологий в социальных и гуманитарных науках. Поскольку социум имеет коммуникативную природу, по крайней мере в этом нас убе-

ждает Н. Луман [2], и коммуникация оказывается важным идентификационным фактором и реализуется в глобальной информационной сети, которая выступает электронным аналогом социума, логично предположить, что специфические идентификационные процессы осуществляются именно в этом социальном секторе. Соответственно, средой, где формируется идентичность, являются цифровые информационные сети, а электронное общение выступает в качестве главного фактора формирования идентичности индивида информационного общества.

Жанрами социальной коммуникации, как показывает сложившаяся практика информационно-коммуникационного взаимодействия, являются следующие способы массового информационного обмена: электронная почта; телеконференции; группы новостей; дайджесты новостей; интерактивные беседы; гостевые книги; электронная доска объявлений (коммерческие обзоры рынков, аналитика бирж, аналитика финансов, аналитика отраслей, объявления о вакансиях и трудоустройстве); интернет-магазин; интернет-технопарк; электронная реклама; система электронных баннеров; живой журнал; форумы; синхронные и асинхронные чаты; твиттеры; инстаграммы; блоги; интернет-семинары; интернет-конференции; интернет-опросы общественного мнения; интернет-тесты; интернет-издания (статьи, учебные пособия, монографии, сборники, рецензии, аннотации, обзоры); электронные библиотеки; социальные сети; профессиональные сети.

При этом формирование в информационном обществе такой социальной инфраструктуры, как электронная коммуникация, обуславливает создание соответствующих социальных интернет-практик. Их, согласно А. Л. Радкевичу, можно классифицировать по разным основаниям:

1) сфере применения (производственные, профессиональные, коммерческие, экономические, финансовые, социально-политические, образовательные, развлекательные, досуговые, повседневные, бытовые, общественные, социально-групповые, индивидуально-личные);

2) функциональной направленности (коммуникационные, информационные, информационно-коммуникационные) [3, с. 18–19].

Существующие интернет-практики информационно-коммуникационного взаимодействия являются важнейшим фактором, способствующим формированию идентичности индивида в информационном обществе. Как известно, идентичность формируется посредством принятия индивидом определенной системы ценностей некоторой социальной группы, с которой он себя отождествляет. Ценности, общие для членов той или иной социальной группы, «формируются через взаимные влияния, через имплицитные переговоры, по ходу которых люди обязывают себя к особым символическим моделям, образам и разделяемым ценностям. Делая это, они приобретают и некий общий репертуар интерпретаций и объяснений, правил и процедур, которые могут применяться в повседневной жизни...» [4, с. 9]. Представляется, что факт принятия системы ценностей некоторой социальной группы индивидом содержит в себе несколько значимых аспектов: согласие с этими ценностями, понимание их как регулятивов для использования в социальной практике, осмысление их значимости для себя, а значит, в некотором смысле познание этих ценностей.

В сложившихся интернет-практиках все указанные акты имеют место. Это отмечал Дж. Серль, говоря о фоновом знании [5, с. 112]. И. Гофман характеризовал такое знание, как фреймы [6, р. 233]. П. Бурдьё в своих рассуждениях говорил о габитусе [7, с. 121]. Соответственно, идентичность индивида приобретает в процессе информационно-коммуникационного обмена и взаимодействия социальных знаний-ценностей (габитус, фон, фрейм и так далее). Они выступают как формы социализации индивида и полноценное включение его в информационное взаимодействие в том виде, который востребован в той или иной функциональной направленности информационно-коммуникационного взаимодействия. Важным качеством такой идентичности индивида является то, что она формируется под воздействием коллективных ценностей, в данном случае ценностей участников информационного взаимодействия. Они предполагают следование правилам выстраивания коммуникационной деятельности по образцам данного сообщества, функционирующего в рамках соответствующего типа государственности как со-

циальной системы [9, с. 23–26] и социальной реальности [10].

Однако, несмотря на то, что описанный выше формат коммуникации приобретает большое количество совершенно новых свойств, она утрачивает практически все невербальные средства передачи информации, чувств, образности. Такая коммуникация частично компенсирует эту потерю различными визуальными, символическими и графическими средствами выражения своих эмоций в виде «смайликов».

В текстовой интернет-коммуникации актер создает себе так называемый виртуальный имидж, который является выражением его «виртуальной личности», так называемый *nick* (от англ. *nickname* – псевдоним) или *label* – «лейбл», «ярлык». Это является внешним выражением трансформации персональной идентичности в виртуальной среде. В связи с этим вполне закономерно возникает вопрос о том, насколько реальная идентичность индивида совпадает или расходится с виртуальной. То, как называет себя актер виртуальной коммуникации, отмечает И. Реид, характеризует его самопрезентацию в цифровой коммуникации [14, р. 187–192]. В этом плане возникает целый спектр проблем, связанных с персональной идентичностью в виртуальной реальности. Это, прежде всего, соотношение реального и виртуального «Я». Другая проблема состоит в том, какие характеристики реальной личности являются основанием для конструирования его виртуального «Я». Третья проблема – на каких ценностных основаниях выбираются те или иные черты виртуального «Я». Существует множество самых разных версий. Одна из них связана со степенью социальной ригидности личности, в частности, с так называемой ролевой ригидностью (индивид идентифицирует себя с исполнителем некоторого репертуара ролей) и диспозиционной ригидностью (человек в своей идентичности руководствуется достаточно жесткими установками).

Для интернет-коммуникации оба ригидных репертуара характеризуются тем, что индивид идентифицирует себя не столько с ценностями какой-то определенной устойчивой социальной группы (как это имеет место в реальности), а с достаточно широким спектром сообществ, в данном случае – сетевых, с кото-

рыми он находится в контакте. Это означает, что в формировании идентичности индивида в виртуальной реальности участвует множество референтных групп, поэтому она становится плюралистичной. В этой связи можно говорить о новых смыслах идентичности в информационном обществе, которые отражаются в различных форматах и артефактах идентификационного процесса. «На электронной ступени субъект децентрализуется в процессе написания текстов на компьютере, используя новые возможности коллективного авторства и игр с идентичностью, предоставляемые компьютерными сетями» [11, с. 74]. Данные форматы и артефакты призваны объяснять ценностные конфликты, возникающие в идентификационном процессе в информационном обществе. Одним из таких артефактов, по мнению указанных авторов, являются так называемые инфологемы.

Инфологемы – это определенный результат либо неосознанных заблуждений, либо сознательных иллюзий, на основе чего формируются стереотипы индивидуального и социального поведения. «Инфологемы появляются как результат неосознаваемых заблуждений или сознательных, целенаправленных манипулятивных воздействий. Они обладают способностью к расширенному воспроизводству, самоумножению и складыванию в системы. Инфологемы

воздействуют на человека в течение практически неограниченного времени, поскольку легко попадают в информационный фонд и тезаурусы, становятся их элементами и в качестве таковых участвуют в формировании искаженной картины мира в сознании людей» [12, с. 51]. В основе инфологем лежат устойчивые установки неприятия и отторжения нового, нетрадиционного и ксенофобии как вражды ко всему чуждому, непохожему, выходящему за рамки обычных представлений.

Таким образом, идентификационный процесс всегда основывается на определенной системе ценностей. Для него в информационном обществе (как и вообще в любом обществе нового типа) характерны так называемые инверсированные, то есть перевернутые, ценности. В первую очередь они присущи информационному обществу, поскольку в нем осуществляется резкий (по меркам исторического времени) отход от традиционных ценностей, которые составляли базис идентификационного процесса. Традиционные, или классические, ценности – это ценности принадлежности к определенной социальной группе (семье, этносу и так далее). В обществе нового типа начинают доминировать ценности пользы (утилитаризма), удовлетворения (гедонизма), достижения цели (прагматизма).

Литература

1. Журавлева Е. Ю. Современные модели развития гуманитарных наук в цифровой среде // Вопросы философии. 2011. № 5.
2. Луман Н. Невероятность коммуникации. URL: [http:// soc.pu.ru.8101/publication/pts/luman_c.html/](http://soc.pu.ru.8101/publication/pts/luman_c.html/)
3. Радкевич А. Л. Социальные интернет-практики россиян в условиях формирования информационного общества. М., 2009.
4. Московичи С. Социальное представление // Психологический журнал. 1995. № 2.
5. Серль Дж. Рациональность в действии / пер. с англ. А. Колодия, Е. Румянцевой. М., 2004.
6. Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта: пер. с англ. / под ред. Г. С. Батыгина и Л. А. Козловой. М., 2003.
7. Бурдьё П. Кодификация // Начала. М., 1994.

Bibliography

1. Zhuravleva E. Yu. Current models for the Humanities in the digital environment // Problems of philosophy. 2011. № 5.
2. Luhmann N. The improbability of communication. URL: [http:// soc.pu.ru.8101/publication/pts/luman_c.html/](http://soc.pu.ru.8101/publication/pts/luman_c.html/)
3. Radkevych A. L. Social Internet practices of Russians in the emerging information society. Moscow, 2009.
4. Moscovichi S. Social representation // Psychological magazine. 1995. № 2.
5. Searle J. Rationality in Action / transl. from the English A. Kolodiya, A. E. Rummyantseva. Moscow, 2004.
6. Hoffman I. Frames Analysis: An Essay on the organization of everyday experience: transl. from the English / ed. G. S. Batygin and L. A. Kozlova. Moscow, 2003.
7. Bourdieu P. Codification // Starts. Moscow, 1994.

8. Лубский А. В. Методологические проблемы использования ИКТ в образовательном пространстве высшей школы // Информатика и образование. 2007. № 6.

9. Лубский Р. А. Государственность в России: проблемы изучения в контексте методологии системного исследования // Философия права. 2011. № 4 (47).

10. Лубский Р. А. Российская государственность как социальная реальность. Ростов н/Д, 2014.

11. Мантатова Л. В. Стратегия развития: ценности новой цивилизации. Улан-Удэ, 2004.

12. Ситкевич Н. В. Мировоззренческие контексты инфосоциогенеза // Гуманитарные ведомости ТПГУ им. Л. Н. Толстого. 2015. № 2 (14).

13. Scott S. V., Venters W. The Practice of e-science and e-social science: method, december, theory and matter // London school of economics working paper series – 151. L., 2006. URL: <http://is2.lse.ac.uk/wp/pdf/wp151.pdf>.

14. Reid E. Cultural formations in text-based virtual realities // A thesis submitted in fulfillment of the requirements for the degree of master of arts. Cultural studies program. Melbourne, 1994.

8. Lubsky A. V. Methodological problems of use of ICT in educational space of the higher school // Informatics and education. 2007. № 6.

9. Lubsky R. A. Statehood in Russia: studying problems in a context of methodology of system research // Philosophy of law. 2011. № 4 (47).

10. Lubsky R. A. Russian statehood as a social reality. Rostov-on-Don, 2014.

11. Mantatova L. V. Development strategy: values of a new civilization. Ulan-Ude, 2004.

12. Sitkevich N. V. Ideological contexts infosociogenez // Humanities statements TPGU them. Leo Tolstoy. 2015. № 2 (14).

13. Scott S. V., Venters W. The practice of e-science and e-social science: method, december, theory and matter // London school of economics working paper series – 151. London, 2006. URL: <http://is2.lse.ac.uk/wp/pdf/wp151.pdf>.

14. Reid E. Cultural formations in text-based virtual realities // A thesis submitted in fulfillment of the requirements for the degree of master of arts. Cultural studies program. Melbourne, 1994.

Анохин Юрий Васильевич
Anokhin Yury Vasilievich

заместитель начальника Барнаульского юридического института МВД России по научной работе
доктор юридических наук, доцент.

Deputy Head on Scientific Work, Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
Doctor of Law, Associate Professor.
E-mail: anohinuv@buimvd.ru

**ОБ ОТДЕЛЬНЫХ АСПЕКТАХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕХАНИЗМА
ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В РОССИИ:
ТЕОРИЯ КОНЦЕПЦИИ ПРАВОВОЙ ТЕХНОЛОГИИ**

**About certain aspects of improving the mechanism of ensuring human rights
in Russia: the theory of the concept of legal technology**

В статье обосновывается необходимость совершенствования механизма государственно-правового обеспечения прав и свобод гражданина в России. Для выработки эффективного механизма обеспечения прав и свобод личности автор предлагает использовать конструктивно-критический подход, основанный на теории правовой технологии, включающей методы поэтапного изменения и корректировки.

Ключевые слова: права человека, механизм обеспечения прав человека, правовая технология, правовой эксперимент, концепция прав человека.

In article need of improvement of the mechanism of state legal support of the rights and freedoms of the citizen is proved in Russia. For development of the effective concept of providing the rights and personal freedoms the author suggests to use the constructive and critical approach based on the theory of the legal technology including methods of step-by-step change and adjustment.

Keywords: human rights, mechanism of ensuring human rights, legal technology, legal experiment, concept of human rights.

Права человека нельзя обеспечить в полном объеме без коренной модернизации общественного производства, кардинальной реконструкции политической системы. Только в этом случае можно создать условия для полной и всесторонней реализации прав личности. Изменение государственной политики в области прав человека, совершенствование механизма реализации прав и свобод личности – одна из стратегических линий реформирования политической системы, направленная на более полное осуществление самоуправления народа на основе активного и действительного участия граждан в решении вопросов государственной и общественной жизни.

Человек должен выступать главным компонентом любой социальной системы. Необходимо учитывать, что личность в политической системе – это не только права конкретного гражданина в его взаимоотношениях с другими членами общества и организациями. Будучи общественным существом, она проявляет себя, прежде всего, через социальные общности (коллективы). Вместе с тем, не умаляя значения кол-

лективных, организационно-упорядоченных форм народовластия, следует признать, что до последнего времени явно недооценивалось значение личности как относительно самостоятельного субъекта политической системы. Ей отводилась роль послушного представителя «народных масс» и «трудящихся классов», «единодушно» поддерживающих генеральную линию политического развития страны. Отсюда и возникла установка на «все более широкое участие масс в управлении» как главный критерий демократизации политической системы.

Реформа политической системы, признающая безусловный приоритет общечеловеческих ценностей над всеми другими, в том числе классовыми, позволяет по-новому подойти к анализу самой природы прав человека, соотношению норм внутригосударственного и международного права в процессе их регламентации. Данный процесс требует принципиально иных подходов к решению всех вопросов правового положения личности, взаимоотношений гражданина с государственной властью. Безусловно, нелегко

отказываться от складывавшихся десятилетиями представлений о государственной власти как единственном источнике и главном гаранте прав человека.

Первоочередная обязанность государства по отношению к своим гражданам состоит в том, чтобы обеспечить их безопасное существование, оградить от каких бы то ни было посягательств их на права и свободы. Только на этой основе возможно создание подлинного правового комфорта личности, придание нового качества правам российского гражданина и их гарантиям.

Среди важнейших направлений, имеющих перспективное, стратегическое значение для обеспечения прав и свобод личности, можно выделить следующие. Во-первых, создание эффективного государственно-правового механизма преодоления отчуждения личности от власти, обеспечение максимальных возможностей для развития самоуправленческих начал во всех сферах жизни. Вместе с тем совершенствование политико-правового статуса граждан, обеспечение правового комфорта личности – не только правовые задачи. Главное препятствие на этом пути коренится в экономических отношениях, материальных условиях существования граждан. Российский гражданин не обладает чувством экономического достоинства вообще. Тотальное огосударствление экономики, утверждение административно-командных методов управления привели к отчуждению личности от собственности и результатов труда, свертыванию товарно-денежных отношений, основанных на требовании экономической независимости и формально-юридического равенства их субъектов. В условиях, когда человек является решающим фактором в осуществлении хозяйственной реформы, преодолении анонимности отношений собственности, особую актуальность и важное политическое значение приобретает разработка новой модели правового положения личности в социально-экономической сфере. В этом заключается смысл второго стратегического направления методологического развития современной концепции обеспечения прав и свобод личности в условиях политической реформы.

В-третьих, определяя перспективные направления развития прав и свобод личности, законодатель должен в большей степени учи-

тывать единство социальных и биологических свойств коллективистских и личностных начал в природе человека. Инстинкты самосохранения и потребность в личной неприкосновенности, стремление к самовыражению и самоутверждению и так далее – все это характерно для личности как члена человеческого общества, независимо от классово-политических характеристик последнего. И это должно учитываться во всех отраслях законодательства.

В-четвертых, одна из важных задач развития прав человека – создание режима подлинного равноправия граждан. Социальная коррозия, которая приобрела внушительные масштабы в застойный период, привела к грубейшим отступлениям от требований равноправия и социальной справедливости, многочисленным нарушениям принципа равенства всех перед законом. Все это оказало сильнейшее деформирующее воздействие на личность.

В Конституции Российской Федерации права и свободы человека объявлены высшей ценностью и должны определять смысл, содержание и области применения законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваться правосудием. Конституционные нормы о правах и свободах человека в достаточной мере соответствуют международным стандартам. Однако осуществление демократических преобразований в обществе немислимо без развития системы обеспечения организационно-правовых средств защиты прав и свобод граждан. Определяя основные направления совершенствования организационно-правовых средств защиты прав человека, следует отметить, что в данной области недопустима абсолютизация: целесообразно сочетать государственные и общественные начала в правозащитном механизме. Это тем более важно, если учесть, что зачастую нарушения прав и свобод допускают именно государственные органы.

Задача обеспечения прав человека может быть успешно решена лишь в том случае, если такое многогранное явление будет рассмотрено в качестве системы, обладающей развитыми связями, разносторонней и занимающей определенное место в иерархии социальных ценностей.

Необходимость рассмотрения проблемы обеспечения прав и свобод личности в качест-

---

ве системы и применения системного исследования объясняется «...высоким уровнем накопления научной информации, переходом науки к исследованию наиболее сложноорганизованных объектов, глубоким проникновением во внутренние процессы их жизнедеятельности» [1, с. 11].

С позиции системного подхода изучения прав и свобод человека важно отметить, что для их реального воплощения в жизнь необходимо разработать механизм государственно-правового обеспечения.

Данный механизм является сложным системным образованием, включающим в себя компоненты как социального, юридического, так и политического, в том числе государственного, характера.

Таким образом, элементы механизма государственно-правового обеспечения взаимодействуют друг с другом и характеризуются соподчиненными организационными связями. При этом важно подчеркнуть, что анализ специфики составных частей механизма обеспечения прав и свобод личности необходим для понимания сущности и значения как конкретного элемента, так и механизма в целом.

Под механизмом государственно-правового обеспечения прав и свобод личности следует понимать комплексную процедуру (процесс) воплощения правовых предписаний в сфере прав человека в реальную действительность.

Исследование данного механизма предполагает его рассмотрение и в статике, и в динамике. При этом статическая (инструментальная) сторона показывает внутреннее строение механизма, его отдельные элементы, их взаимосвязь. Динамическая (функциональная) сторона определяет функционирование этих органов, действие всех государственно-правовых средств, влияющих на общественные отношения в целях создания условий для эффективного обеспечения прав человека и гражданина.

Всестороннее обеспечение прав и свобод личности связано с необходимостью создания в России полноценного гражданского общества и правового государства. Эти идеи доминируют сегодня в общественном сознании и во взглядах российской политической и интеллектуальной элиты. Основные принципы организации гражданского общества и правового государства, зафиксированные в Конституции

Российской Федерации, должны стать компонентами общероссийской национальной идеологии. Однако наполнение этих принципов конкретным содержанием, их практическое воплощение в жизнь сопровождаются рядом трудностей, связанных в значительной степени с недостаточным пониманием того, как эти принципы должны быть адаптированы к условиям современной российской действительности, национальным и социокультурным особенностям народов России, их историческому опыту и традициям [2, с. 8]. По существу, вся сложность процесса преобразований в России как бы фокусируется на многоплановой задаче формирования концептуальных основ обеспечения прав и свобод личности, являющейся и условием, и целью реформ.

Итак, преобразования невозможны без создания новой модели обеспечения прав и свобод личности и эффективного механизма преодоления отчуждения гражданина от власти и собственности. Достижение этих целей предполагает всесторонний, комплексный подход к обеспечению прав человека в Российской Федерации.

В настоящее время, в соответствии с положениями Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации, необходимо обеспечить готовность страны к большим вызовам, еще не проявившимся и не получившим широкого общественного признания, предусмотреть своевременную оценку рисков, обусловленных научно-технологическим прогрессом. Ключевую роль в этом должна сыграть российская фундаментальная наука, обеспечивающая получение новых знаний и опирающаяся на собственную логику развития. Поддержка фундаментальной науки как системообразующего института долгосрочного развития нации является первоочередной задачей государства.

Кроме того, любое государство должно выявлять и согласовывать национальные интересы, своевременно обнаруживать источники обострения напряженности и использовать государственно-правовые механизмы для разрешения возникающих противоречий демократическим путем.

Среди факторов, воздействующих на поступательное развитие государства, наиболее влияние оказывает научно-технический прогресс. С одной стороны, государство долж-

но способствовать развитию фундаментальной науки, разработке открытий и изобретений, а с другой – законодательно ограничивать негативные последствия от использования научных достижений.

В связи с этим для выработки концепции обеспечения прав и свобод личности в России предлагаем использовать пока еще слабо разработанный в теории государства и права и юридической науке в целом конструктивно-критический подход, который основывается на теории правовой технологии [3, с. 50–51; 4, с. 5–12]. Основной ее смысл заключается в конструктивно-прагматическом подходе, в методах изменения и формирования механизма обеспечения прав и свобод личности, придании ему эффективности и рациональности.

Правовая технология включает в себя методы поэтапного изменения и корректировки.

Метод поэтапного изменения основан на технологии, предусматривающей приемы, способы построения или изменения системы обеспечения прав и свобод личности. Он позволяет создавать долгосрочные программы, предполагающие поэтапное воплощение. Изменения в программы могут быть внесены с учетом того, что переходный период будет безболезненным для населения и отдельной личности, не будет допущено нарушений ее прав и свобод. Долгосрочная программа должна быть стабильной и предельно понятной для граждан. Каждый этап развития системы должен быть прозрачен, так как только в этом случае правосознание граждан будет направлено на рациональное использование программы как в личных целях, так и в интересах всего общества.

О приоритете долгосрочного планирования и регулярной актуализации основных научных, научно-технических проектов говорится и в ранее упомянутой Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации [5].

Примером применения данного метода является переход принятия бюджета страны на трехлетний срок, а также различные программные документы.

Эффективность правовой технологии определяется путем создания конкретной модели механизма обеспечения прав и свобод личности, которая в процессе практического воплощения проверяется на адекватность целям.

Метод корректировки позволяет быстро вносить изменения в не оправдавшие себя на практике нормативные правовые акты, формы и способы действия правозащитных институтов и так далее. Особенно важно то, что данный метод не предполагает глобальных преобразований, основанных на разрушении ранее существовавших механизмов и создании новых.

Примером недостаточно проработанного варианта модели преобразований, полагаем, можно назвать изменения в системе высшего или, вернее, послевузовского образования. Речь в данном случае идет об аспирантурах (адъюнктурах). Так, в соответствии с положениями Федерального закона РФ от 29 декабря 2012 года № 274-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» подготовка кадров высшей квалификации является четвертой ступенью высшего образования [6]. По окончании обучения в адъюнктуре обучающийся, при условии успешного выполнения программы обучения, получает диплом преподавателя-исследователя. Подготовка научно-квалификационной работы предусмотрена учебным планом, но при этом защита диссертации не является обязательным условием успешного завершения обучения. Однако, по мнению заместителя министра образования и науки Российской Федерации Л. Огородовой, «мы работаем в рамках закона об образовании, и мы не можем по окончании обучения в аспирантуре обязывать защищать диссертацию. Но если мы напишем, что по окончании аспирантуры должна быть защищена диссертация, то Счетная палата будет предъявлять претензии к образовательным организациям» [7].

Таким образом, сегодня требуется корректировка нормативных положений, регламентирующих обучение научно-педагогических кадров, с учетом не только подготовки преподавателя-исследователя, но и ученого, либо отказ от аккредитационных показателей при освоении учебных программ в высших образовательных организациях, что повлечет снижение числа лиц, желающих получить ученую степень, и, соответственно, снимет обузу остротенности с администрации этих образовательных организаций. В связи с этим возникает второй момент, который заключается в разграничении подготовки преподавателей-исследователей и ученых, так как в современ-

ной системе обучения времени на подготовку диссертационного исследования у обучающихся практически нет.

Важным дополнением метода корректировки является социально-правовой эксперимент. Это создание определенной социальной ситуации локального масштаба, в которой анализируется действие специально разработанного для нее нормативно-правового акта (или их совокупности) [8, с. 307]. Вообще, эксперимент – это попытка сделать, предпринять что-нибудь новое, ранее не испытанное [9, с. 908].

По нашему мнению, социально-правовой эксперимент предусматривает апробирование в масштабах определенного пространства эффективности разработки новой программы в социальной, экономической, политической и иных сферах общества, призванной изменить устоявшееся положение и при этом избежать негативных последствий, способных привести к значительному ущемлению прав и свобод личности при широком внедрении нововведения. Именно в рамках социально-правового эксперимента есть возможность корректировать ход реализации предписаний, своевременно вносить изменения, тем самым решать вопрос о целесообразности применения мер, направленных на реформирование определенной сферы общественных отношений. Так, например, в порядке эксперимента, в соответствии с положениями Федерального закона от 23.05.2016 № 148-ФЗ «О внесении изменений в статью 4 Федерального закона “О науке и государственной научно-технической политике”» установлено, что Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова и Санкт-Петербургский государственный университет, а также научные и образовательные организации высшего образования, которые достигли высоких результатов в научной деятельности, вправе будут самостоятельно:

– устанавливать порядок присуждения ученых степеней, включая критерии, которым должны отвечать диссертации на соискание ученых степеней, порядок представления, за-

щиты диссертаций на соискание ученых степеней, порядок лишения, восстановления ученых степеней, рассмотрения апелляций;

– создавать на своей базе советы по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук, определять и изменять составы этих советов, устанавливать их полномочия, определять перечни научных специальностей, по которым этим советам предоставляется право приема диссертаций для защиты, осуществлять контроль за их деятельностью, приостанавливать, возобновлять и прекращать их работу.

Главная цель социально-правового эксперимента заключается в том, чтобы определить, какие условия и какая база должны быть созданы для эффективного действия новых разработок. Это позволит своевременно выявить недостатки, скорректировать их и тем самым избежать просчетов в процессе масштабного применения тех или иных программ.

К сожалению, в современный период социально-правовой эксперимент не применяется при проведении многочисленных экономических реформ. Экспериментальным полигоном выступает вся Россия, а это, на наш взгляд, недопустимо. Масштабное экспериментирование особенно болезненно переносится, когда властью допускаются ошибки и просчеты в реформе рыночных отношений.

Следует отметить, что в настоящее время наукой и практикой еще слабо используются правовые технологии, в том числе и при обеспечении прав и свобод личности.

По нашему мнению, существенной характеристикой, определяющей новизну концепции правовой технологии, является специфичность тех закономерностей, которые придают государственной системе степень рациональности и эффективности в обеспечении прав и свобод личности. Именно правовая технология призвана инициировать перспективные преобразования в обществе, позволяющие поднять на принципиально новый уровень благосостояние и благополучие граждан.

Литература

1. Тиунова Л. Б. Системный подход в исследовании права: дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1985.
2. Черненко А. Г. Общероссийская нацио-

Bibliography

1. Tiunova L. B. Systematic approach to the study of law: dis. ... PhD in law. Leningrad, 1985.
2. Chernenko A. G. All-Russian national ide-

нальная идеология и развитие федерализма в России. СПб., 1999.

3. Анохин Ю. В. Государственно-правовое обеспечение прав и свобод личности (теоретический аспект): монография. Барнаул, 2004.

4. Анохин Ю. В. О возможности использования концепции правовой технологии в современной теории обеспечения прав человека // Вестник Томского государственного университета. Серия «Право». 2015. № 1 (15).

5. О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: Указ Президента РФ от 01.12.2016 № 642 // Собрание законодательства РФ. 2016. № 49. Ст. 6887.

6. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 29.12.2012 № 273 // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.

7. Емельяненко А. Возведение в степень // Российская газета. 2016. 15 декабря.

8. Общая теория права: курс лекций. Н. Новгород, 1993.

9. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1999.

ology and the development of federalism in Russia. St. Petersburg, 1999.

3. Anokhin Yu. V. State law ensuring the rights and freedoms of the individual (theoretical aspect): monograph. Barnaul, 2004.

4. Anokhin Yu. V. On the possibility of using the concept of legal technology in the modern theory of human rights // Tomsk state university journal of law. Series «Right». 2015. № 1 (15).

5. Strategy of scientific and technological development of the Russian Federation: the decree of the President of the Russian Federation from 01.12.2016 № 642 // Code of laws of the Russian Federation. 2016. № 49. Art. 6887.

6. On education in the Russian Federation: Federal law from 29.12.2012 № 273 // Code of laws of the Russian Federation. 2012. № 53 (part 1). Art. 7598.

7. Emelyanenko A. Exponentiation // Russian newspaper. 2016. December 15.

8. General theory of law: lectures. N. Novgorod, 1993.

9. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Definition dictionary of Russian. Moscow, 1999.

Пелевин Сергей Игоревич
Pelevin Sergei Igorevich

начальник отдела по международным связям Армавирского государственного педагогического университета
кандидат политических наук.

Head of the International Department, Armavir State Pedagogical University, PhD in Politics.
Тел.: 8 (967) 655-09-91.

**МОЛОДЕЖНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ:
ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

Youth political organizations: history and development prospects

Статья посвящена современной молодежной политической системе России. Автор анализирует основные задачи, историю возникновения и перспективы развития основных молодежных организаций, действующих на территории Российского государства. Особое внимание уделяет проблеме «двойственности» влияния власти на молодое поколение.

Ключевые слова: политические партии, политика, общественные организации, гражданское общество, самореализация, институт семьи, глобализация, стратегия.

Article is devoted to modern youth political system of Russia. The author analyzes the main objectives, history of emergence and the prospect of development of the main youth organizations operating in the territory of the Russian state. Special attention is paid to a problem of «duality» of influence of the power on the younger generation.

Keywords: political parties, politicians, civil society, civil society, self-realization, institution of the family, globalization, project strategy.

Государственная молодежная политика – направление деятельности Российской Федерации, представляющее собой систему мер нормативно-правового, финансово-экономического, организационно-управленческого, информационно-аналитического, кадрового и научного характера, реализуемых на основе взаимодействия с институтами гражданского общества и гражданами, активного расширения возможностей для эффективной самореализации молодежи и повышения уровня ее потенциала в целях достижения устойчивого социально-экономического развития, глобальной конкурентоспособности, национальной безопасности страны, а также упрочения ее лидерских позиций на мировой арене.

Развитие государственной молодежной политики берет свое начало «на закате» Советского Союза. Во время кризиса комсомола необходимо было решать проблемы молодежи вне общественных структур. Так, в 1990 году Андрей Шаронов, ныне президент Московской школы управления «Сколково», занял должность Уполномоченного при Президенте СССР по делам молодежи. Спустя почти 8 лет, 24 июня 1998 года, вместо Госкомитета возникает Департамент по делам молодежи в Министерстве труда и социального развития. 22 сентября 1998 года

В. И. Деникин возглавил возрожденный Госкомитет по делам молодежи, который начиная с 25 мая 1999 года по 17 мая 2000 года носил название «Госкомитет РФ по молодежной политике». В 2000 году полномочия его были переданы Департаменту по молодежной политике Министерства образования Российской Федерации, который возглавил заместитель министра Ю. В. Коврижных.

Начиная с 2007 года Указом Президента Российской Федерации после множественных преобразований В. Якеменко назначен главой Государственного комитета Российской Федерации по делам молодежи, позже переименованного в Федеральное агентство по делам молодежи. На данный момент организационный статус и правовые основы деятельности агентства закреплены в Положении, утвержденном Постановлением Правительства Российской Федерации от 29 мая 2008 года № 409.

С 27 декабря 2013 года осуществляется проект «Стратегия развития молодежи на период до 2025 года», представленный заместителем министра образования и науки Российской Федерации В. Кагановым и руководителем Федерального агентства по делам молодежи С. Белоконовым. Также в Российской Федерации силами Общественной палаты Рос-

сии, руководителя ФАДМ С. Поспелова, заместителя руководителя С. Чуева утверждены Председателем Правительства России Д. Медведевым «Основы государственной молодежной политики до 2025 года» (распоряжение от 29 ноября 2014 года № 2403-р), которые направлены на воспитание у молодежи гражданственности и патриотизма, формирования ценностей института семьи и здорового образа жизни.

На данный момент насчитывается 7 молодежных политических партий. Наиболее значимыми можно назвать такие организации, как «Ленинский коммунистический союз молодежи Российской Федерации» – ЛКСМ РФ (КПРФ), «Молодая Гвардия Единой России», «Молодежное Яблоко – молодые демократы» и «Молодые социалисты России». Рассмотрим их подробнее.

Одной из старейших партий является Ленинский коммунистический союз молодежи Российской Федерации.

Историю ЛКСМ можно условно разделить на 4 периода. Первый период – ВЛКСМ (Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи) является восстановленной после распада СССР комсомольской организацией, правопреемницей созданного 29 октября 1918 года на I-ом Всероссийском съезде союзов рабочей и крестьянской молодежи комсомола (первоначальное название «Российский коммунистический союз молодежи» (РКСМ), с 1924 года – РЛКСМ, 1926 года – ВЛКСМ).

Второй период – 29 мая 1999 года организована одна из наиболее значимых общественных организаций Союза коммунистической молодежи – МСКО–ВЛКСМ. По некоторым данным, решение о ее создании принято на учредительном съезде в феврале того же года. На данный момент целью МСКО–ВЛКСМ является координация действий и оказание всевозможной помощи комсомольским организациям, а также выход на международный уровень, участие во всемирных съездах и форумах.

Ленинский коммунистический союз молодежи является общероссийской общественной организацией, разделяющей программные цели Коммунистической партии Российской Федерации, юридически независимой от каких-либо политических течений, члены которой не имеют права состоять в других политических партиях.

Съезд является высшим руководящим органом ЛКСМ РФ, созывается один раз в четыре года. Если имеется необходимость внеоче-

реднего съезда, то он может быть созван только по решению Пленума ЦК или по требованию Центральной контрольно-ревизионной комиссии.

Первичные объединения ЛКСМ создаются по территориальному принципу, то есть с учетом места жительства, работы или учебы, тем самым составляя основу ЛКСМ РФ. Руководящим органом выступает общее собрание, заседания которого проходят не реже одного раза в 3 месяца.

Членом ЛКСМ РФ может стать гражданин от 14 до 35 лет, однако, ссылаясь на устав, любой член может продлить срок пребывания в рядах организации при условии наличия письменного заявления. Тем не менее в руководящие органы избираются граждане с 16 лет.

На данный момент насчитывается 77 региональных представительств.

Основное внимание Ленинский коммунистический союз молодежи уделяет демонстрациям, антиглобалистическому движению и разнообразным акциям протеста.

Второй по численности в Российской Федерации является партия «Молодая Гвардия Единой России», созданная 27 апреля 2000 года.

Лозунгом «Нам продолжать историю» открылся учредительный съезд общественной организации «Молодежное единство», которая являлась «продолжением» партии «Единство». Председателем была избрана А. Буратаева, депутат Госдумы России».

На IV съезде «Молодежного единства» 16 ноября 2005 года была распущена организация и под председательством Т. Вороновой, координатора по Сибирскому ФО, была учреждена Всероссийская общественная организация «Молодая Гвардия Единой России», а также учреждена новая руководящая структура – Координационный совет. Кроме того, основателями партии принято считать А. Турчака, координатора по молодежной политике «Единой России», И. Демидова, координатора МГЕР по идеологии, Ф. Бондарчука, координатора МГЕР по культуре, тренера сборной России по теннису А. Южного, координатора по спорту, руководителя Российских студенческих отрядов А. Рябцева, координатора программ занятости молодежи, и других.

Спустя год «Молодая гвардия» предоставила молодежи уникальную возможность – 20 % мест в партийных списках «Единой России», запустив 10 апреля 2006 года федеральный проект «ПолитЗавод – 2006» и назначив

подрастающему поколению партийных наставников – В. Володина и И. Яровую.

После множественных преобразований в структуре и руководящих должностях у «Молодой гвардии» сформировались свои определенные установки и традиции. Долгое время молодые специалисты собирались на политическом форуме в палаточном лагере, который преобразовался в Селигер, а уже в 2015 году под руководством С. Поспелова стартовал новый форум «Территория Смыслов».

В рамках демократической партии «Яблоко» существует одна из самых активных молодежных организаций – внутрипартийное объединение «Молодежное Яблоко – Молодые демократы», которое начало свое существование в 1995 году благодаря лидеру объединения Г. Явлинскому.

В настоящий момент федеральная структура «Молодежного Яблока» включает в себя более тридцати региональных отделений: «Московское Молодежное Яблоко», «Воронежское Молодежное Яблоко», «Ивановское Молодежное Яблоко» и «Санкт-Петербургский Молодежный Союз Яблоко», в которые входит более трех тысяч человек.

За сравнительно недолгий срок «Молодежное Яблоко» успело зарекомендовать себя не только как активный участник российского молодежного движения, но и партнер Европейского Движения Либеральной Молодежи – LYMEC, а также удостоилась права участвовать в качестве наблюдателя в заседании Международной федерации либеральной молодежи (IFLRY).

Новое социалистическое поколение на молодежной партийной арене представляет Все-

российская общественная организация «Молодые социалисты России» партии «Справедливая Россия». Данная организация создана на базе движения «Победа» и является связующим звеном для таких молодежных движений, как «Мир слабослышащих», партия «Родина», Социал-демократические партии, Народная партия, Партия социальной справедливости, партия «Зеленые» и других.

«Молодые социалисты России» ставят перед собой множественные цели – от стандартного вовлечения молодежи в строительство демократического справедливого общества, воспитания патриотизма и до сохранения и преумножения культуры и развития науки.

Помимо отделений политических молодежных партий, существуют молодежные представительства политических организаций. В Российской Федерации их насчитывается три: Евразийский союз молодежи, Революционный коммунистический союз молодежи и Всесоюзная молодая партия большевиков.

Учитывая вышесказанное, отметим, что на данный момент в Российской Федерации существует достаточное количество политических организаций, целью которых является реализация потребностей и становление гражданской позиции молодежи.

Преимуществами работы, проводимой молодежными партийными организациями, являются: вовлеченность молодежи в различные виды самоуправления; воспитание чувства патриотизма; становление и укрепление гражданской позиции у нового поколения; расширение «политического кругозора»; воспитание толерантности.

Литература

1. Практикум по социологии молодежи / Ю. Р. Вишневецкий, А. И. Ковалева, В. А. Луков и другие. М., 2000.
2. Государственная молодежная политика в законодательстве Российской Федерации / сост. и отв. ред. В. А. Луков. М., 2000.
3. Зубок Ю., Чупров В. Социальная регуляция в условиях неопределенности. Теоретические и прикладные проблемы в исследовании молодежи. М., 2008.
4. Ильинский И. М. Между будущим и прошлым: социальная философия происходящего. М., 2006.
5. Ильинский И. М. Молодежь и молодежная политика. М., 2001.

Bibliography

1. Practical work on the sociology of youth / Yu. R. Vishnevsky, A. I. Kovaleva, V. A. Lukov, ect. Moscow, 2000.
2. The state youth policy in the Russian Federation / originator and editor-in-chief V. A. Lukov. Moscow, 2000.
3. Zubok Yu., Chuprov V. Social regulation in the face of uncertainty. Theoretical and applied problems in youth research. Moscow, 2008.
4. Ilyinsky I. M. Between the future and the past: social philosophy of what is happening. Moscow, 2006.
5. Ilyinsky I. M. Youth and youth policy. Moscow, 2001.
6. Kolkov V. V., Kolkov S. V., Shahin N. A.

6. Колков В. В., Колков С. В., Шахина Н. А. Государственная молодежная политика и социальная работа с молодежью: учебное пособие. М., 2000.
7. Константиновский Д. Л. Молодежь 90-х: самоопределение в новой реальности. М., 2000.
8. Луков В. А. Государственная молодежная политика // Российская энциклопедия социальной работы / под ред. А. М. Панова, Е. И. Холостовой. М., 1997.
9. Манько Ю. В., Оганян К. М. Социология молодежи: учебное пособие. СПб., 2008.
10. Молодежь и общество на рубеже веков / под науч. ред. И. М. Ильинского. М., 1999.
11. Молодежь и проблемы Северо-Западного региона: материалы Международной научно-практической конференции «Молодежь и социальные проблемы Северо-Западного региона (9–13 февраля 2009 года)». Мурманск, 2009.
12. Молодежь планеты: глобальная ситуация в 90-х годах, тенденции и перспективы. М., 1999.
13. Намлинская О. О. Научно-практическая конференция «Молодежная политика и молодежное движение в России: 15 лет перемен» // Знание. Понимание. Умение. 2005. № 3.
14. Пелевин С. И. Молодежь России в современном политическом процессе: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Пятигорск, 2012.
15. Пелевин С. И. Политическая социализация гуманитарной интеллигенции: молодежный аспект // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2012. № 2.
16. Тилеубергенов Е. М., Пелевин С. И. К вопросу о понятии современной сущности государства // Материалы III Международной научно-практической конференции «Евразийская интеграция». Армавир, 2016.
17. Пелевин С. И., Ибраимов Д. А. Теория государства и права в системе юридических и политических наук // Материалы IV Международной научно-практической конференции «Евразийская интеграция». Армавир, 2016.
18. Харченко К. В. Белгородская модель программно-целевого регулирования молодежной политики // Муниципальная власть. 2009. № 3.
19. Харченко К. В. Настольная книга специалиста по молодежной политике: учебное пособие. М., 2013.
20. State youth policy and social work with young people: textbook. Moscow, 2000.
21. Konstantinovskiy D. L. Youth 90: self-determination in the new reality. Moscow, 2000.
22. Lukov V. A. State youth policy // The Russian encyclopedia of social work / under the editorship of A. M. Panov, E. I. Holostova. Moscow, 1997.
23. Manko Yu. V., Oganyan K. M. Youth sociology: manual. St. Petersburg, 2008.
24. Youth and society at the turn of the century / under scientific ed. I. M. Elinsky. Moscow, 1999.
25. Youth and the problems of the North-West region: materials of the international scientific-practical conference «Youth and social problems of the North-West region» (9–13 February 2009). Murmansk, 2009.
26. The youth of the planet: global situation in the 90s, trends and prospects. Moscow, 1999.
27. Namlinskaya O. O. Scientific-practical conference «Youth policy and youth movement in Russia: 15 years of change» // Knowledge. Understanding. Skill. 2005. № 3.
28. Pelevin S. I. Russian youth in modern political process: abstract dis. ... PhD in policy. Pyatigorsk, 2012.
29. Pelevin S. I. Political socialization humanitarian intelligentsia, youth aspect // Caspian region: politics, economy, culture. 2012. № 2.
30. Tileubergenov E. M., Pelevin S. I. The question about the concept of the modern nature of the state // Materials of the III International Scientific and practical conference «Eurasian Integration». Armavir, 2016.
31. Pelevin S. I., Ibraimov D. A. Theory of state and law in the system of legal and political sciences // Materials of the IV International scientific-practical conference «Eurasian Integration». Armavir, 2016.
32. Kharchenko K. V. Belgorod model program-oriented regulation of youth policy // Municipal authority. 2009. № 3.
33. Kharchenko K. V. Handbook expert on youth policy: education guidance. Moscow, 2013.

Григоров Евгений Валентинович
Grigorov Yevgeny Valentinovich

доцент кафедры истории и философии Барнаульского юридического института МВД России кандидат исторических наук, доцент.

Associate Professor, Department of History and Philosophy, Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, PhD in History, Associate Professor.
E-mail: grigorovev@mail.ru

КОНСЕРВАТИЗМ: ВЫБОР ОНТОЛОГИИ

Conservatism: choice of ontology

В статье рассматривается проблема соответствия политических идеологий определенным онтологическим концепциям. Автор показывает, что консерватизм, ориентирующийся на реальные ценности объективного реализма, представляет собой стратегию отбора онтологических, аксиологических, гносеологических идей.

Ключевые слова: идеология, консерватизм, онтология, идеал, ценность, идеализм, материализм, философия жизни.

In the article it is concerned the question of correspondence political ideologies to certain ontological concepts. The author shows that conservatism, guided to real values and objective realism, represents the strategy of selection of the ontologic, axiological, gnosological ideas.

Keywords: ideology, conservatism, ontology, ideal, value, idealism, materialism, philosophy of life.

Любая политическая дискуссия начинается с вопроса о том, соответствует ли реальное положение дел такому, которое оценивалось бы как необходимое. Отсюда следует, что каждая идеология есть концепция приведения существующего к должному. Должное в таких дискуссиях, как правило, приобретает значение идеала. Поэтому актуальными становятся следующие вопросы: существует ли идеал объективно или только умозрительно? Можно ли реализовать идеал в эмпирической реальности или он имеет значение только как недостижимый образ? Может ли идеал преобразовать мир или не имеет такой силы? Ответы на такие вопросы не могут быть найдены в рамках политического дискурса, они требуют онтологического исследования. Из этого следует, что всякая идеология реализуется в соотношении с определенной онтологией. На эту онтологию автор может указывать осознанно или же оставаться в определенных рамках, специально не рефлексируя их [9, с. 28]. Однако без знания такой онтологии выяснить сущность идеологии нельзя. В то же время весь опыт критической философии говорит о том, что аподиктического знания по онтологическим вопросам получить не удастся, что в рамках знания проблематического позволяет различным идеологи-

ям чувствовать себя довольно свободно при ориентации на ту или иную онтологическую систему.

Выяснение онтологических истоков приобретает особую значимость для идеологий, разделенных на парадигмальном уровне. Примером таких идеологий выступает консерватизм и идеологии эпохи модерна, наиболее аутентичной из которых является либерализм. Наша задача состоит в том, чтобы выяснить какие представления об устройстве и сущности мира близки консерваторам.

Поиск консерватизмом истинной онтологии не беспристрастен. Ориентация на реальные ценности заставляет консерваторов выбирать определенные онтологические идеи. В основе этого выбора лежит предпочтение существующего всем умозрительным схемам. В то же время нужно понимать, что таким способом не создается специальная «консервативная философия», так как это было бы равносильно изображению одноцветной радуги. Любая развернутая философская система богаче консервативной теории, которая представляет собой лишь стратегию отбора онтологических, аксиологических, гносеологических идей.

В рамках объективного идеализма возможно утверждать, что «все действительное разумно», поскольку для Г. В. Ф. Гегеля Бытие, Абсо-

лют, Мысль тождественны. Мир чувственный, эмпирический, в том числе и социально-политический, произведен от Мысли, вторичен, является частью процесса самопознания Абсолютного Духа. Политические институты могут быть действительными, то есть соответствующими своему понятию, а значит, совершенными [1; 2, с. 312]. Здесь у консерватора возникает сомнение в том, могут ли такие институты развиваться. Возможно ли вообще развитие совершенного? С другой стороны, абстрактные понятия в такой концепции, хотя и представлены как некие Абсолюты, но претендуют на роль эталонов, согласно которым нужно конструировать жизнь. Однако их совершенство превращает погоню за ними в бесконечный процесс.

Противоположный объективизму субъективизм понимает мир как совокупность психических актов. Существование их обусловлено сознанием, которое по своей природе конструирует мир абстрактных категорий. Но для консерватора, который отстаивает реализованные ценности, мир политических реалий должен иметь собственное самостоятельное существование.

Взгляды И. Канта отличаются от этих позиций. Он признает и трансцендентный мир и эмпирический [8]. Однако Бытием здесь является именно эмпирический мир, который строится благодаря априорным способностям трансцендентального субъекта (чувственности, рассудку, разуму). Противоречивость кантовской концепции заключается, во-первых, в том, что Абсолют как вещь-в-себе выходит за пределы бытия, становится небытием, а во-вторых, в том, что трансцендентное и трансцендентальное разделены границей, которая непреодолима только со стороны трансцендентального. Существоющее не ведет к должному. Трансцендентное же проникает в мир эмпирического бытия, аффицирует, то есть небытие определяет бытие.

В XX веке ряд философов пытались преодолеть дуализм классической философии, и их наследие оказалось востребованным консерватизмом.

Э. Гуссерль выстраивает концепцию единого феноменального мира, в котором представление о действительном и фантазии (действительности «как бы») проходит «через всю сферу сознания и коррелятивно через все бытийные модальности» [4, с. 393]. Э. Гуссерль

пишет: «С последней (с фантазией. – Авт.) связано возникающее здесь новое всеобщее понятие *возможности*, которое в модифицированном виде дублирует все бытийные модусы, начиная с простой достоверности бытия, как воображимые (существующие в воображении). Это совершается в модусах *недействительности*, производимых чисто фантазией в противоположность модусам *действительности* (действительное бытие, действительно вероятное, действительно сомнительное бытие или действительно небытие и так далее). Модусы сознания коррелятивно разделяются, таким образом, на модусы *положительности* и *квазиположительности* (модусы сознания «как бы»; *фантазирование* – это, конечно, слишком неопределенное выражение), а их особым модусом соответствуют как собственные модусы очевидности полагаемых в них предметов, в их бытийных модусах, так и потенциальные возможности достижения очевидности» [4, с. 393–394]. Речь идет о существовании различных уровней бытия и возможности их взаимодействия, что позволяет отказаться от идеи влияния *ничто* на мир.

Ученик Гуссерля М. Хайдеггер также утверждал, что существует только один мир – мир человеческих значимостей, трансцендентальный мир, где культура – это матрица «жизненного мира», действительности как таковой. Вопрос в том, можно ли называть мир трансцендентальным, если трансцендентный мир не существует. Трансцендентальный мир Хайдеггера и трансцендентальный мир Канта не сопоставимы. То, что у Канта изымается из эмпирического бытия и становится вещью-в-себе, у Хайдеггера остается в области трансцендентального и представляет особый вид бытия. Иными словами, трансцендентное Канта у Хайдеггера вид трансцендентального бытия, которое является многоуровневым.

Исследуя проблему бытия человека, М. Хайдеггер, понимающий бытие как присутствие, выделяет три его вида: настоящее присутствие, наступающее и осуществившееся [16, с. 397–399]. Но, несмотря на единство данных способов бытия, мыслитель вводит и определенные различия: «... человек всегда оказывается захвачен присутствием того или иного присутствующего... Однако ровно так же часто, то есть постоянно, нас задевает и отсутствие. Во-первых, так, что многое уже не при-

существует тем способом, каким мы знаем присутствие в смысле настоящего. И все равно это уже-не настоящее тоже непосредственно присутствует в своем отсутствии, именно по способу затрагивающего нас осуществившегося... Осуществившееся скорее присутствует, однако своим особенным образом. В осуществившемся нас достает присутствие. Отсутствие задевает нас, однако, также еще и в смысле еще-не настоящего, по способу присутствия в смысле на нас наступающего... В будущем, в наступающем нас достает присутствие» [16, с. 398–399]. Способ существования наступающего и осуществившегося, однако, серьезно отличается от присутствия настоящего: «Взглянув еще осмрительнее на сказанное, мы найдем в отсутствии, будь оно осуществившееся, будь оно будущее, способ присутствия и задействия, который никоим образом не совпадает с присутствием в смысле непосредственного настоящего» [16, с. 399]. Поскольку эти способы присутствия равным способом задевают человека, достают его, дотягиваются до него, постольку любые ценности для него значимы, определяют его поведение, в мире ценностей отсутствует трансцендентные человеку иллюзии. Любая абстрактная идея, став ценностью, приобретает значимость и в материальном мире. Тем не менее принципиальное различие существования непосредственного присутствия настоящего и отсутствия наступающего и осуществившегося вызывает принципиальное различие способов существования ценностей, что, в свою очередь, обуславливает принципиальное различие опирающихся на них типов мировоззрения и мышления, идеологий и теорий.

В диалектическом материализме и философии жизни различие субъекта и объекта не радикально и не принципиально.

Для материализма в мире не существует только движущаяся материя, поэтому субъектная сфера объективна для конкретной личности, субъективные переживания которой также зависят от социального, исторического мира [13].

Диалектический материализм, рассматривающий мир как объективно существующую реальность, близок к консервативному миропониманию (диалектика и принцип историчности), за исключением идеи прогресса и его рационализма. Но эти его особенности характерны для советского диамата, а сам по себе

он может признавать и иррациональные компоненты бытия (Э. Фромм) и не быть прогрессивным. Например, Маркс при характеристике принципа историчности говорит о том, что человек, вступая в априорный мир, изменяет его, превращает в апостериорный для себя и новый априорный для вновь родившихся людей, но при сравнении этих двух априорных миров необязательно считать их различие качественным с точки зрения прогресса [12, с. 17–18].

Марксисты и консерваторы верят в инерцию бытия, в то, что события связаны с реальными условиями. Марксисты настаивают на причинно-следственной связи, а консерваторы – на конкретности, и при этом представители обоих течений – на принципе историзма.

Для философии жизни и близких к ней концепций, например, внутреннего реализма Х. Патнэма, Umwelt-концепции Якоба фон Иксюля, энактивизма Ф. Вареллы, существует только один вид реальности – человеческая реальность. Соответственно, нет никакого объекта за пределами субъективной сферы, даже в виде *ничто*.

В материализме и философии жизни существует только эмпирическая реальность, а трансцендентность только мыслится. Но, в отличие от идеализма, это человеческая мысль, а не *мысль* как нечто объективное. Данный признак может сближать диалектический материализм и философию жизни [15, с. 127], определять их как реализм. «Именно Маркс первым представил социальное бытие как тотальную, всепронизывающую историчность, механизмы и закономерности которой имманентны самому этому бытию» [12, с. 5].

Этот небольшой экскурс в онтологию показывает возможность широкого выбора онтологической базы адептами различных аксиологических теорий и политических концепций.

Итак, если идеал – это конструкция человеческого разума как что-то недостижимое, то стремление к нему есть движение к *небытию*. Если идеал существует объективно, то основой такого его существования может быть только Абсолют, Бог. Следовательно, достижимость идеала есть конец истории и изменение онтологического статуса человека. Так, если идеал объективен, но недостижим, то любая актуальность есть неподлинность, то есть то, что должно быть преодолено при невозмож-

ности сделать это. Для светского мышления это тупик и абсурд. Нужно заметить, что без понятия Абсолюта решить проблему абсолютных ценностей невозможно: «без Абсолютного критерия блага (как абсолютной ценности бытия) человек не способен создавать вневременные положительные ценности и нормы, которые были бы приняты не только им самим, но и другими людьми» [7, с. 147]. Для религиозного взгляда стремление к идеалу – это путь к спасению, которое понимается как духовное деяние, а не как социальное строительство. Анализ религиозного идеала в контексте светского, социального дискурса является большой ошибкой и основой утопизма. У Гегеля идеал существует до наличного мира, он и формирует его. Действительное – это соединение понятия (идеала) и существующего, то есть настоящая реальность, для которой и понятие, и существующее есть *инобытие, небытие*. Следовательно, при соединении двух форм инобытия (небытия) возникает бытие, которое не может быть идеалом, так как включает в себя противоположное ему начало – существующее. В материализме идеал – это абсолютизация человеческих качеств, воспринимаемых как должное, но реальный человек не обладает таковыми, поэтому абстрагируются какие-то несуществующие свойства, а идеал понимается как недостаток бытия. Х. Патнэм формулирует понятие объективности «для нас» как единственно возможное [14, с. 89]. В современной философии такой точки зрения придерживаются представители энактивизма, Umwelt-концепции [10; 11]. Идеал они трактуют как свойство особой человеческой реальности, не идею, а факт человеческого бытия. Он не зависит от желаний, субъективности и в этом смысле является объективным. Факт является ценностью в силу того, что он есть. Эти ценности-факты и следует рассматривать как признаки реальности.

Консервативность идеологии склоняет ее сторонников к объективистской реалистической онтологии, в рамках которой ценность воспринимается как нечто отличное от абстрактно сформулированных идей. Ценности, в отличие от абстракций, имеют не только духовное бытие, они связаны с чувствами, эмоциями, практикой, и в то же время действительны и как элементы человеческой деятельности, и как тождество идеи сущего в гегелевском смысле. Для

консерватизма, который выступает оппонентом рациональной методологии, естественно формировать собственное содержание именно из ценностей, а не из чистых понятий [3]. Такие ценности должны быть адекватны человеческому миру, соответствовать двойственной человеческой природе и сильнее насыщены бытием, чем идеи и идеалы.

Сложность бытия человека часто связывают с его одновременным существованием в двух разных мирах. В человеке соединяются протяженная и мыслящая субстанции [5]. В качестве биологического организма он принадлежит миру природы, но как существо, наделенное сознанием, человек встроен в мир идеальных сущностей. Такая двойственность является причиной трагичности человеческого существования, поскольку идеальный мир, к которому он стремится, не соответствует объективной реальности. В своей деятельности человек может руководствоваться биологическими потребностями, но вряд ли такую жизнь можно назвать «человеческой», или же он может опираться на идеалы, рациональное представление о должном. Однако разум человека создает только схему, а не «живую» реальность, поскольку он, по определению, оперирует абстракциями. Такой мир-схема никогда не будет адекватно соответствовать полноте жизни. Невозможность полного совмещения схемы и жизни есть основа трагедии человеческого существования, а также фундамент неискоренимых проблем в реальной политике.

В то же время ценность как философская категория объединяет два мира – объективный материальный и идеальный. Любые объекты в мире оцениваются человеком, превращаясь в «очеловеченные» предметы, становятся значимыми для него, покидают сферу трансцендентного, трансформируясь в ценности. С другой стороны, субъективные идеи рационального мира, также становясь ценностями, перестают быть только продуктами разума, абстракциями и «насыщаются» бытием. Ценность, как и человек, имеет двойственную онтологическую природу. Мир человека – это мир ценностей, и только через них он может попытаться принять собственную двойственность.

И. И. Докучаев дает следующую характеристику ценности, вполне приемлемую для

консерватора: «Ценность, культура, человек, общество и их история – явления, обладающие одним онтологическим статусом, а именно – они есть такой регион бытия, который можно определить в совокупности его субстанциально-процессуальных модификаций термином “экзистенция”; это есть бытие человека, понятого во всей радикальной специфичности его места в космосе как уникальное и свободное существо, которому открыт мир во всем своем многообразии; а ценность, в свою очередь, есть интеграл всех явлений (модификаций) его бытия и ключевой предмет социально-гуманитарного знания, направленного человеком на самого себя» [6, с. 15]. Далее, раскрывая со-

держание данной категории, автор подчеркивает ее предельную конкретность, невыводимость ее методом научного анализа [6, с. 82–83]. «Ценность – синоним человеческой субъективности, ее культурное выражение, а субъективность – сущность человека, отличающая его от животных, растений, неорганической природы, то есть всего того, что не есть человек» [6, с. 251].

Отвечая на вышепоставленные вопросы, консерватор будет исходить из приоритета существующего над умозрительным, для него идеал, взятый как часть идеально-рационального мира, будет лишь формой *небытия*, ориентацией, которая ввергает мир в состояние хаоса.

Литература

1. Гегель Г. В. Ф. Философия права. М., 1990.
2. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1: Наука логики. М., 1975.
3. Григоров Е. В. Аксиологическое определение консерватизма // Вестник развития науки и образования. 2006. № 6.
4. Гуссерль Э. Картезианские размышления // Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философии. Философия как строгая наука. Мн.; М., 2000.
5. Декарт Р. Размышления о первой философии в коих доказывается существование Бога и различие между человеческой душой и телом // Избранные произведения. М., 1950.
6. Докучаев И. И. Ценность и экзистенция. Основоположения исторической аксиологии культуры. СПб., 2009.
7. Инговатов В. Ю. Человек в социально-онтологическом измерении: монография. Барнаул, 2011.
8. Кант И. Критика чистого разума. М., 1999.
9. Кимелев Ю. А. Западная философская антропология на рубеже XX–XXI веков. Обзор / отв. ред. А. И. Панченко. М., 2007.
10. Князева Е. Н. Энактивизм: концептуальный поворот в эпистемологии // Вопросы философии. 2013. № 10.
11. Капра Ф. Паутина жизни. Новое научное понимание живых систем: пер. с англ. Киев; М., 2003.

Bibliography

1. Hegel G. W. F. Philosophy of law. Moscow, 1990.
2. Hegel G. W. F. Encyclopedia of the Philosophical Sciences. Science of Logic. Moscow, 1975.
3. Grigorov E. V. The axiological definition of conservatism // Bulletin of development of science and education. 2006. Vol. 6.
4. Husserl E. Cartesian Meditations // Logical Investigations. Cartesian Meditations. Crisis of European sciences and transcendental phenomenology. Crisis of European humanity and philosophy. Philosophy as strict science. Minsk, Moscow, 2000.
5. Descartes R. Meditations on First Philosophy. In which the existence of God and the immortality of the soul are demonstrated // Selected works. Moscow, 1950.
6. Dokuchaev I. I. Value and existence. Founding members of historical axiology of culture. St. Petersburg, 2009.
7. Ingovатов V. Yu. Person in socio-ontological measuring: monograph. Barnaul, 2011.
8. Kant I. Critique of pure reason. Moscow, 1999.
9. Kimelev Yu. A. Western philosophic anthropology in XX–XXI centuries. Review / editor-in-chief A. I. Panchenko. Moscow, 2007.
10. Knyazeva E. N. Enactivism: conceptual change in epistemology // Problems of philosophy. 2013. № 10.
11. Capra F. The web of life: A New scientific understanding of living systems: transl. from the English. Kiev; Moscow, 2003.

12. Кондрашов П. Н., Любутин К. Н. Понятие историчности в философии К. Маркса // *Философия и общество*. 2012. № 4.

13. Корнфорт М. *Диалектический материализм*. М., 1956.

14. Макеева Л. Б. Объективность ценностей и проблема реализма // *История философии*. М., 2000.

15. Перов Ю. В. К вопросу о «метафизических» предпосылках философии ценностей // *Историчность и историческая реальность*. Серия «Мыслители». СПб., 2000. Вып. 2.

16. Хайдеггер М. *Время и бытие // Время и бытие: статьи и выступления*. М., 1993.

12. Kondrashov P. N., Lyubutin K. N. The concept of historicity in philosophy of K. Marks // *Philosophy and society*. 2012. № 4.

13. Cornforth M. *Dialectical Materialism*. Moscow, 1956.

14. Makejeva L. B. Objectiveness of values and problem of realism // *History of philosophy*. Moscow, 2000.

15. Perov Yu. V. On question of metaphysical premises philosophy of values // *Historicity and historic reality*. Series «Thinkers». St. Petersburg, 2000. Vol. 2.

16. Heidegger M. *Time and being // Time and Being: articles and speeches*. Moscow, 1993.

Кетова Екатерина Валерьевна
Ketova Ekaterina Valerevna

аспирант Южно-Российского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Postgraduate Student, South-Russian Institute of Management – branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.
Тел.: 8 (918) 161-19-78.

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ ПРИНЦИПА РОССИЙСКОГО ФЕДЕРАЛИЗМА

The concept and essence of the principle of Russian federalism

В статье раскрывается природа современного российского федерализма, существенным признаком которого является двухуровневая система государственной власти. Отмечается, что понимание государственной власти как совокупности полномочий, осуществляемых от имени государства его органами, позволяет изучать практику функционирования современной российской государственной власти по горизонтали и вертикали, а также реализацию принципа ее единства в условиях российского федерализма.

Ключевые слова: форма государственного устройства, принцип современного российского федерализма, государственная власть.

The modern Russian federalism is given in the article, essential feature of which is its two-level system of government. Author also supports the understanding of state power as a combination of powers exercised by the state organs and it is noted that this approach allows studying the practice of modern Russian state power functioning both horizontally and vertically, as well as the implementation of its unity principle in the conditions of Russian federalism.

Keywords: form of government, principle of modern Russian federalism, state power.

В науке конституционного права отмечается, что в мире отсутствуют «чистые», типичные формы государственного устройства, а их официальные признаки условны и размыты [1, с. 67]. Вместе с тем и общественно-политическая практика, и научная мысль часто используют термины «унитарное» либо «федеративное» государственное устройство. Более того, эти понятия составляют основу определения сущности регулирования различных явлений общественной жизни. В связи с этим предметом данного исследования является принцип современного российского федерализма.

Термин «принцип» (от лат. *principium* – начало, основа) в объективном смысле означает исходный пункт, первооснову, самое первое [2]. В философии – тоже, что и основание, то есть то, что составляет фундамент некоторой совокупности фактов или знаний [3]. Исходя из этого понимания, представляется, что в принципе федерализма должна быть выражена его сущность. Вероятно, раскрыв содержательное значение данного принципа, мы сможем определить сущностные черты федерализма и ответить на вопрос о том, почему

следует отнести разные и непохожие государственные устройства именно к федерализму или, наоборот, почему их нельзя считать федерациями.

Термин «федерализм» происходит от латинского слова *foedus* (соглашение). Исходя из значения термина, суть федерализма можно определить как:

– указание на согласительный порядок происхождения государственного устройства (соглашение центральной, федеральной власти и субъектов федерации о соподчинении и установлении определенной системы власти либо соглашение субъектов федерации между собой относительно передачи части своих полномочий избранным (или установленным иным образом) субъектами федерации центральным органам);

– постоянный императив (принцип, положенный в основу взаимоотношений) принимать все решения некоего объединения (союза) субъектов путем соглашений без диктата центральной власти.

Термин «федерализм» основывается на возникшей на Западе идее определенного государственного устройства. При этом разные

государства, идентифицирующие себя как федеральные, разительно отличаются друг от друга элементами государственного устройства.

Установить современное значение термина либо принципа исходя из его дефиниции представляется неверным. Понятия, родившиеся в конкретной исторической ситуации, а также под влиянием или в рамках определенной теории (идеи), могут долго оставаться в истории человечества, при этом наполняясь новым содержанием [4, с. 8]. Например, общеизвестный термин «конституция» (от лат. *constitutio* – установление, предписание) возник в Древнем Риме как императорский акт, но сегодня он имеет совсем другой смысл. Таким образом, содержание принципа федерализма не должно поясняться исходя лишь из этимологии термина. Кроме того, поскольку понимание федерализма в конституционном праве в различных государствах разное, а сама эта отрасль права носит всегда политический характер [5, с. 7–15], ограничимся выявлением сущности и содержания принципа российского федерализма.

В отечественной исследовательской литературе имеются различные подходы к определению сущности федерализма: как принципа территориально-политического устройства; принципа взаимосвязи целого и его частей [6, с. 10; 7, с. 39, 46]; средство объединения и урегулирования противоречий [8, с. 12]; идея, то есть совокупность взглядов, представлений о гармоничном конституционном строе, базирующемся на собирательном и договорном началах союзного государства [9, с. 3; 10, с. 19–23]; принцип, концепция, парадигма государственного устройства, позволяющие обеспечивать единство и плюрализм государственной и общественной власти в условиях ее территориальной организации на нескольких уровнях [11, с. 22]. По поводу первого подхода возникает сомнение в адекватности определения его сущности: может ли быть принцип сам по себе территориально-политическим устройством? Представляется, что нет. Принцип – это нечто идеальное.

Второй подход, на наш взгляд, является слишком узким для раскрытия сущности принципа федерализма: можно ли принцип сводить лишь к средству преодоления противоречий? В таком случае принцип подменяется механизмом преодоления противоречий для решения практических задач. Более близкими к истине представляются 3 и 4 подходы.

При этом третий подход видится исходящим из представлений зарубежной исторической школы федерализма, осмысливающей этот феномен с учетом опыта формирования западных федераций.

Четвертый подход, как представляется, более соответствует опыту развития российского федерализма. Таким образом, предлагается за основу дальнейших исследований взять понимание принципа федерализма в значении, предложенном М. В. Глигич-Золотаревой.

При рассмотрении вопроса о содержании принципа современного российского федерализма следует исходить из того, что оно может быть определено в широком и узком значениях.

В широком смысле – как взаимосвязь с другими общеправовыми принципами, действующими в Российской Федерации, например, принципом верховенства Конституции России.

В узком смысле содержание данного принципа закреплено в ст. 5 Основного закона России в качестве основ конституционного строя в области государственного устройства:

1. Российская Федерация состоит из равноправных субъектов.

2. Республики имеют свои конституции и законодательство, а другие субъекты – уставы и законодательство.

3. Федеративное устройство основано на государственной целостности, единстве системы государственной власти, разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Федерации и ее субъектов, равноправии и самоопределении народов в Российской Федерации. При этом федеративное устройство России позволяет в полной мере обеспечить четкое функционирование механизма обеспечения всех прав и свобод граждан в нашей многонациональной стране [12, с. 35–89].

4. Во взаимоотношениях с федеральными органами государственной власти все субъекты Федерации между собой равноправны.

В Российском государстве разделение власти происходит по вертикали и горизонтали. В научной литературе дискуссионным является вопрос о том, что относить к вертикали, а что – к горизонтали. Так, в теории государства и права федерализм зачастую обозначается как способ распределения властных полномочий (определения предметов ведения) по вертикали между федеральным центром и его субъектами на основе конституции, договоров или соглашений (общих или индивидуальных).

Условимся, что по вертикали публичная власть разделяется на три ветви: законодательную (представительную), исполнительную и судебную, а по горизонтали – на три уровня: федеральный уровень власти с федеральными органами государственной власти; региональный уровень власти с органами государственной власти субъектов Российской Федерации (ее иногда неправильно в СМИ называют местной властью относительно центральной, федеральной); местный уровень власти с органами местного самоуправления.

Федеральный и региональный уровни власти относятся к государственной власти. Местный уровень не является элементом структуры государственной власти, а органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти (ст. 12 Конституции РФ).

Таким образом, важнейшим отличительным признаком современного российского федерализма (прежде всего, в плане отграничения этого понятия от иной формы государственного устройства – унитаризма) является двухуровневая система государственной власти – власть федерации и власть субъекта федерации и, соответственно, наличие двухуровневой системы государственных органов, осуществляющих государственную власть, – государственные органы федерации и государственные органы субъектов федерации.

В соответствии с ч. 2 ст. 77 Конституции Российской Федерации федеральные органы исполнительной власти и органы исполнительной власти ее субъектов образуют единую систему исполнительной власти в пределах ведения и полномочий Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Федерации.

В отличие от исполнительных органов, федеральные законодательные органы и законодательные (представительные) органы субъектов Федерации не образуют единую иерархическую систему, и на каждом уровне законодательной власти имеется свой круг полномочий. Так, в соответствии с принципом разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную, а также разграничением государственной власти на федеральную государственную власть и государственную власть субъектов Федерации, в Российской Федерации существуют Федеральное Собрание – как представительный и законодательный орган Российской Федерации и законодательные (представительные) органы субъектов Федерации.

Согласно Федеральному конституционному закону от 21.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» суды – органы судебной власти – также делятся на федеральные и суды субъектов Федерации. В связи с тем, что основной характеристикой современного российского федерализма является двухуровневая система построения государственной власти, на наш взгляд, следует внести некоторые коррективы в формулировку принципа федерализма М. В. Глигич-Золотаревой:

– принцип современного российского федерализма – это концепция, парадигма (идея) государственного устройства, позволяющая обеспечить единство и плюрализм государственной и общественной власти в условиях ее территориальной организации на двух уровнях государственной власти – федеральном и субъектов Федерации;

– главными сущностными признаками современного российского федерализма являются установление, организация и взаимодействие федеральной власти и власти субъектов Федерации, которые представляют собой территориально-политические образования.

Представляется, что двухуровневая организация государственной власти и есть та лакмусовая бумажка, которая позволяет отграничить различные варианты федеративных государств от унитарных. Отсюда наличие двух сфер предметов ведения (или трех с промежуточным – совместным – как в России), двухуровневого законодательства, двухуровневой системы госорганов, двухуровневой судебной системы и так далее. Таким образом, главное отличие федеративного государства от унитарного состоит в том, что определенные территории – субъекты федерации – обладают государственной властью.

Понятию государственной власти и выявлению ее сущностных характеристик посвящены многие труды дореволюционных российских ученых (Л. И. Петражицкого, Н. М. Коркунова, П. А. Сорокина, В. М. Хвостова). На советскую научную элиту, занимавшуюся вопросами государственной власти, сильное влияние оказывали исследования К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина. Эти проблемы также разрабатывались основателем советской саратовской школы конституционного права И. Е. Фарбером, свой вклад в его развитие внесли Г. Н. Манов, В. Е. Чиркин и другие. Анализ исследовательской литературы позволяет выделить четыре понимания сущности государственной власти: волевое отношение, орган государства, функ-

ция и совокупность полномочий. Каждый из подходов дает возможность выявить социальное назначение государственной власти и ее роль в упорядочивании общественных отношений.

Таким образом, понимание государственной власти как совокупности полномочий,

осуществляемых от имени государства его органами, позволяет изучать практику функционирования российской государственности [13, с. 23–26] как по горизонтали, так и вертикали, а также реализации принципа ее единства в современных условиях.

Литература

1. Лексин В. Н., Швецов А. Н. Государство и регионы: теория и практика государственного регулирования территориального развития. М., 2014.
2. Философский энциклопедический словарь / ред. совет: В. С. Степин, А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семигин и другие. М., 2010.
3. Философская энциклопедия. М., 1960–1970.
4. Баранов П. П. Развитие философии права в России: традиции и современные проблемы // Философия права. 2000. № 1.
5. Баранов П. П., Шпак В. Ю. Политическое право в многообразии своих определенностей: философский анализ // Философия права. 2007. № 1.
6. Титова Т. П. Становление федеративной государственности в современной России: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 1999.
7. Баранов П. П., Соколов А. Н. Теория государства и права: учебное пособие. Ростов н/Д, 2007.
8. Умнова И. А. Конституционные основы современного российского федерализма. М., 1998.
9. Ким Ю. В. Федеративная государственность: сущность, генезис, проблемы развития (теоретико-методологические основы): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Тюмень, 2009.
10. Семитко А. П. Идея федерализма в России: прошлое и настоящее // Российский юридический журнал. 2013. № 1.
11. Глигич-Золотарева М. В. О судьбах федерализма в России // Конституционное и муниципальное право. 2006. № 2.
12. Баранов П. П., Рыбак С. В. Деятельность органов внутренних дел по обеспечению прав и свобод граждан России. Ростов н/Д, 2001.
13. Лубский Р. А. Государственность в России: проблемы изучения в контексте методологии системного исследования // Философия права. 2011. № 4 (47).

Bibliography

1. Lexin V. N., Shvetsov A. N. The state and the regions: theory and practice of state regulation of territorial development. Moscow, 2014.
2. Philosophical encyclopedic dictionary / ed. tip: V. S. Stepin, A. A. Guseinov, G. Yu. Semigin, ect. Moscow, 2010.
3. Philosophical encyclopedia. Moscow, 1960–1970.
4. Baranov P. P. Development of the philosophy of law in Russia: traditions and modern problems // Philosophy of law. 2000. № 1.
5. Baranov P. P., Shpak V. Yu. The political right in the variety of its definition: philosophical analysis // Philosophy of law. 2007. № 1.
6. Titova T. P. The formation of a federal state in modern Russia: abstract dis. ... PhD in policy. Moscow, 1999.
7. Baranov P. P., Sokolov A. N. Theory of government and rights: tutorial. Rostov-on-Don, 2007.
8. Umnova I. A. The constitutional foundations of modern Russian federalism. Moscow, 1998.
9. Kim Yu. V. Federal state: the essence, the genesis, development problems (theoretical and methodological foundations): abstract dis. ... doctor of law. Tyumen, 2009.
10. Semitko A. P. The idea of federalism in Russia: past and present // The Russian legal magazine. 2013. № 1.
11. Gligich-Zolotareva M. V. On the fate of federalism in Russia // Constitutional and municipal law. 2006. № 2.
12. Baranov P. P., Rybak S. V. Activities of law-enforcement bodies to ensure the rights and freedoms of Russian citizens. Rostov-on-Don, 2001.
13. Lubsky R. A. Statehood in Russia: studying problems in a context of methodology of system research // Philosophy of law. 2011. № 4 (47).

Иванов Дмитрий Александрович
Ivanov Dmitry Aleksandrovich

заместитель начальника кафедры предварительного расследования Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя кандидат юридических наук, доцент.

Deputy Head of the Department of Preliminary Investigation, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation behalf of V. Yu. Kikot, PhD in Law, Associate Professor.

E-mail: ida_2008_79@mail.ru

**ОБЩЕПРАВОВОЕ ПОНЯТИЕ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО
ПРЕСТУПЛЕНИЕМ, В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ:
ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС И СОВРЕМЕННЫЕ ПРАВОВЫЕ РЕАЛИИ**

**General legal concept of harm caused by crime in the Russian legislation:
historical excursion and modern legal realities**

В статье анализируются исторические предпосылки закрепления правовых положений, регулирующих концептуальные основы возмещения вреда, причиненного преступлением, в российском законодательстве. Цель исследования обусловлена необходимостью сформулировать элементный состав института возмещения вреда, причиненного преступлением, и поиска путей повышения эффективности деятельности органов государственной власти по защите прав жертв преступных деяний и восстановления социальной справедливости посредством применения компенсационных механизмов.

Ключевые слова: вред, ущерб, потерпевший, гражданский иск, уголовно наказуемое деяние.

The author analyzes the historical preconditions of consolidation of the legal provisions governing the conceptual bases of compensation for harm caused by the crime in the Russian legislation. This attempt is made in connection with the need to formulate the elemental composition of the Institute of compensation of harm caused by the crime, and search of ways of increase of efficiency of activity of public authorities to protect the rights of victims of criminal acts and the restoration of social justice through the use of compensatory mechanisms.

Keywords: harm, damage, victim, civil action, criminal offense.

Идея возмещения вреда, причиненного преступлением (проступком), в разные времена существовала в различных правовых системах и религиозных культурах. В частности, Законы Хаммурапи (XVIII век до н. э.) уже содержали в себе положения, возлагающие на виновного в совершении кражи обязанность возместить потерпевшему нанесенный ему материальный ущерб в десятикратном размере (ст. 8) [20, с. 10].

Следует согласиться с И. С. Бариновой и Е. Ю. Антоновой в том, что «в рамках общей проблематики защиты потерпевшего от преступления возмещению вреда (ущерба), а также характеру такого возмещения необходимо отводить одну из основных ролей» [1, с. 130–131].

Однако необходимо отметить, что такие четкие гарантии защиты прав и интересов субъектов различных правоотношений в реализации механизма возмещения вреда, причи-

ненного преступлением, не всегда существовали в истории Российского государства.

Известно, что в таком крупнейшем памятнике права Древнерусского государства, как Русская Правда (XII век), практически за все деяния лицо подвергалось физическому наказанию (отсечение конечностей, удаление органов зрения и слуха, смертная казнь и другие) и обязано было одновременно уплатить штраф в денежном выражении (куна, гривна) [14, с. 121]. Необходимо отметить, что в Русской Правде не существовало разделения на уголовное и гражданское материальное право. По утверждению Р. Г. Хасаншиной, «связано это с тем, что в древнерусском праве преобладают имущественные наказания, которые по форме похожи на возмещение вреда или совпадали с ним» [19, с. 24].

Первые упоминания о возмещении вреда (ущерба), собственно в правовом его понимании, встречаются в таких крупнейших па-

мятников права периода феодальной раздробленности, как Псковская судная грамота и Новгородская судная грамота. Так, в частности, в ст. 67 дословно прописано следующее право истца на возмещение вреда, причиненного грабежом: «Истец, приехав с приставом, а возмет, что за свой долг силою, не утяжет своего истца, ино быти ему у грабежу, а грабеж судить рублем...» [12, с. 47].

Из контекста данной нормы следует, что права истца как лица, претерпевшего определенный ущерб в связи с совершенным в отношении его преступлением, на возмещение вреда, в том числе и в денежном эквиваленте, соблюдаются.

Более конкретное определение убытков и вреда, причиненных в результате преступления, содержит Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года. Так, раздел «Отделение второе» главы второй посвящен возмещению вреда («О вознаграждении за убытки, вред и обиды») и включает в себя пять статей (ст. 62–66). Например, в ст. 62 четко указано, что «виновные в преступлении, причинившем кому-либо убытки, вред или обиду... обязаны вознаградить за сей вред, убыток или обиду из собственного имущества по точному постановлению суда» [12, с. 336].

Более того, следует особо отметить, что очевидным прогрессом в правовом понимании является факт наличия в п. 9 ст. 140 указанного Уложения предписания о том, что обстоятельствами, уменьшающими вину и строгость наказания, выступают возмещение убытков и заглаживание вреда, причиненного преступлением [12, с. 351].

Понятие вреда как категории корыстно-негативной, подразумевающей деятельность, наносящую ущерб личности и различным видам общественных отношений в целом, сформировалось в начале XIX века.

Развивая понятийный аппарат вреда, причиненного преступлением, более конкретные примеры приводил Вл. Случевский, ссылаясь на судебную практику дореволюционной России, когда «Сенат по делам о кражах признавал за потерпевшим начальника станции, которому вверено было для заведывания похищенное имущество (71/1841). Он признавал потерпевшим лицом не только собственника вещи, составлявшей объект преступления, но и фактического владельца этой вещью, а так-

же лицо, обязанное охранять права литературной собственности по делам о нарушении ее (78/63)» [16, с. 134].

О возможности возмещения вреда в рамках уголовного судопроизводства уже в начале XIX века также высказывался и С. В. Позднышев, утверждая, что «гражданским истцом в уголовном суде может быть лицо, потерпевшее от преступления известный вред» [13, с. 98].

В дальнейшем многие ученые-процессуалисты (А. В. Гриненко, П. П. Гуреев, А. Г. Мазалов, М. А. Чельцов) высказывались положительно относительно возможности допущения в уголовном процессе разрешения вопросов возмещения вреда, причиненного преступлением, посредством подачи потерпевшим лицом гражданского иска [5, с. 121–123; 6, с. 76–78; 10, с. 35–39; 21, с. 45–48].

Установленная законом возможность совместного рассмотрения гражданского иска и уголовного дела, по обоснованному убеждению В. П. Божьева, создает ряд преимуществ: «ускоряет процесс восстановления нарушенных преступлением имущественных прав; способствует более полному и быстрому установлению лиц, обязанных нести гражданско-правовую ответственность за его причинение; создает оптимальный процессуальный режим для суда и сторон; экономит процессуальные силы и средства; освобождает гражданских истцов от уплаты государственной пошлины» [2, с. 491–492].

Проводя параллель между действием норм гражданского и уголовно-процессуального права в сфере регулирования процедуры возмещения вреда, А. А. Власов также убедительно утверждает, что «в уголовном судопроизводстве не содержится запретов на применение норм гражданского права. Действующий институт возмещения материального ущерба и морального вреда в уголовном судопроизводстве в большинстве своем повторяет правила рассмотрения иска в гражданском судопроизводстве, за исключением распределения бремени доказывания исковых требований – в первом случае на следователя, производящего расследование уголовного дела, а во втором – на самого истца» [4, с. 40].

Противником вышеприведенных мнений выступает В. С. Шадрин, который, критикуя данные позиции, утверждает нецелесообраз-

ность использования сил и средств органов предварительного расследования для подготовки гражданских исков в интересах частных лиц в ходе досудебного производства по уголовному делу [22, с. 152–153].

О том, что классической формой возмещения имущественного вреда в уголовном судопроизводстве является гражданский иск, и в наши дни говорит О. Н. Лаврова, утверждая при этом, что данная форма полностью соответствует конституционному правилу о праве каждого гражданина защищать свои права и интересы всеми законодательно разрешенными способами [9, с. 98–99].

Е. В. Смирнова, указывая, что гражданский иск в уголовном судопроизводстве является одним из способов возмещения вреда, причиненного преступлением [18, с. 129], подкрепляет свою позицию выводами С. А. Синенко, критикующего законодателя за отказ от создания общей нормы, касающейся в целом возмещения вреда, причиненного преступлением [15, с. 121].

В свою очередь, указанные позиции о том, что механизм возмещения вреда, причиненного преступлением, однозначно должен развиваться именно посредством подачи гражданского иска и найти свое полноценное применение в рамках досудебного производства по уголовным делам, нуждаются в уточнении по двум процессуальным моментам.

Во-первых, здесь речь должна идти не только об уголовном суде, но и возможности требования возмещения вреда потерпевшим уже на стадиях досудебного производства (добровольное возмещение подозреваемым, обвиняемым либо принудительное возмещение посредством процессуальной деятельности следователя и дознавателя по возмещению вреда, причиненного преступлением).

Во-вторых, следует также уточнить понятие «известный вред», так как на момент подачи гражданского иска могут быть неточно установлены вид вреда и его размеры.

Вместе с тем подача гражданского иска, по нашему мнению, – это лишь начало процесса возмещения вреда, так как для получения реальной компенсации требуется производство целого комплекса процессуальных действий и принятия ряда процессуальных решений (как в досудебном производстве, так и в судебном разбирательстве).

Следует также учитывать, что вред, причиненный потерпевшему в результате совершенного преступления, должен являться результатом незаконных действий (бездействий) конкретного подозреваемого (обвиняемого). В связи с этим необходимо рассмотреть особенности причинно-следственной связи между указанными действиями и наступившими последствиями в виде конкретного вида и размера вреда.

Значение таких понятий, как «вред» и «гражданский иск», представлено в классических источниках русского языка. Так, согласно словарю В. Даля слово «вредить» означает «повреждать, причинять зло, ущерб здоровью, обиду личности, убыток собственности; делать вред...». Здесь же под иском в расширительном его понимании говорится об истце, то есть «истец – мужчина, истица – женщина, которые ищут своего права судом, челобитчик, проситель, противоположное – ответчик» [8, с. 387].

Аналогично в словаре С. И. Ожегова под термином «вред» понимается «ущерб, порча, причинение вреда здоровью, наносить ущерб...». В то же время иск трактуется как «заявление в суд или арбитраж о разрешении какого-нибудь гражданского спора. Предъявить иск. Отозвать иск. Денежный иск. Встречный иск» [11, с. 297].

Нельзя говорить о возмещении вреда, причиненного преступлением, не указав при этом такого участника уголовного судопроизводства, как потерпевший. Следует отметить, что термин «потерпевший» впервые появился в Уставе уголовного судопроизводства (далее – УУС) 1864 года. Однако конкретная дефиниция понятия «потерпевший от преступления лица» в УУС отсутствовала. В результате анализа положений Устава можно предложить следующее определение потерпевшего: потерпевший – это лицо, которому преступлением были причинены вред и убытки. Причем под вредом и убытками закон подразумевал ущерб, возникший непосредственно вследствие самого преступления.

Таким образом, теоретическая база понятия потерпевшего была сформирована еще в 1864 году, а смысл, вкладываемый в него законодателем, составляет основу данной дефиниции, закреплённой в современном российском законодательстве.

После Октябрьской революции 1917 года, результатом которой стала смена государственного строя в России, первым законодательным актом, регламентировавшим институт защиты прав потерпевшего, стал Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, принятый в 1922 году и действовавший до принятия в 1960 году УПК РСФСР. Однако, как и УУС 1864 года, УПК РСФСР 1922 года также не содержал конкретного определения потерпевшего от преступления. Лишь в комментарии к ст. 14 УПК РСФСР давалось следующее разъяснение: «потерпевшим называется лицо, против которого направлено преступление или право которого нарушено преступлением». Следовательно, потерпевшим считалось «лицо (физическое или юридическое), пострадавшее от преступных действий» [23, с. 172].

В частности, указывалось на то, что «такие действия могут посягать на социалистическую собственность государственных предприятий и учреждений, колхозов, кооперативных и других общественных организаций...» [23, с. 172].

Впервые определение потерпевшего было сформулировано в ст. 24 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 года и воспроизведено в ст. 53 УПК РСФСР 1960 года. Так, согласно этой статье потерпевшим признавалось лицо, которому преступлением причинен моральный, физический или имущественный вред.

В то же время в советский период развития Российского государства, как это ни странно, органы государственной власти в целом и органы предварительного расследования в частности вопросам возмещения вреда, причиненного преступлением, уделяли недостаточно внимания. На протяжении многих десятков лет, начиная с 20-х годов XIX века и вплоть до принятия ныне действующего УПК РФ, регулирование вопросов, связанных с возмещением вреда, причиненного уголовно наказуемыми деяниями, не входило в число приоритетных задач, стоявших перед советским уголовным процессом.

Например, задачами советского уголовного судопроизводства являлись «быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение виновных и обеспечение правильного применения закона с тем, чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был

привлечен к уголовной ответственности и осужден (ст. 2 Основ)».

При этом вопросы возмещения вреда, причиненного уголовно наказуемым деянием, в советский период решались весьма эффективно, но, как оказывается, только за счет репрессивного характера уголовного законодательства, а не уголовно-процессуальной науки [17, с. 2566], например, посредством масштабного использования труда осужденных, урегулированного Исправительно-трудовым кодексом РСФСР 1924 года, и очередности выплат, установленных нормами Гражданско-процессуального кодекса РСФСР 1923 года.

Аналогичную позицию законодатель перенес и в УПК РСФСР 1960 года, который развивался, как и вся наука советского уголовного процесса, на базе марксистско-ленинского учения о государстве и праве [3, с. 19].

Можно констатировать тот факт, что вопросам возмещения вреда в данном учении вообще не отводилось какой-либо значимой роли. Только косвенное упоминание о том, что вред, причиненный преступлением, должен быть возмещен, усматривается лишь в незначительных комментариях ученых-процессуалистов тех лет. Так, например, И. М. Гуткин утверждал, что «процессуальная функция потерпевшего носит характер обвинения. Его деятельность направлена на изобличение и наказание лица, совершившего преступление» [7, с. 74]. Также косвенно в ст. 20 УПК РСФСР, в широком ее понимании, указывается на то, что данные вопросы должны быть разрешены, и при этом резюмируется следующее: «обстоятельства дела в советском уголовном процессе должны исследоваться всесторонне, полно и объективно».

Определенные попытки законодателя решить вопросы возмещения вреда наблюдались в начале 90-х годов XX века. Так, 24 декабря 1990 года был принят Федеральный закон № 443-1 «О собственности в РСФСР», который, в частности, закрепил порядок правового регулирования возмещения вреда, причиненного преступлением, в случае невозможности взыскания средств с виновного лица. Однако положения этого нормативного акта не нашли своего отражения в деятельности органов государственной власти ввиду отсутствия бюджетных ассигнований на данную статью расходов, а также по причине общего отторжения указанных в нем предписаний сознани-

ем субъектов правоприменительной деятельности (следователей, дознавателей, прокуроров, судей и так далее).

На основе проведенного исторического экскурса, представляется возможным определить элементный состав института возмещения вреда, причиненного уголовно наказуемыми деяниями, который включает в себя: *объект*, предполагающий современный понятийный аппарат, а также конкретные виды вреда, причиненного преступлением, критерии его разграничения и оценки; *субъектов* обеспечения возмещения вреда на стадиях досудебного производства (руководитель следственного органа, начальник подразделения дознания, следователь, дознаватель); *процедуры* возмещения вреда, то есть взаимодополняющих друг

друга процессуальных инструментов, которые применяются в ходе производства предварительного расследования надлежащими субъектами (гражданский иск, уголовно-процессуальная реституция, обеспечение добровольного возмещения вреда); *ведомственный и судебный контроль* и *прокурорский надзор* за деятельностью органов предварительного расследования по обеспечению возмещения вреда, причиненного преступлением. Данная категоризация, на наш взгляд, позволит существенно повысить эффективность деятельности органов государственной власти по защите прав жертв преступных деяний и восстановлению социальной справедливости посредством применения компенсационных механизмов.

Литература

1. Барина И. С., Антонова Е. Ю. Потерпевший от преступления в уголовных правоотношениях // Вестник Хабаровской государственной академии экономики и права. 2015. № 2 (76).
2. Божьев В. П. Гражданский иск в уголовном процессе // Курс советского уголовного процесса: Общая часть / под ред. А. Д. Бойкова, И. И. Карпецца. М., 1989.
3. Бородин С. В. Советская наука уголовного процесса // Уголовный процесс / под ред. Б. А. Викторова. М., 1970.
4. Власов А. А. Возмещение вреда жертвам преступлений // Законность. 2000. № 2.
5. Гриненко А. В. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). М., 2006.
6. Гуреев П. П. Гражданский иск в советском уголовном судопроизводстве. М., 1961.
7. Гуткин И. М. Участники советского уголовного процесса // Уголовный процесс / под ред. Б. А. Викторова. М., 1970.
8. Даль В. Толковый словарь. М., 1938. Т. 3.
9. Лаврова О. Н. Формы реализации права граждан на возмещение имущественного вреда, причиненного преступлением // Проблемы досудебного производства по УПК РФ: сборник статей по материалам межведомственной научно-практической конференции (23 апреля 2014 года). Руза, 2015.
10. Мазалов А. Г. Гражданский иск в уголовном процессе. М., 1977.

Bibliography

1. Barinova I. S., Antonova E. Yu. Victim of a crime in criminal legal relations // Bulletin of the Khabarovsk state academy of economics and law. 2015. № 2 (76).
2. Bagiev V. P. Civil claim in criminal process // Course of the Soviet criminal process: General part / under ed. A. D. Boikov, I. I. Karpets. Moscow, 1989.
3. Borodin S. V. Science of the Soviet criminal process // Criminal proceedings / under ed. B. A. Viktorov. Moscow, 1970.
4. Vlasov A. A. Damages for victims of crime // Law. 2000. № 2.
5. Grinenko V. A. Commentary on the Criminal procedure code of the Russian Federation (itemized). Moscow, 2006.
6. Gureev P. Civil action in the Soviet criminal proceedings. Moscow, 1961.
7. Gutkin I. M. Members of the Soviet criminal process // Criminal proceedings/ under ed. B. A. Viktorov. Moscow, 1970.
8. Dal V. Explanatory dictionary. Moscow, 1938. Vol. 3.
9. Lavrova O. N. The form of the right of citizens to compensation of the property harm caused by a crime // Problems of pre-trial proceedings in the Criminal procedure code of the Russian Federation: proceedings of the interdepartmental scientific-practical conference (on April 23, 2014). Ruza, 2015.
10. Mazalov A. G. Civil action in the criminal process. Moscow, 1977.

11. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1991.
12. Отечественное законодательство XI–XIX веков: пособие для семинаров. Ч. I: XI–XIX века / под ред. проф. О. И. Чистякова. М., 1999.
13. Позднышев С. В. Элементарный учебник русского уголовного процесса. М., 1913.
14. Сverdlov M. B. *Law of the Russian to the Russian truth*. Moscow, 1988.
15. Синенко С. А. Обеспечение прав и законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве: теоретические, законодательные и правоприменительные проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014.
16. Случевский Вл. Учебник русского уголовного процесса. Судостроительство-судопроизводство. СПб., 1910.
17. Смирнова Е. В. Возмещение вреда, причиненного преступлением, в уголовном судопроизводстве России: история и современность // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 11.
18. Смирнова Е. В. Проблемы возмещения вреда, причиненного преступлением, в уголовном судопроизводстве России // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2014. № 4 (31).
19. Хасаншина Р. Г. Сущность и значение возмещения вреда потерпевшему при принятии процессуальных решений по уголовным делам: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2014.
20. Хрестоматия по всеобщей истории государства и права / под ред. К. И. Батыра, Е. В. Поликарповой. М., 2004. Т. 1.
21. Чельцов М. А. Гражданский иск в уголовном процессе. М., 1945.
22. Шадрин В. С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений. М., 2000.
23. Юридический словарь / под общ. ред. П. И. Кудрявцева. 2-е изд. М., 1956. Т. II.
11. Ozhegov S. I. *Dictionary of the Russian language*. Moscow, 1991.
12. *The domestic legislation of the XI–XIX centuries: a handbook for workshops. Part I: XI–XIX centuries / under the ed. professor O. I. Chistyakov*. Moscow, 1999.
13. Pozdnishev S. V. *Elementary textbook of the Russian criminal process*. Moscow, 1913.
14. Sverdlov M. B. *Law of the Russian to the Russian truth*. Moscow, 1988.
15. Sinenko S. A. *Ensuring the rights and legitimate interests of victims in criminal proceedings: theoretical, legislative and law enforcement problems: dis. ... doctor of law*. Moscow, 2014.
16. Sluchevsky V. *Textbook of the Russian criminal process. The judicial system in litigation*. St. Petersburg, 1910.
17. Smirnova E. V. *Compensation of harm caused by the crime in criminal proceedings of Russia: history and modernity // Actual problems of Russian law*. 2014. № 11.
18. Smirnova E. V. *Problems of compensation of harm caused by the crime, in the criminal trial of Russia // Bulletin of the Volgograd academy of the MIA of Russia*. 2014. № 4 (31).
19. Khasanshina R. G. *Nature and significance of indemnification to the victim in making procedural decisions on criminal cases: dis. ... PhD in law*. Kazan, 2014.
20. *Readings in General history of state and law / under ed. K. I. Batyr, E. V. Polikarpova*. Moscow, 2004. Vol. 1.
21. Cheltsov M. A. *Civil action in the criminal process*. Moscow, 1945.
22. Shadrin V. S. *Ensuring the rights of the individual when investigating crimes*. Moscow, 2000.
23. *Legal dictionary / under the general ed. P. I. Kudryavtsev*. 2 edition. Moscow, 1956. Vol. II.

Тишкин Дмитрий Николаевич
Tishkin Dmitry Nikolayevich

старший преподаватель кафедры специальных дисциплин Волгодонского филиала Ростовского юридического института МВД России.

Senior Lecturer, Department of Special Disciplines, Volgodonsk branch of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.
Тел.: 8 (928) 192-33-22.

Напханенко Игорь Павлович
Napkhanenko Igor Pavlovich

доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Краснодарского университета МВД России кандидат юридических наук.

Associate Professor, Department of Operational-Investigative Activity in Special Techniques, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, PhD in Law.
Тел.: 8 (988) 584-40-66.

Кутякин Сергей Алексеевич
Kutyakin Sergey Alekseevich

профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя кандидат юридических наук, доцент.

Professor, Department of Operational and Investigative Activity, Ryazan branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation behalf of V. Ya. Kikot, PhD in Law, Associate Professor.
Тел.: 8 (920) 980-95-99.

**ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ЛИДЕРОВ КРИМИНАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ОСУЖДЕННЫХ
(«СМОТРЯЩИХ») В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ**

**Operative and investigative characteristics of the activity of criminal organization
leaders of convicted («watching») in correctional institutions**

В статье исследуются содержательные аспекты организационного и структурно-функционального наполнения деятельности лидеров криминальной организации осужденных в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы России. По мнению авторов, криминальная организация осужденных представляет собой сформировавшуюся в местах лишения свободы социальную систему, а теневая экономика исправительных учреждений выступает одним из основных направлений ее деятельности.

Ключевые слова: осужденные, исправительные учреждения, воры, «смотрящие», криминальная организация осужденных, преступная организация, противодействие преступности, оперативно-разыскная деятельность.

In this article the authors examine the substantive aspects of organizational and structural-functional filling activity leader's convicted criminal organization (watching) in correctional institutions of the penal system of Russia. According to authors, the criminal organization of convicts represents the social system created in places of detention, and the shadow economy of correctional facilities acts as one of the main directions it activities.

Keywords: prisoners, correctional facilities, thieves, «looking», the organization of criminal convicts, criminal organization, combating crime, operational search activities.

Оперативно-разыскное противодействие криминальной организации осужденных в местах лишения свободы [2, с. 42–48] было бы невозможно без изучения ее внутренней структуры и выполняемых ее лидерами и рядовыми чле-

нами функций. В этой связи возникает необходимость разработки оперативно-разыскной характеристики структурно-функционального содержания деятельности лидеров криминальной организации осужденных, так называемых

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

«смотрящих», в местах лишения свободы России [6, с. 281–282].

Говоря о структуре криминальной организации осужденных, мы можем представить себе ее в виде некой общей универсальной схемы [3, с. 70–75], характерной практически для всех исправительных учреждений, независимо от их вида, которые относятся к черным зонам* (см. рис. 1).

Определяя сущность деятельности «смотрящих» в местах лишения свободы, мы исходили из степени важности выполняемых ими функций.

Реализация «смотрящим» за зоной функции установления и поддержания в ней воровского порядка основана на неформальных нормах арестантского права («понятиях») [1, с. 82–87]. Она состоит в том, что у каждого «смотр

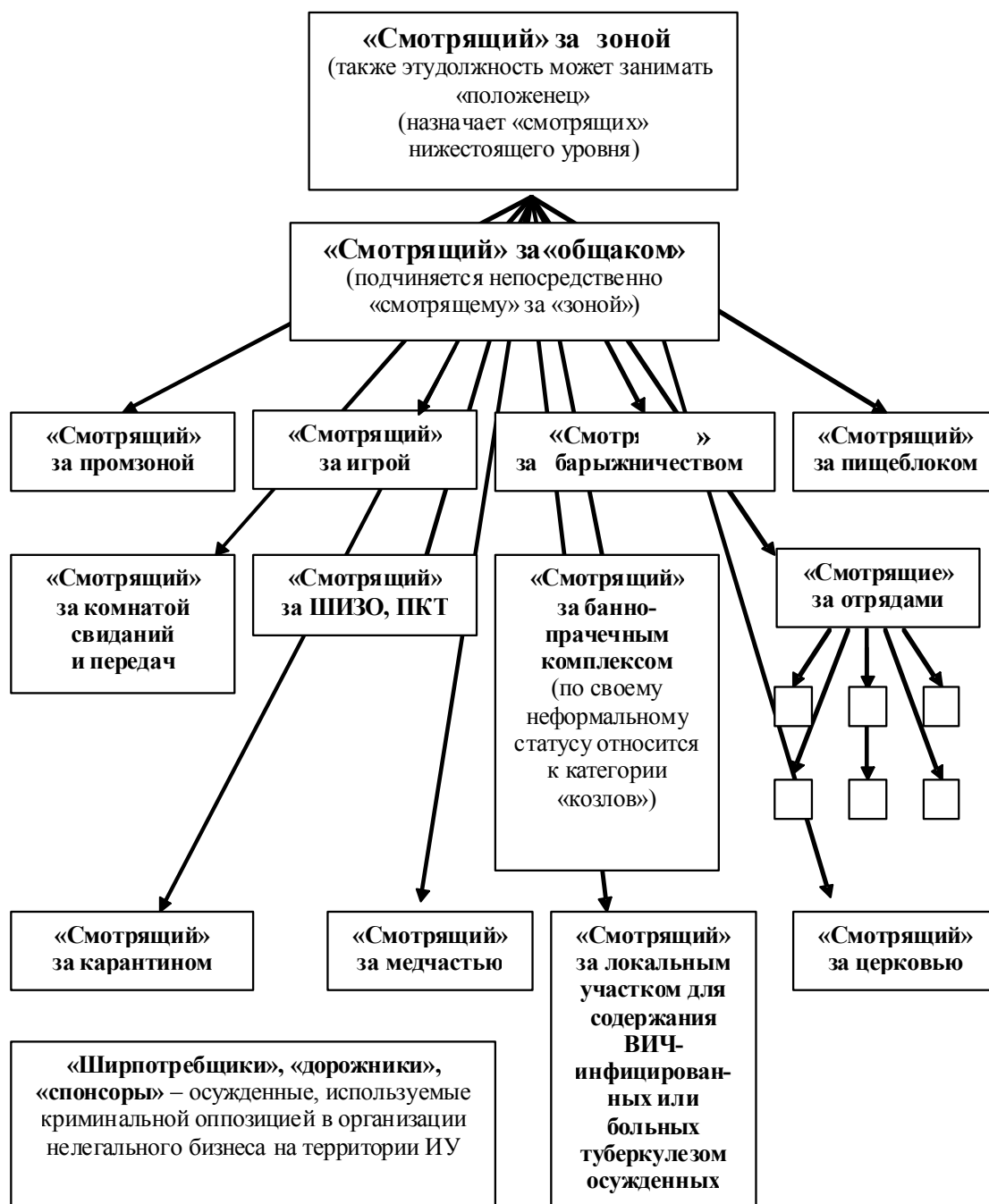

Рис. 1. Примерная структура криминальной организации осужденных в исправительной колонии

* Черная зона (жарг.) – исправительное учреждение, в котором сильно развиты неформальные объединения отрицательно характеризующихся осужденных, поддерживающих воровские «законь» и «понятия».

рящего» имеются особо приближенные из числа «блатных», которые осуществляют реализацию его решений. Они занимаются сбором информации обо всех событиях, происходящих в среде осужденных, и доведение данных сведений до «смотрящего». В свою очередь, каждый «блатной» имеет свои источники информации среди осужденных. Это позволяет «смотрящему» своевременно реагировать на несоблюдение тюремных законов и применять соответствующие санкции к нарушителям.

Кроме того, «смотрящий» персонально отвечает за пополнение и хранение «общака», который является финансовой основой авторитета криминальных лидеров в зоне.

«Смотрящий» для организации работы по сбору «общака» подбирает и назначает на «должность» «смотрящего» за «общаком», который является его ближайшим помощником. «Смотрящий» за «общаком» пользуется исключительным доверием «смотрящего» за зоной и непосредственно ему подчиняется. Эта «должность» является одной из ключевых в структуре криминальной организации и поэтому требует от ее обладателя соответствующих навыков и личностных качеств. «Смотрящий» за «общаком», как и «смотрящий» за зоной, несет ответственность за его сохранность и пополнение.

Деятельность по пополнению «общака» включает в себя несколько направлений. Они непосредственно связаны с деятельностью «смотрящих» и нелегальной деятельностью осужденных.

Один из способов пополнения общака – эксплуатация различных нелегальных каналов доставки запрещенных предметов в исправительное учреждение («дороги»). «Смотрящий» за зоной осуществляет контроль за нелегальными каналами передачи в учреждение продуктов, спиртного, вещей, наркотиков, денежных средств и другого.

«Смотрящий» за зоной персонально отвечает за организацию регулярной и надежной «дороги» перед «ворами», назначившими его на эту «должность».

В структуре криминальной организации исправительного учреждения имеется «должность» «дорожника». «Дорожниками», как правило, являются осужденные, имеющие в криминальной иерархии невысокий статус. Однако при этом они должны обладать необходи-

мыми способностями и возможностями по склонению сотрудников и работников исправительного учреждения к нелегальной доставке в зону запрещенных предметов. Услуги этих курьеров щедро оплачиваются «дорожниками». «Дорожник» обычно подчиняется «смотрящему» того объекта (столовая, медицинская часть, промышленная зона и т. п.), где работает и осуществляет одновременно свою нелегальную деятельность.

«Смотрящий» за зоной контролирует эти процессы, а также находящиеся у него в подчинении «смотрящего» за «общаком» и «смотрящий», который курирует конкретного «дорожника» и «дорогу».

Нелегальная торговля (барыжничество) является одним из способов пополнения «общака». Организацию и контроль за деятельностью барыг осуществляет «смотрящий» за барыжничеством. Его основной задачей является взимание «налога с прибыли», полученной в результате незаконной деятельности, в пользу «общака».

Барыга за определенное вознаграждение доставляет в зону медикаменты, отпускаемые по рецепту врача, наркотики и другие запрещенные к свободному обращению предметы и вещи. Деятельность барыг обуславливает тесные контакты с «дорожниками». Кроме того, барыги имеют взаимовыгодные отношения с представителями администрации, целью которых является тайное покровительство и защита. За это барыга готов щедро платить наличными деньгами.

Организация игорного бизнеса в исправительных учреждениях – еще один способ пополнения «общака». Этот вид нелегальной деятельности осуществляется путем игры в карты, реже в нарды, домино, пашки, шахматы, кости и т. п. Ответственным за игорный бизнес является «смотрящий» за игрой. В его обязанности входят установление правил, а также разрешение конфликтов между выигравшей и проигравшей сторонами. Необходимо отметить, что проигрыш в карточные и другие азартные игры в местах лишения свободы зачастую приводит к совершению наиболее серьезных правонарушений и опасных преступлений [5, с. 57–62]. Осужденные, принимавшие участие в азартных играх, в основном являются нарушителями режима и поэтому требуют повседневного контроля. «Смот-

рящий» за игрой отвечает за своевременную выплату доли (от 10 до 25 %) с выигрыша в «общак». Также он обязан знать, кто играл и размер выигрыша. «Игровые» должны уведомлять «смотрящего» о том, где и когда состоится игра, а он определяет размер максимально возможного проигрыша и срок возврата долга.

Важное место в структуре криминальной организации осужденных занимает «смотрящий» за промышленной зоной. Она представляет значительный интерес для криминальной организации осужденных, так как на ее территории находятся средства производства (станки, оборудование и т. п.), другие материальные ценности, позволяющие организовать нелегальное производство и хищение товарно-материальных ценностей. На ее территории можно изготовить и спрятать запрещенные предметы (оружие, приспособления для побега, захвата заложников и т. п.). В промышленной зоне проще установить незаконные контакты с вольнонаемными сотрудниками и организовать «дорогу». Кроме того, оборудование, находящееся в промышленной зоне, часто используется осужденными для изготовления различного «ширпотреба». Он служит источником нелегальных доходов и средством пополнения бюджета криминальной организации – «общака». Его изготовлением занимаются осужденные-«ширпотребщики». В отличие от барыги и «дорожников», они пользуются уважением среди «блатных», так как зарабатывают себе на жизнь своим трудом и отдают определенную долю в «общак».

Криминальной организацией осужденных устанавливается и строго контролируется стоимость нелегальных товаров и услуг. Реализовать вещь сверх установленной цены в исправительном учреждении нельзя, за это могут «спросить» представители криминальной организации. «Смотрящий» за промышленной зоной осуществляет контроль за работой «ширпотребщиков».

Контроль за промышленной зоной вместе со «смотрящим» за ней осуществляют также «смотрящие» за отрядным звеном, которые находятся у него в подчинении. Это связано с тем, что разные отряды выводятся на работу в разные смены, поэтому «смотрящему» за промышленной зоной практически невозможно контролировать всех выводимых на работу.

Важная роль в структуре криминальной организации осужденных отведена «смотрящему» за пищеблоком. Пищеблок занимает важное место в деятельности исправительного учреждения. Во-первых, организация качественного и своевременного питания является залогом стабильности и спокойствия. Поэтому улучшение питания осужденных входит в перечень обязанностей «смотрящего» за пищеблоком. Для этого он принимает все меры по доставке продуктов сверх установленных норм. Это, как правило, делается с молчаливого согласия администрации, а иногда и с помощью подкупа должностных лиц, ответственных за отгрузку, доставку и закладку в общий «котел» продуктов. Для руководства исправительного учреждения мотивы такой деятельности внешне выглядят вполне приемлемо и не вызывают с его стороны возражений. Вместе с тем за заботой об улучшении питания осужденных скрывается другая не менее значимая для криминальной организации осужденных цель – извлечение от торговли продуктами питания прибыли.

Во-вторых, в столовой наглядно проявляется иерархическое неравенство осужденных по отношению друг к другу. Поэтому контроль за их рассадкой по «мастям» также входит в функции «смотрящего» за пищеблоком. В противном случае могут возникать конфликты, нередко завершающиеся избиением нарушителя правил.

Следующими по значимости в структуре криминальной организации осужденных являются «смотрящие» за отрядами. Криминальная организация осужденных отрядного уровня по своему содержанию является миниатюрной копией криминальной организации осужденных исправительного учреждения в целом. Функциональные обязанности «смотрящего» за отрядом во многом совпадают с обязанностями «смотрящего» за зоной. Разница заключается в том, что пределы полномочий «смотрящего» за отрядом распространяются только на курируемый им отряд. В некоторых учреждениях в связи с тем, что осужденные нескольких отрядов проживают в одном общежитии, должности «смотрящих» за отрядами могут быть совмещены в одном лице – «смотрящем» за общежитием. В лесных исправительных учреждениях эта должность называется «смотрящий» за бараком.

Главная обязанность «смотрящего» за отрядом – урегулирование различных конфликтных ситуаций между осужденными, а также между осужденными и администрацией исправительного учреждения [4, с. 78–82]. Если разрешить внутренний конфликт своими силами не удастся или он выходит за пределы отряда, то «смотрящий» за отрядом прибегает к помощи «смотрящего» за зоной, который и принимает окончательное решение.

Другой обязанностью «смотрящего» за отрядом является создание для осужденных комфортных жилищно-бытовых условий. Каждое отвоеванное у администрации послабление в режиме расценивается как личная заслуга «смотрящего» за отрядом и способствует его успешному продвижению вверх по карьерной лестнице в структуре криминальной организации. Для создания хороших жилищно-бытовых условий может использоваться «спонсорская» помощь. На «спонсорские» деньги по согласованию с начальником отряда могут приобретаться предметы бытового назначения, строительные материалы, необходимые для ремонта помещений. Такое улучшение жилищно-бытовых условий осуществляется, как правило, с молчаливого согласия администрации исправительного учреждения. Это во многом обусловлено недостаточным финансированием мест лишения свободы. Кроме того, на «спонсорские» деньги в исправительных учреждениях могут организовываться различные виды производственной деятельности, которые приносят прибыль не только учреждению, но и лидерам криминальной организации осужденных. Для этого активно используются деловые и коммерческие связи «спонсоров» за пределами исправительных учреждений.

Ближайшими помощниками «смотрящего» за отрядом являются держатель отрядного «общака» и отрядный «смотрящий» за промзоной. Держатель отрядного «общака» отвечает за учет, хранение и движение средств. Он назначается на «должность» и подчиняется непосредственно «смотрящему» за отрядом. Отрядный «смотрящий» за промзоной в вопросах, касающихся производства, подчиняется общеколонийскому «смотрящему» за промзоной. В от-

сутствие «смотрящего» за отрядом он выполняет функции по общему неформальному руководству осужденными отряда.

Важная роль в структуре криминальной организации исправительного учреждения отводится «смотрящему» за ШИЗО (ПКТ). Его главная обязанность регулярно и бесперебойно «греть БУР*». Эту «должность», как правило, занимает пользующийся авторитетом осужденный из числа «блатных». Его функции в многом напоминают функции снабженца, который обеспечивает «путевые хаты» продуктами питания, табачными изделиями, средствами личной гигиены и т. п. «Смотрящий» за ШИЗО (ПКТ) через коррумпированных сотрудников и работников учреждения, осужденных из числа хозяйственной obsługi ШИЗО (ПКТ) осуществляет постоянную связь со всеми «путевыми хатами». С помощью этих лиц он организует нелегальные поставки в ШИЗО (ПКТ) необходимых продуктов, вещей и предметов. Собственных материальных ресурсов «смотрящий» за ШИЗО (ПКТ) не имеет и использует для этого средства «общака».

Еще одна структурная единица криминальной организации осужденных – «смотрящий» за комнатой свиданий и передач. Она обычно используется осужденными как нелегальный канал доставки в исправительное учреждение продуктов питания, запрещенных вещей, предметов и денег. Поэтому на эту «должность» назначается осужденный из числа «авторитетных мужиков» или «блатных». Он осуществляет контроль за привозимыми в передачах осужденным родными и близкими вещами. «Смотрящий» за комнатой свиданий и передач отвечает за бесперебойную работу этого канала. В его неформальном подчинении находится дневальный по комнате свиданий и передач, который и занимается проносом в зону небольших партий запрещенных предметов. Крупногабаритный «груз» передается в зону при помощи коррумпированных работников и сотрудников администрации. В связи с этим «смотрящий» за комнатой свиданий и передач должен иметь широкий круг коррумпированных связей среди младшего инспекторского состава учреждения.

---

* БУР (сокр.) – барак усиленного режима. В настоящее время так называют штрафной изолятор (ШИЗО) и помещение камерного типа (ПКТ).

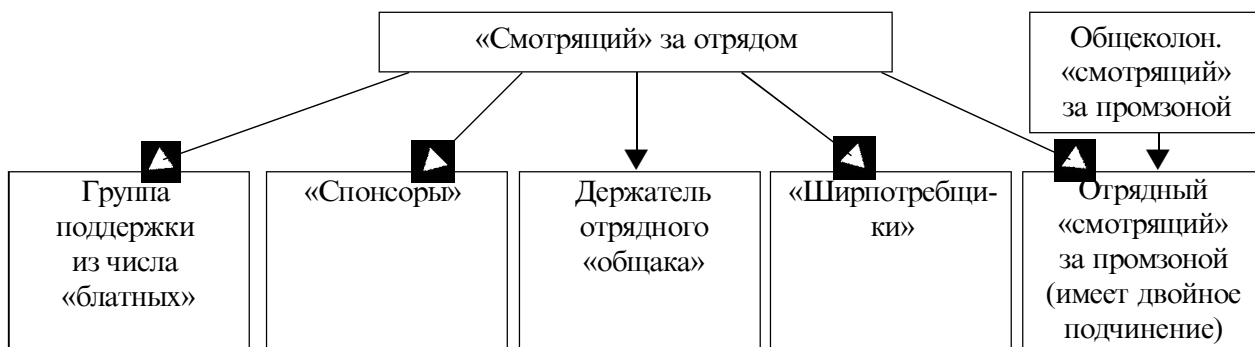

Рис. 2. Структура криминальной организации осужденных отряда

В структуре криминальной организации осужденных (см. рис. 2) важная роль отводится «смотрящему» за карантинном. В его функции входит:

- знакомиться с заключенными, прибывающими в исправительное учреждение, и объяснять, что в нем существует «черный ход»*;
- выяснять и докладывать «смотрящему» за зоной о том, кто прибыл в исправительное учреждение («воры», «авторитеты», «спонсоры» и так далее);
- обеспечивать новичков за счет «общака» всем необходимым, включая постельные принадлежности и т. п.;
- при возникновении среди вновь прибывших конфликтных ситуаций осуществлять их «разбор» и принимать меры по их разрешению («разбирать рамсы»**);
- информировать «смотрящего» за зоной обо всех нелегальных передачах («греве» из других зон), «постановочных воровских письмах» и другой корреспонденции, носящей «общаковый» характер;
- давать предварительную оценку неформального статуса вновь прибывшим. «Смотрящий» за зоной затем на основании полученной от «смотрящего» за карантинном информации распределяет новичков по отрядам.

Существенное место в структуре криминальной организации осужденных занимает «смотрящий» за медицинской частью, который должен:

- контролировать создание в медицинской части надлежащих коммунально-бытовых условий;
- обеспечивать (за счет средств «общака») нуждающихся осужденных, находящихся на

стационарном лечении, продуктами питания и предметами первой необходимости;

- осуществлять в случае возникновения конфликтов между осужденными на территории медицинской части третейского правосудия по «понятиям»;
- налаживать взаимодействия и «взаимовыгодное сотрудничество» с работниками медицинской части и представителями администрации.

«Смотрящий» за медицинской частью с помощью коррумпированных медицинских работников обеспечивает госпитализацию осужденных, отправку «нужных» осужденных в другие лечебные учреждения уголовно-исполнительной системы, а также нелегальный пронос в зону медикаментов и иных запрещенных предметов. Для большинства осужденных, не входящих в криминальную организацию, услуги «смотрящего» за медицинской частью являются платными.

В структуре криминальной организации исправительного учреждения также имеется «должность» «смотрящего» за участком (отрядом), где содержатся ВИЧ-инфицированные или больные туберкулезом. Его задачами являются:

- сбор «общака»;
- поддержание порядка и «разруливание» конфликтных ситуаций между осужденными на подведомственной ему территории;
- контроль за игрой на своем объекте и своевременное отчисление процента с выигрыша в «общак».

«Смотрящий» за церковью (мечетью, молельным домом и т. п.) обеспечивает порядок на ее территории. Эту «должность», как правило, занимает осужденный, поддерживающий те или

* «Черный ход» (жарг.) – воровские порядки, поведение осужденных регулируется неформальными криминальными нормами – «понятиями».

** «Разбирать рамсы» (жарг.) – осуществлять функции третейского суда в криминальной среде.

иные религиозные взгляды, культивируемые большинством. «Смотрящий» за церковью курирует строительство храма, и из этого извлекается немалая финансовая выгода для «общака».

Последней рассматриваемой нами категорией «смотрящих» является «смотрящий» за банно-прачечным комплексом. В его обязанности входит обеспечение порядка на подведомственной ему территории и оказание различного рода услуг представителям криминальной организации осужденных. «Разруливать рамсы» этот осужденный не правомочен, так как не является «авторитетом» или «блатным». Основная его деятельность заключается в предоставлении помещений банно-прачечного комплекса для проведения различных нелегальных мероприятий, организуемых осужденными.

Литература

1. Билоус Е. Н., Кутякин С. А., Напханенко И. П. Антагонистический характер факторов, обуславливающих возникновение неформальных тюремных норм («понятий») в среде осужденных к лишению свободы // *Философия права*. 2016. № 1 (74).
2. Билоус Е. Н., Кутякин С. А., Бардадым И. С. Оперативно-разыскное противодействие криминальным группировкам осужденных в местах лишения свободы // *Юрист-Правовед*. 2016. № 3 (76).
3. Кутякин С. А. Организация противодействия криминальной оппозиции в уголовно-исполнительной системе России: монография. Рязань, 2012.
4. Кутякин С. А., Гришин Д. А. Структура, содержание и особенности конфликта между криминальной организацией осужденных к лишению свободы и администрацией исправительного учреждения уголовно-исполнительной системы России // *Вестник Российского нового университета*. 2015. № 7.
5. Кутякин С. А. Уголовно-процессуальное, криминалистическое и уголовно-исполнительное противодействие организованным преступным группам осужденных в исправительных учреждениях // *Уголовно-исполнительное право*. 2015. № 2.
6. Кутякин С. А. «Смотрящие» и их организационно-распорядительная деятельность среди осужденных в местах лишения свободы // *Российский научный журнал*. 2013. № 4 (35).

Таким образом, к основным направлениям деятельности лидеров криминальной организации осужденных относится пополнение, распределение и использование средств криминального «общака». Поэтому вместе с административными функциями практически каждый «смотрящий» осуществляет экономическую функцию, которая выражается в организации в подведомственной зоне или в сфере неформальной деятельности различных форм преступного промысла.

Анализ содержания деятельности криминальной организации осужденных позволяет сделать заключение о том, что она представляет собой сформировавшуюся социальную систему, обладающую всеми признаками преступной организации.

Bibliography

1. Bilous E. N., Kutyakin S. A., Naphanencko I. P. The antagonistic nature of the factors contributing to the emergence of informal prison norms («concepts») among the convicts // *Philosophy of law*. 2016. № 1 (74).
2. Bilous E. N., Kutyakin S. A., Bardadym I. S. Operational-search counteraction to criminal gangs of convicts in prisons // *Jurist-Pravoved*. 2016. № 3 (76).
3. Kutyakin S. A. Organizing opposition countering criminal in the penal system of Russia: monograph. Ryazan, 2012.
4. Kutyakin S. A., Grishin D. A. The structure, content and characteristics of the conflict between the criminal organization sentenced to prison and the prison administration of criminal executive system of Russia // *Journal of Russian new university*. 2015. № 7.
5. Kutyakin S. A. Criminal procedure, criminalistics and criminal enforcement combating organized criminal groups of inmates in penal institutions // *Criminal-executive law*. 2015. № 2.
6. Kutyakin S. A. «Beholder» and their organizational and administrative activities among inmates in prisons // *Russian scientific journal*. 2013. № 4 (35).

Правила для авторов и условия публикации статей

1. Редакцией принимаются рукописи научных статей, оформленные строго в соответствии с требованиями журнала.
2. Объем научной статьи должен составлять от 10 до 15 страниц (включая схемы, таблицы, рисунки), объем научных обзоров, отзывов и рецензий на уже опубликованные издания – от 2 до 4 страниц.
3. Материалы представляются в редакцию:
  - на электронном оптическом носителе (или по электронной почте), выполненные в текстовом редакторе Microsoft Word (шрифт – Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – 1,5, левое поле – 3 см, сверху и снизу – 2 см, справа – 1 см). Название файла – фамилия и инициалы автора.
  - на бумажном носителе (на стандартных листах белой бумаги формата А4 с одной стороны). Распечатанный текст должен полностью соответствовать электронному варианту статьи.
4. К научной статье прилагается следующая информация на русском и английском языках: название статьи, аннотация (3–4 предложения), ключевые слова (6–10 слов или словосочетаний), контактная информация, сведения об авторе (авторах) (должность, место работы, ученая степень, ученое звание), список использованной литературы, оформленный в соответствии с ГОСТом Р 7.0.5–2008, который размещается в конце статьи. В тексте указание на источник оформляется в квадратных скобках, где приводится номер источника из библиографического списка, после запятой – цитируемая страница.
5. Таблицы и рисунки нумеруются в порядке упоминания их в тексте статьи, каждая таблица и рисунок должны иметь свой заголовок.
6. Используемые в тексте сокращения должны быть расшифрованы, за исключением общеупотребительных (названия мер, физических, химических и математических величин и терминов).
7. Ответственность за точность цитат, фамилий и имен, цифровых данных, дат несет автор. На последнем листе автор (авторы) указывает: «Материал не содержит неправомерного заимствования, вычитан, цифры, факты сверены с первоисточниками», подписывает, расшифровывает подпись, ставит дату. Соискатели ученой степени кандидата наук также указывают: «Текст согласован с научным руководителем». Далее – дата, Ф.И.О., должность, ученая степень, ученое звание, подпись научного руководителя.
8. Вместе со статьей в редакцию журнала представляется заявка на публикацию (размещена на сайте журнала).
9. К статье прилагается внешняя рецензия. Подпись рецензента заверяется печатью организации, в которой он работает. Рецензент должен иметь ученую степень доктора либо кандидата наук в соответствующей научной области.
10. Рукопись статьи публикуется на основании экспертного заключения, составленного редакционной коллегией журнала.
11. Рецензированию подлежат все рукописи научных статей, поступающие в редакцию журнала.
12. По запросу автора статьи ему может быть предоставлена рецензия.
13. Статья, поступившая в редакцию журнала после доработки, рассматривается в порядке общей очередности.
14. Не подлежат обязательному рецензированию обзоры и рецензии на уже опубликованные издания.
15. Редакция оставляет за собой право в случае необходимости осуществлять техническое и художественное редактирование представленных материалов.
16. Плата за публикацию статей с авторов не взимается.
17. Материалы публикуются на безгонорарной основе.
18. Статьи, не принятые к изданию, авторам не возвращаются.

**Уважаемые авторы, в случае невыполнения вышеперечисленных условий
статья опубликована не будет!**